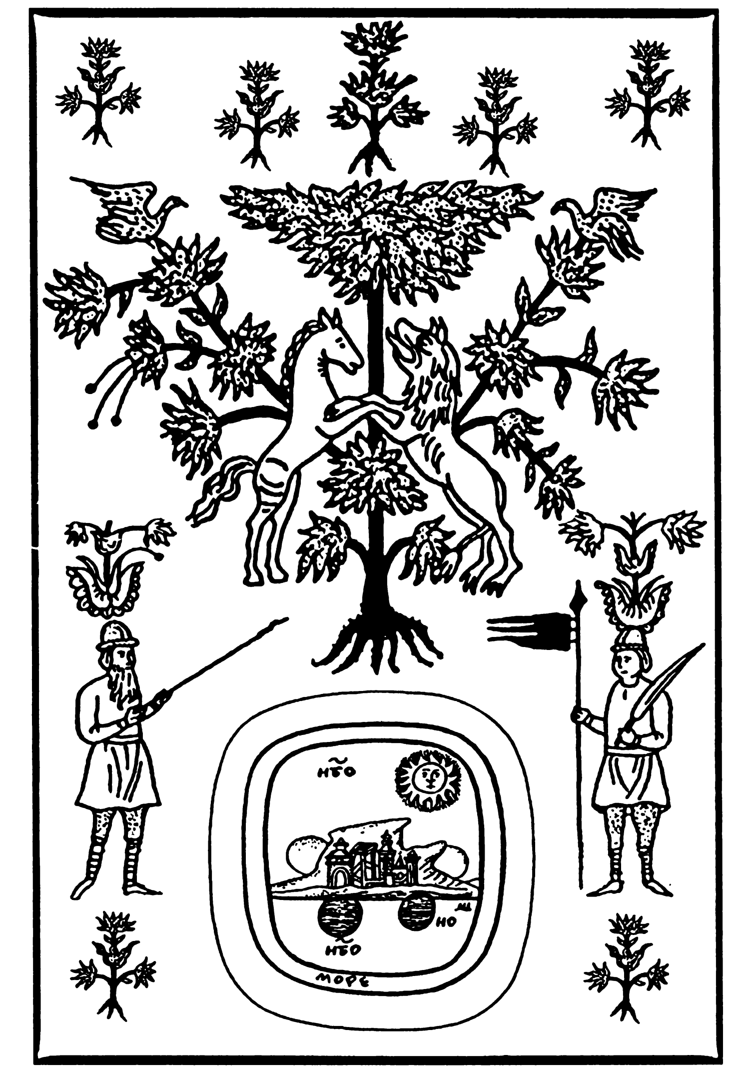
ГОЛУБИНАЯ КНИГА

СЛАВЯНСКАЯ КОСМОГОНИЯ

нбо
нбо
но
море

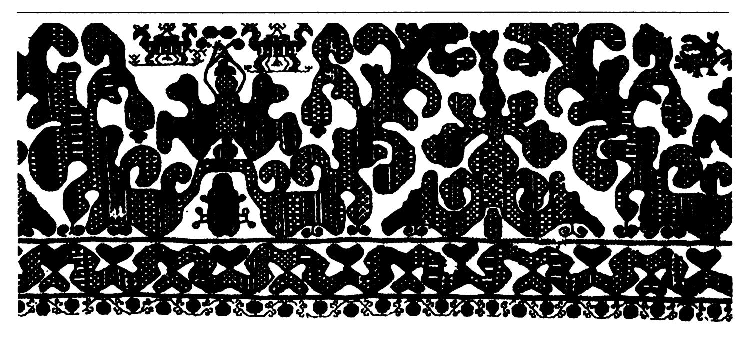

Составление, переводы

и комментарии

Д. ДУДКО

ЭКСМО
2008

Загадка Голубиной книги

Упала с небес книга. Звалась она «Голубиной» — от своей чистоты и небесной святости. Или «Глубинной» — от глубины заключенной в ней премудрости. Не смогли ее прочитать ни святые пророки, ни цари, даже древний царь-великан Волот. Удалось это только Давиду Евсеевичу — святому царю, гусляру и пророку. Говорилось же в книге о том, как начался наш мир: откуда пошли белый свет, солнце, месяц, звезды, заря, гром, ветер, откуда взялись сословия — цари, князья-бояре, крестьяне. И о том, что есть в этом мире самого святого и главного: какой царь над царями царь, какая земля всем землям мать, какое самое главное море, озеро, река, церковь, гора, камень, дерево, трава, зверь, птица. А еще о том, как боролись Правда с Кривдою и где она, Правда,

подевалась в этом грешном мире. Подивились все мудрости Давидовой. А царю Волоту был вещий сон, и решил он отдать свою дочь за сына Давида — будущего премудрого царя Соломона.

Так пели те, кого на Руси издавна звали «каликами перехожими». Были то не просто нищие бродяги. Не попрошайки, которые не могли (или не хотели) работать и которым подавали из жалости да ради награды небесной. А странники, ходившие по святым местам. Во времена богатырские были то вовсе не калеки в нынешнем смысле этого слова. (Само слово «калика» — от латинского *caliga*, «дорожный сапог»). А люди сильные, вооруженные и зачастую не бедные — с увесистыми посохами, порой отделанными дорогой моржовой костью, с бархатными сумами, в железных шапках-шлемах. Ходили они целыми ватагами и сами могли кого угодно калекой сделать. Такими увековечила их былина «Сорок калик со каликою». Калики, повидавшие мир, были начитаны и нередко вольнодумны. Даниил Паломник из Чернигова прославился в конце XII в. как писатель и даже стал героем былин. Он же, видимо, написал по дороге первый трактат о древнерусском язычестве. А Василий Калика, избранный в 1331 г. архиепископом вольного Новгорода, украсил Софийский собор вратами с апокрифическими изображениями и сочинил послание о том, как отважные новгородские мореходы будто бы доплыли до земного рая.

В позднейшие времена, когда кончились усобицы и набеги степняков, странствовать стали в основном люди убогие да увечные. Лишенные физической силы, они сохранили силу духовную. Земных же богатств не имели, да и не хотели иметь. Это они создавали и исполняли «духовные стихи» — песни на религиозные темы. За это их в народе уважали и кормили. Одним из популярнейших духовных стихов и был «Стих о Голубиной книге».

Ученым не известен ни один письменный текст под названием «Голубиная книга». Или хотя бы под другим названием, но с тем же содержанием, что в стихе. Так была ли она, эта таинственная книга? А если была, то кто ее и когда создал? Был ли то православный, еретик или тайный язычник? Ибо с виду стих вполне православен: тут тебе Саваоф, Христос, гора Фаворская, Иерусалим-град... И в то же время его создатели словно бы не читали первой главы Книги Бытия.

О том, что загадочная книга существовала уже в начале XIII в., свидетельствует написанное в 1224—1237 гг. житие Авраамия Смоленского — ученого священника, которого при жизни объявляли еретиком, а после смерти — святым. Обвиняли же в ереси за то, что он читал «г'лубинныя книги». Апострофом здесь передано «титло», заменявшее в рукописи «ъ» («ер»). «Ер» в те времена означал полугласный звук, отчасти исчезнувший, отчасти перешедший в «о» («пълкъ», «въстокъ»). То есть читать можно и «глубинные», и «голубиные». Однако в древнерусских индексах запрещенных книг

нет ни «Глубинной», ни «Голубиной» книги. Есть лишь некая «Глубина», но в числе книг дозволенных. Возможно, это Псалтирь, нередко именовавшаяся русскими книжниками «Глубиной» ради «глубины премудрости» царя-псалмопевца Давида. Или же поначалу Церковь отнеслась к православной вроде бы «Глубинной книге» терпимо, но затем обрушилась на сочинение, популярное среди вольнодумцев.

В 1760-х гг. «Стих о Голубиной книге» записал один из первых собирателей русского фольклора, загадочный Кирша Данилов. В первые издания его сборника стих, однако, не вошел. В поле зрения ученых это произведение попало в середине XIX в. Впервые его издал в 1848 г. известный собиратель народных песен П. Киреевский. Наибольшее же количество списков опубликовали в 1860—1861 гг. П. Бессонов в его капитальном издании «Калики перехожие» и В. Варенцов. То были романтические времена господства мифологической школы. Ученые осваивали неисчерпаемые богатства славянского фольклора, находя все новые следы славянских и общеиндоевропейских мифов. Сравнив духовный стих с Ригведой и «Старшей Эддой», «мифологи» сразу поняли: перед ними славянский космогонический миф, восходящий к общеиндоевропейскому и лишь слегка прикрытый народно-православной оболочкой. Именно так оценили «Стих о Голубиной книге» Н. Надеждин, А. Афанасьев, П. Бессонов, Ф. Буслаев. Более осторожны были Н. Тихонравов, А. Пыпин, В. Варен-

цов, И. Срезневский, А. Котляревский, указывавшие на возможную связь стиха с книжными апокрифами.

Затем настали другие времена — прозаические, буржуазные,— рухнуло крепостное право, разлагалась крестьянская община, хранившая вековое мировоззрение, шли либеральные реформы. В науке восторжествовала позитивистская «школа заимствований». Какая славянская мифология? О ней же почти ничего достоверного не известно. А значит ее вроде как и не было. Индоевропейская мифология? Это вообще одни реконструкции, сиречь фантазии. Лучше заняться серьезным делом: сравнивать фольклорные тексты со вполне осязаемыми письменными памятниками. Так рассуждали виднейшие исследователи духовных стихов А. Н. Веселовский и А. Кирпичников и автор первой монографии о «Голубиной книге» Л. Мочульский. По их мнению, в основе стиха лежат не языческие мифы, а славянские апокрифы, выросшие опять-таки на книжной христианской почве.

В 1960—1970-х гг. начинается новый расцвет изучения славянского язычества. В работах крупнейших славистов Б. А. Рыбакова, В. В. Иванова, В. Н. Топорова воскресают самые сильные стороны мифологической школы. Гораздо шире становится круг источников — письменных, археологических, этнографических. И вот уже в 1971 г. В. Н. Топоров, сопоставив «Стих о Голубиной книге» с целым рядом индийских, иранских, германских, средневековых европейских источников, сделал вывод: в основе их всех — общеиндоевро-

пейский миф о сотворении мира из тела космического гиганта. В 1978 г. тот же автор выдвинул интереснейшую гипотезу: не лежит ли в основе «Глубинной книги» иранский Бундахишн («Сотворение глуби») — зороастрийская космогоническая книга, созданная на основе несохранившейся части Авесты?

Традиции «школы заимствований», впрочем, тоже не умерли. В 1990 г. А. А. Архипов увидел в «Голубиной книге»... еврейскую Тору. На Руси якобы еврейское «сефер тора», «Книга Закона», поняли как «сефер тор», «книга голубя». Но как раз с Торой-Пятикнижием (хоть еврейским, хоть христианским) русский стих слишком расходится, чтобы отождествлять их. А В.Н.Топоров позднее вдруг попытался вывести «Глубинную книгу» из сочинений гностика II в. Валентина. Но запутанные мистические писания гностиков, рассчитанные лишь на «избранных», меньше всего способны были повлиять на фольклор.

И, наконец, совсем недавно появилась и уже выдержала два издания замечательная работа М. Л. Серякова «Голубиная книга — священное сказание русского народа». Обстоятельно, на высоком научном уровне, но вполне доступно исследователь доказывает: таинственная книга — языческий священный текст, замаскированный под христианский древнерусскими «двоеверцами».

По языческим понятиям, не было ничего плохого в том, чтобы наряду со своими богами почитать еще и чужих (на-

пример, греческого Христа) или отождествлять своих богов с чужими, лишь бы не отступаться полностью от веры отцов и сохранять уважение к ней. Христианство же видело в этом «двоеверие», явление худшее, чем само язычество. Тем более что дело здесь было вовсе не в плохом знании христианства. «Не токмо же то творят невежи, но и вежи попове и книжници»,— с возмущением писал о почитателях Перуна и Даждьбога анонимный средневековый автор — «христолюбец и ревнитель по правой вере». Гениальный автор «Слова о полку Игореве», пронизанного языческим мировоззрением, вовсе не был врагом христианства: «поганый» у него — ругательство, прилагаемое к внешним врагам Руси. Тем временем в глухих лесах по Збручу все еще стояли священные языческие города, просуществовавшие до самого татарского нашествия, и галицкие князья не пытались устроить против них крестовый поход. В эту эпоху и жил один из «веж попов и книжников», знаток «глубинных книг» — Авраамий Смоленский (ок.1146—1219).

Авраамий происходил из знатной и богатой семьи. Отец его был приближен к князю. Сын, с детства больше всего любивший книги и церковное пение, после смерти родителей раздал имущество беднякам и ушел в монастырь. Начитанный, скромный и послушный монах, став священником, приобрел невероятную популярность в городе как проповедник и учитель. И вдруг на него ополчилось все смоленское духовенство. Авраамия схватили и потащили на суд, призывая

сжечь, утопить или распять на стене опасного «еретика». Единственным обвинением было чтение «глубинных [голубиных] книг». Смоленские «христолюбцы» готовы были дойти до глумления над Распятием. Однако на сторону Авраамия встали князь и светская знать. Хотя княжеский суд оправдал вольнодумца, Авраамия изгнали из города. Но вскоре случилась сильная засуха. Епископ тщетно правил молебны. В таких случаях, бывало, владык сгоняли с престолов. И архиерей взмолился к гонимому им «еретику» о прощении. После молитвы Авраамия засуха прекратилась, и он предстал в глазах народа могущественным святым. Умер Авраамий игуменом своего монастыря.

Так что же было в таинственных книгах, известных Авраамию? М. Л. Серяков убедительно доказывает: языческий текст «Голубиной книги», восходящий к общеиндоевропейской древности, существовал уже тогда, когда вещий Олег назвал Киев «матерью городов русских» (в стихе мать городам — Иерусалим, но мать землям — Святорусская земля). И христианизация текста началась уже в конце X—XI вв., когда святым покровителем Руси считался римский Папа Климент, умерший в ссылке в Херсонесе. С XII в. его в этой роли вытеснил св. Андрей. Загадочная книга «Глубина», поначалу терпимая Церковью, существовала уже в XI в. (упоминается в «Изборнике» Святослава 1073 г.). Вполне вероятно поэтому, что именно Авраамий Смоленский и придал «Голубиной книге» тот вид, в котором ее сохранили духовные стихи.

Возможно, знаком был с книгой и новгородский владыка-вольнодумец Василий Калика. По крайней мере, в варианте стиха, записанном на далекой Индигирке среди потомков новгородцев, вместо Давида выступает некий Калига.

Доработка текста, письменного или устного, продолжалась и позже, до XV—XVI вв. включительно. Предсказание, что конец света «при восьмой будет при тысяци», явно появилось не позже 1492 г., 7000 года от сотворения мира, когда все православные народы ожидали Страшного суда. Светопреставление так и не состоялось, зато католик Колумб открыл Америку, изменив этим судьбы мира. А слова о том, что в «Голубиной книге» «*напечатано*»,— вставка, сделанная не ранее начала книгопечатания в России (1564 г.).

В дальнейшем мы будем называть «Голубиной книгой» несохранившийся письменный текст, а «Стихом о Голубиной книге» или просто «стихом» — донесенную до нас каликами перехожими устную версию.

Итак, языческая «Голубиная книга» была! Но разве были у славян-язычников книги и вообще письменность? Заметим, что отсутствие у народа письменности — вовсе не показатель какой-то дикости и тупости. Веды и Авеста долгие века бытовали лишь в устной форме, а кельтские друиды вообще принципиально не записывали своего учения. Славяне же задолго до своего крещения имели письмо (на основе греческого), лишь усовершенствованное в IX в. Кириллом-Константином и Мефодием. Древнейший образец этого письма —

надпись на скромном лепном черепке III—IV вв. из селища Рипнев на Западном Буге. И это — имя божества: «Ладо». Известно и еще несколько подлинных славянских дохристианских надписей. (Поддельных, к сожалению, гораздо больше; чего стоит одна только коллекция «прилливицких идолов» с безграмотными, порой непристойными «руническими» надписями, изготовленная в XVIII в. бронзовщиком Г. Шпонгольцем!) Ученые-профессионалы, увы, почти не занимаются ими, избегая всего, связанного с «сенсациями», да еще политизированными.

Письмо было, но были ли книги? Ближайшие соседи и сородичи славян — германцы примерно тогда же создали свои руны (на основе рето-этрусского алфавита), но употребляли их исключительно для коротких магических надписей и эпитафий. «Эдда» была записана латиницей уже в христианские времена. А что же знаменитая «Велесова книга»? Как ее переводчик и исследователь[1], вынужден разочаровать всех почитателей этой талантливой и мудрой славянской книги. Она создана не в IX, а в XIX—XX вв., и не языческими волхвами, а русским антикварием А. И. Сулакадзевым и славистом-любителем, белоэмигрантом Ю. П. Миролюбовым. Для пропаганды своих патриотических взглядов они избрали не лучший способ, но по крайней мере не искали корысти, как Шпонгольц. Доказательств же того, что в их руках побывал подлинный древний текст, увы, пока что нет. Но разве можно исключить из истории европейской культуры «Песни Осси-

ана» потому, что их создал не кельтский бард III в., а писавший под его именем в XVIII в. шотландский поэт Дж. Макферсон?

Но все же для того, чтобы сложить миф об упавшей с неба священной книге, нужно иметь книги или, по крайней мере, знать, что это такое. Христианские священные книги были известны славянам по крайней мере с середины IX в. Это русские Псалтирь и Евангелие, виденные Кириллом-Константином в Херсонесе, согласно его житию. (Русская Толковая Палея XV в. даже называет создателем славянской письменности херсонесского русина, а Кирилла — его учеником). Вполне возможно поэтому, что славянские волхвы уже тогда начали создавать в противовес христианскому — свое Священное Писание.

И тут следует вспомнить гипотезу В. Н. Топорова о Бундахишне. Эта книга, созданная зороастрийскими жрецами-мобедами в III—V вв., излагает Дамдад-наск — утраченную космогоническую главу Авесты. Сохранились два варианта Бундахишна: краткий («иранский»), строго ортодоксальный, и «Большой» («индийский»[2]), изобилующий фольклорно-апокрифическими мотивами. Могли ли славяне-язычники знать эту книгу? Во второй половине IX в. русские купцы регулярно ездили из Киева через Хазарию в Рей (нынешний Тегеран) и оттуда в Багдад, добирались даже до Индии и Китая. Об этом писал не кто иной, как арабский географ Ибн Хордадбех, заведовавший тогда почтовой станцией в Рее.

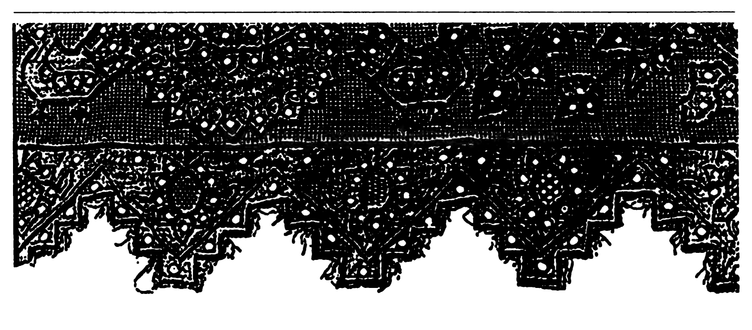
Среди Афанасиев Никитиных IX в. могли быть и волхвы. Другие арабские и персидские авторы тех времен говорят о неких русах, живших на побережье Дагестана и воевавших в VII в. с персами и арабами. Русская «Степенная книга» XVI в. упоминает о войнах Руси с персидским царем Хоздроем. Это Хосров I Ануширван (531—578) или Хосров II Парвиз (590—628). Серебряные сасанидские сосуды обнаружены в Перещепинском кладе на Полтавщине, зарытом в VII в. славянским князем или болгарским ханом.

Что же общего у «Голубиной [глубинной] книги» с Бундахишном? Прежде всего сама тема (сотворение и устройство мира), название, связанное с понятием «глубина», и вопросно-ответная форма (в Большом Бундахишне — Заратуштра спрашивает, Ормузд отвечает). Затем миф о создании мира из частей тела Бога (есть лишь в Большом Бундахишне). И, наконец, представление о главном звере, главной птице, горе, реке. Всего этого недостаточно, чтобы видеть в «Голубиной книге» простой перевод Бундахишна, но в таком подходе и нет нужды. Главное — сама идея «глубинной» *книги* (а не, скажем, священной *песни*), повествующей о происхождении и устройстве мира. Идея, общая только славянам и иранцам — в отличие от упомянутого мифа об изначальном первобоге-гиганте, имеющего общеиндоевропейские истоки. Но, чтобы заимствовать что-либо (не в порядке «обезьянничанья»), нужно обладать определенным культурным уровнем. Видимо, волхвы потому и заинтересовались иранской

книгой, что нашли в ней нечто близкое славянским мифам и верованиям. Особенно сближало славян и иранцев повышенное внимание к этике, понимание мира как арены борьбы Света и Тьмы, Правды и Кривды, поиски места человека в этой борьбе, путей достижения им чистоты и святости. Сами славянские термины «бог», «вера», «святой», «благо», «зло» и многие другие — иранского происхождения. Это сближение началось даже не в VI в., а много раньше, в скифскую эпоху, когда до славян, звавшихся тогда скифами-пахарями, докатились волны религиозной революции, вызванной в иранском мире Заратуштрой[3].

Космогония и космология древних славян отразились не только в «Стихе о Голубиной книге», но и в апокрифах, колядках, народных легендах, заговорах. Со всеми этими интересными источниками, разбросанными по множеству малодоступных специальных изданий, и знакомит читателя наша книга. Приведены также родственные славянским индоевропейские тексты такого рода — индийские, иранские, греческие, германские, средневековые западноевропейские, а также типологически близкое китайское предание о первочеловеке Паньгу. Каждой группе источников предшествует вводная статья, раскрывающая их место в общей картине славянских представлений о происхождении и устройстве мира. Особое внимание, разумеется, уделено самой «Голубиной книге», чья удивительная судьба еще раз доказывает: рукописи не горят! Ибо сжечь можно пергамент или бересту, но не человеческую мысль.

Создание и устройство мира по Голубиной книге

Упала с неба книга, и не далась никому, кроме истинного царя-мудреца... Этот мотив русского духовного стиха больше всего напоминает сохраненный Геродотом скифский миф о Колаксаевых дарах. Упали с небес три золотых дара: плуг с ярмом, секира и чаша. Не смогли их взять ни старший сын первочеловека Таргитая Липоксай («Гора-царь»), ни средний — Арпоксай («Глубь-царь»): небесные дары тут же вспыхивали нестерпимым огнем. И лишь младшему — Колаксаю («Солнце-царю») — далось небесное золото. Он и стал первым царем скифов-сколотов.

Сколотский миф неоднократно исследовали индоевропеисты, иранисты, скифологи (особенно велика здесь роль прекрасного знатока религии скифов Д. С. Раевского). Устано-

влено, что три дара символизируют три сословия — производителей, воинов и жрецов. Обладание же ими означает власть надо всем социальным космосом. А три сына Таргитая воплощают не только три сословия, но и три мира: Колаксай — воинов и верхний (небесный) мир, Липоксай — жрецов и средний (земной) мир, Арпоксай — производителей и нижний (подземно-подводный) мир. Огненное же золото — воплощение богини огня Табити, с которой Колаксай вступает в священный брак.

Выдающийся историк славянского язычества Б. А. Рыбаков, в свою очередь, установил, что данная версия скифского мифа принадлежала скифам-пахарям, т.е. иранизированным предкам восточных славян. А сколотские Таргитай и Колаксай — это славянские Сварог и Даждьбог. У славян этот миф сохранился в сказке «Три царства». Герой ее, младший из трех братьев, носящий «солнечное» имя (Иван Зорькин, Зоревик, Световик и т. п.) и рожденный на рассвете, вместе с солнцем, добывает в нижнем или верхнем мире три яйца, заключающие в себе три царства — медное, серебряное и золотое, а также трех царевен этих царств. Он женится на царевне золотого царства, а его братья — на двух остальных. (В индийском обряде ашвамедха эти же три металла и три царицы символизировали три сословия.) А немецкая легенда об упавшем с неба раскаленном яйце напоминает и русскую сказку, и сколотский миф.

Небесное золото, как видим, означало власть над всеми сословиями и всеми тремя мирами. А небесная книга — знание обо всем мире и обществе, то есть власть духовную. Заметим, что ни христиане, ни иудеи не считали свои священные книги упавшими с неба. (Кроме мормонов, верящих, что основателю их секты Дж. Смиту ангел принес с неба почитать золотую «Книгу Мормона».) Предполагалось, что земным авторам этих книг неслышно диктуют их Бог, ангелы или даже небесные животные. Только Моисею Бог вручил на горе Синай каменные скрижали с законами (не книгу). Но как раз о Моисее, Синае, Пятикнижии, десяти заповедях в стихе речи нет.

Небесная книга — не простая. Размеры ее огромны: 40х30х10 локтей или саженей. Том величиной с целое здание! Писал ее сам Иисус Христос «на камне». Последнее можно понимать так, что камень служил либо письменным столом, либо писчим материалом. Тут вспоминаются не только Моисеевы скрижали, но и другой духовный стих, где с неба падает камень, заключающий в себе «Свиток Иерусалимский». «Свиток» этот известен и как письменный апокриф, излагающий христианские заповеди и писанный якобы рукой Христа. По западным источникам, при Иване Грозном будто бы упал с неба камень с надписью, предрекавшей гибель Русскому государству. В Китае есть подобные же сказания о падении небесного камня с астрономическим текстом либо с пророчеством о падении деспота Цинь Шихуанди. В основе всех

таких преданий об упавших с неба священных предметах, часто раскаленных — наблюдения над падением метеоритов. Трещины на них могли приниматься за надписи, находились и «знатоки», по-своему «читавшие» их.

Автор двух небесных книг — Христос. Евангельский Иисус, заметим, не написал ни строчки. Писали его ученики и ученики учеников. Но в христианской народной традиции Христос отождествляется с солнцем. Народно-православная же традиция легко отождествила Даждьбога-Солнце, Божича, рождающегося в день зимнего солнцеворота, с младенцем Христом, Сыном Божиим. Вот почему падение «Голубиной книги», в отличии от обретения скрижалей, не сопровождается громом и тучей. Ведь создал и посылает книгу не громовник Яхве, а солнечный бог. Не похожа данная книга и на эсхатологическую небесную книгу за семью печатями, фигурирующую в Апокалипсисе и в апокрифе «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской». Снятие с нее печатей — начало конца света. Создатели же «Голубиной книги» явно не собирались пугать народ гибелью мира, ибо писали не о конце света, а о его начале.

Иначе говоря: Даждьбог на земле получил от своего небесного отца Сварога золотые дары, означавшие власть над миром и обществом (устроенным по подобию мира). Он же, пребывая уже на небе, послал людям книгу, дающую знание о происхождении и устройстве мира и общества. При том устройстве не простом, а справедливом. Ведь именно бог

солнца (Митра, Бальдр, Даждьбог и т. д.) считался у всех индоевропейцев защитником справедливости в этом мире. Так же считали и семиты: месопотамский Шамаш — справедливый судья, а выражение «солнце правды» есть у пророка Малахии (4, 2).

Упала книга не в простом месте, а в самом священном: на горе Фаворской (Фагорской), у Алатыря-камня, у креста животворящего и главы Адамовой. Гора Фаворская и есть всем горам мать, а Алатырь — мать всем камням. Гора Фавор — место Преображения Христа — отождествлена здесь с Голгофой («холмом черепов») — местом его распятия. По преданию, тут, под крестом Христа, был погребен некогда череп Адама. (Отсюда — зловещий череп с костями, перекочевавший с икон Распятия на пиратские флаги и масонские атрибуты.) В свою очередь, крест Христов — вариант Мирового Дерева (Древа Жизни), на котором висит бог, способный соединить все три мира, побывав на небе, на земле и в преисподней. В этом смысле Христос вполне соответствует Одину, висящему на мировом ясене Иггдрасиле. Или Даждьбогу-Зоревику (судя по сказке «Три царства»). Небесная книга, таким образом, падает в самом центре мира. Для христианского книжника довольно странно путать две евангельские горы. Другое дело — для волхва, стремящегося лишь перекодировать языческие термины на христианские.

И вот сходятся к таинственной книге цари с царевичами, короли с королевичами, бояре, попы, крестьяне — словом,

представители всех трех сословий (как три сына Таргитая к золотым дарам). Главных царей опять-таки трое: Константин (равноапостольный император, сделавший христианство государственной религией Рима), таинственный Волот (Волотоман, Волонтоман, Молотомин, Владимир, Володимер) и Давид Евсеевич. Никто не может прочитать небесную книгу. Главный пророк Исайя и то прочел лишь три страницы за три года. И только Давид, царь и пророк в одном лице, способен прочесть и истолковать ее полностью. Ведь он «горазд сказать по памяти, по памяти, будто по грамоте». И вот раскрывается в диалоге Давида и Волота сокровенная мудрость.

Тут мы сразу попадаем в атмосферу споров не христианских, не иудейских, а чисто языческих. Что лучше — записывать священные тексты или учить их на память? Об этом спорили иранские мобеды еще в VI веке. Христиане же, кроме молитв и псалмов, никогда ничего на память не учили. Каноном мог быть только писаный текст, и попытка изменить либо исправить в нем хоть букву вызывала расколы и кровопролитие. Веками в славянском мире шла борьба за власть между князем и жрецами. Кем должен быть князь (царь) — волхвом или воином? Какое сословие должно стать первым — жрецы или воины? Подробнее об этом будет сказано ниже, а пока что лишь отметим, что «Голубиную книгу» сочиняли явно волхвы. Для них идеален не царь-воин (Колаксай-Даждьбог), а царь-волхв.

Что же это за пара — Давид и Волот? Люди они или боги? И почему небесная книга излагается именно в диалоге между ними? Оказывается, излагать священное знание о начале и устройстве мира в форме диалога, цепи загадок и отгадок — древняя индоевропейская традиция. Она известна индийским брахманам (*брахмодья* — «рассуждение о Брахмане»), иранской Авесте, «Старшей Эдде», кельтским друидам. Отголосками ее являются и греческий миф об Эдипе и Сфинксе, и «трудные загадки» русских сказок, и философские диалоги эллинов, и космогонические апокрифы-диалоги. Но исконный индоевропейский диалог загадок — это не застольная беседа-симпозиум и не церковный катехизис. Это — состязание в мудрости, порой смертельно опасное. Ибо состязаться приходится богу или человеку с представителем древнейшей, часто грозной и злой силы. Так состязается иранский мудрец Йовишта Фриана со злым колдуном Ахтьей, Один — с великаном Вафтрудниром, Тор — с карликом Альвисом-Всезнайкой, Эдип — со льводевой Сфинкс (Сфингой). Проигравший платит жизнью, и гибель Сфинги или Альвиса знаменует закат древнейших богов, не способных более состязаться в знании с новыми богами и людьми.

Волот Волотович — один из древних великанов, волотов-велетов. «Володимером» он зовется не просто по созвучию с именем крестителя Руси. Он — представитель, возможно, последний, могучей расы, когда-то владевшей миром. Были некогда, раньше богов и людей, великаны (титаны, гиганты,

ётуны, турсы, вайюги и т. д.), и больше их нет — вот главное, что говорят о великанах славянские, греческие, германские, кавказские и многие другие мифы. С ними связывали кости мамонтов, каменные топоры, древние курганы. Отношение к великанам у славян, как и у других народов, двойственное. В них видели предков нынешних людей. Верили, что предки наши были великанами, а потомки станут карликами. В Беларуси курганы называли волотовками, «Волотовы могилы» известны и на севере России. Под самым Новгородом находился курганный могильник Волотово поле. Самая большая насыпь принадлежала князю-старейшине Гостомыслу, деду и предшественнику Рюрика. В Померании онемеченные потомки поморян приписывали славянские курганы великанам. Белорусские волоты-асилки — могучие богатыри, защитники людей.

Было и целое славянское племя, носившее три гордых имени: вильцы («волки»), лютичи («сыны льва») и велеты («великаны»). Обитало оно во II в. в устье Вислы, позже — к западу от Нижней Одры. Почитали велеты воинственного Радигоста Сварожича (Даждьбога). Славянских великанов уважали даже германцы. «Сага о Тидреке Бернском» описывает тяжелые войны готов и гуннов с вилькинами-велетами. Князья последних нередко изображаются великанами. Датский историк Саксон Грамматик, пересказывавший по-латыни саги, часто называет великанов «рутенами» (русинами). Во французском эпосе фигурирует великан Фьерабрас («же-

лезная рука») Русский. Это — князь велетов Драговит, воевавший с Карлом Великим. У германцев слово «русины» явно ассоциировалось с немецким *Riesen* — «великаны».

С другой же стороны, великаны — существа агрессивные, порой враждебные. Асилки, например, могли и церковь вместе с людьми утопить. Великанами представлялись славянам и угнетавшие их в VI—IX вв. кочевники-авары (обры). «Были обры телом велики и умом горды, и Бог истребил их, не остался жив ни один обрин»,— гласит «Повесть временных лет». Все же славянские волоты далеко не столь злобны и опасны, как германские тролли и ётуны, французские огры или кавказские вайюги.

Волот Волотович вовсе не зол. И не туп, как иные фольклорные исполины. Если он задает космогонические вопросы, то не потому, что не знает ответа (ему ли, из рода ровесников мира, не знать!), а потому, что хочет испытать мудрость своего собеседника. Кто же этот собеседник, царь Давид Евсеевич?

Библейский Давид, сын Елисея — царь, пастух, победитель великана Голиафа, гусляр, поэт, пророк-шаман, скачущий перед ковчегом Завета. Сложенную им Псалтирь на Руси именовали «Глубиной». Ему хорошо соответствует славянский Волос-Велес, само имя которого ассоциируется с волотами-велетами и волхвами. Он — покровитель поэтов и певцов, притом певцов-волхвов. Велесовым внуком величает вещего Бояна «Слово о полку Игореве». Волос, кроме того, бог ско-

товодства («скотий бог»), земледелия (последний сноп — «Волосу на бородку»), торговли («скот» означало также «деньги»). Он еще и лунный бог: в чешских поверьях на луне сидит царь Давид и играет на гуслях. Ему соответствуют индийский Варуна, германский Один-Вотан, греческий Гермес, римский Меркурий. Истоки же этого образа бога-шамана, хозяина зверей — в палеолите. Тогда на стене пещеры Трех Братьев был изображен пляшущий колдун в волчьей шкуре, с оленьими рогами. Во второй половине XII в. русские мастера, современники автора «Слова о Полку Игореве» и Авраамия Смоленского, высекли на стенах церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире грандиозные картины, построенные по древней схеме «мирового дерева». В роли дерева здесь высокие узкие окна храма. По их обеим сторонам стоят всевозможные животные, реальные и фантастические. Тут же и растения, и люди-богатыри. Взоры их всех устремлены ввысь. Ученые толковали это как прославление тварью Творца. Но наверху, над окном, восседает на троне не ветхозаветный демиург Саваоф, а святой гусляр Давид.

Еще одно воплощение Велеса — былинный Садко, купец и чудесный гусляр. Его игра перед морским царем может вызвать или укротить бурю. Путешествие удалого новгородца на дно морское — типичный шаманский полет в нижний мир. Там он находит себе и супругу — морскую царевну, нимфу реки. Напоминает эту былину самарская легенда об Иване

Курчавом. Этот отчаянный парень-музыкант ушел на дно Волги за своей возлюбленной Мариной. утонувшей и ставшей русалкой. И водяной пообещал их отпустить на землю.

Есть и другие мнения по поводу языческого прототипа Давида Евсеевича. М. Л. Серяков видит в нем Сварога (Козьму-Демьяна) — бога неба, первочеловека, первого кузнеца и пахаря. Основанием служит то, что в былине «Вавила и скоморохи» герою помогают обыграть на гуслях злого царя Собаку святые Козьма и Демьян. Но имя Вавилы опять-таки напоминает Велеса! Известный же своей буйной фантазией А. И. Асов увидел в Давиде Дмитриевского собора Даждьбога, ухитрившись прочитать надпись «Дав(ид)ъ» как «Да(ж)б(ог)ъ». Впрочем, на троне Дмитриевского гусляра есть солнечный знак — косой крест. Вполне возможно, что и Сварог, и Даждьбог не были чужды поэзии и музыке. Покровительствовал же этим искусствам греческий Аполлон. Но богом-волхвом, шаманом богов, богом певцов и поэтов у славян был в первую очередь Велес.

Итак, Волос против Волота, древний, но все же человекоподобный бог против великана. Здесь «Стих о Голубиной книге» более всего напоминает «Речи Вафтруднира» из «Старшей Эдды» и 17 руну «Калевалы». Один, бог-шаман, ведет космогонический диалог с великаном Вафтрудниром. Сначала отвечает бог, затем ётун. Ставка — жизнь. Проиграл великан, не сумев ответить на очередной вопрос бога. Карело-финский Вяйнямёйнен, певец-шаман и языческий бог,

забирается во чрево умершего великана-колдуна Виппунена и, устроив там кузницу, заставляет древнего чародея поделиться с ним космогоническими и магическими знаниями. В стихе все гораздо более мирно. Волот всего лишь удостоверяется в непревзойденной мудрости Давида. И после этого видит сон[4]: в его саду выросло золотое (сахарное) дерево, и села на него птица (кречет) с колокольчиком. Сон истолковал Давид: дерево — будущая дочь Волота Соломонида, кречет — будущий сын Давида, премудрый Соломон. И решили цари-мудрецы поженить своих еще не рожденных детей. Древний бог помирился и породнился с новым.

Какие же тайны, открытые лишь Волоту и Волосу, хранит небесная книга? И почему она зовется «глубинной» или «голубиной» (а также «лебединой», «сорочиной»)?

Высота ли, высота поднебесная
Глубота, глубота, окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.

Этим зачином былины о Соловье Будимировиче открывается сборник Кирши Данилова — первое собрание русских былин. «Зачинается свет от небесной высоты, от земной широты, от морской глубины»; «растури се по земальске ширине, морске дубине, небеске висине»,— гласят русские и сербские заговоры. «Что высота небесная, широта земная, глубина морская? Иоанн рече: Отец, Сын и Святой Дух»,—

сказано в апокрифической «Беседе трех святителей». Таким образом, высота — это верхний мир, широта — земной, глубина — нижний. Следовательно, «глубинная» мудрость — та, что добывается в нижнем, подземно-подводном мире. И вовсе не от Сатаны-Чернобога. «Всезнающий» черт, по народным представлениям славян, может научить лишь черному колдовству, лиходейству да иным грешным делам. Заключивший с ним договор сам себя приравнивает к нечисти. Другое дело — Велес. По мнению ученых, он мог быть связан и с подземным, загробным миром. На это указывают и родственные индоевропейские слова: (*Валгалла* — буквально. «зал мертвых», литовское *Weles* — «духи умерших»), и курганы-волотовки, и связь Волоса с урожаем. А был еще и морской царь, общаться с коим славяне-язычники за грех не считали.

Как же так: книга небесная, а мудрость в ней глубинная? Для язычника здесь противоречия нет. Что верхний мир, что нижний — все равно иной, потусторонний. Есть в нем и мудрость, и опасность, и не всякому дано туда попасть или хотя бы постичь ту мудрость. Варуна, индийский сородич Велеса, связан и с небом, и с морем. Солнце, по индоевропейским представлениям, днем движется по небу, а ночью — по нижнему миру. Вот почему сказочный Зоревик (Даждьбог) добывает яйцо-царство и царевну то в подземном мире, то на высокой горе. Вершина мировой горы (Олимпа, Меру) — и есть верхний мир. О «глубине премудрости» писали и впол-

не православные древнерусские авторы, например Кирилл Туровский.

А откуда у небесной книги «птичьи» названия? Птица — непременный атрибут шаманства. На птице, в виде птицы или с помощью птичьих крыльев летает шаман в иной мир. Есть у него духи-помощники, в том числе и птицеобразные. Среди них выделяется дух женского пола — главная помощница, она же тайная супруга шамана. Не чужды эти представления и христианам. Святой Дух, приводящий апостолов в состояние шаманского исступления («говорения на иных языках»), воплощается в виде огня или голубя. Голубь же — священная птица месопотамской Иштар, нисходившей в нижний мир.

Со Святым Духом и связывает апокриф «глубину морскую». А маковку Дмитриевского собора увенчивал медный голубь. «Вавила-скоморох, голубиный бог» (тот же Велес) в былине насылает стаю голубей, поклевавших горох у невежливого крестьянина. Мужик еще легко отделался: княгиня Ольга сожгла, якобы с помощью голубей, столицу древлян Искоростень. Ведь у индийцев и русских голубь — еще и воплощение смерти. А лебедь — та птица, на которой летает по небу или плавает в подземном мире индоевропейский бог Солнца. Его образ хранят и бронзовые модели колесниц, запряженных птицами, и русские ковши в виде лебедей, и эллинские мифы о лебединой колеснице Аполлона. А в Индии на лебеде летает Брахма — творец мира и бог мудрецов.

В славянских и немецких сказках часто встречаются чудо-девы, обращающиеся в лебедей, уток, голубок, стоит им надеть пернатую сорочку. Счастье и удачу приносит мужу такая дева, но одно неосторожное слово — и улетает она навсегда. Это — те же помощницы-супруги шаманов. Сродни им и вилы-русалки, представлявшиеся в виде птиц с женскими головами или крылатых дев. (Имя вил, опять-таки, связано с Велесом, а становятся ими девушки, умершие до свадьбы или утонувшие.) Наконец, шаманской птицей могла быть у славян и сорока, считающаяся разносчицей новостей.

Первая группа вопросов, заданных Волотом, касается происхождения главных элементов мира: белого света, солнца, месяца, звезд, утренней и вечерней зари, ночей, росы, ветров, грома, дождя. Ответы Давида никак не согласуются с Книгой Бытия, где Бог творит мир из ничего одним своим словом. Здесь же Бог, названный Саваофом и Христом, Царем Небесным, создает мир из частей своего тела[5]:

свет — от духа (лица, очей, сердца, **суда**);
солнце — от лица (груди);
месяц — от груди (лица, затылка, очей);
звезды — от риз (очей, речей);
зори — от очей (риз, солнца);
ночи — от дум (волос, сапог);
роса — от слез;
ветры — от духа (дыхания, кровей);

громы — от речей (глаголов);
дождь — от слез (мыслей).

От создания мира стих переходит к созданию человека. Здесь миф как бы «переворачивается»:

кости человека пошли от камня;
тело — от земли;
кровь — от моря;
мысли — от облаков;
разум — от самого Христа.

Нетрудно догадаться, что в изначальном мифе камни происходили от костей Бога, земля — от плоти, море — от крови, облака — от мыслей.

Именно эта часть стиха находит себе широкие индоевропейские параллели и восходит, несомненно, к общеиндоевропейскому мифу. Этот миф о создании мира из частей тела бога или гиганта сохранили источники, разбросанные по странам и векам: индийские — Ригведа (X, 90), Брихадараньяка-Упанишада (I, 1, 1; I, 2, 3), Чхандогья-Упанишада (II, 7, 1; II, 17, 1)[6]; иранские — Бундахишн, Затспрам[7], Ривайят; германские — «Старшая Эдда»; средневековые западноевропейские — песнь немецкого схоласта Эззо (X в.), англосаксонские «Обряды Дунелмской церкви» (X в.), «Эмское право» (XIV—XV вв.), «Луцидарий» и «Сакрамент» Гонория Отенского (XI в.), «Пантеон» Готфрида фон Витербо (XII в.),

французская рукопись XV в. из Парижской королевской библиотеки; греческие — орфический гимн Зевсу[8]; славянские — «Беседа трех святителей», «Вопрос, от скольких частей был создан Адам». Отразился данный миф и в манихейской книге «Кефалайя». Мани, месопотамский пророк III в., попытался объединить в своем учении христианство, зороастризм и буддизм, индоевропейскую и семитическую традиции.

Древняя форма мифа сохранилась в Ригведе и «Старшей Эдде». Боги приносят в жертву великана-первочеловека (Пурушу, Имира) и из его тела создают мир. Б. А. Рыбаков проследил этот миф в трипольской культуре IV—III тыс. до н. э. На сосуде из Петрен изображен гигант. Голова его достигает неба вровень с солнцем, ноги по колена скрыты в земле, туловище же выше пояса как бы составлено из двух торсов с двумя парами рук. Согласно Ригведе,

> Огромно его величие, но еще огромнее сам Пуруша.
> Четвертая часть его — все сущее (на земле)
> Три части — бессмертие в небе,
> На три части вознесся Пуруша в вышину,
> Четвертая часть его осталась (в земле).

В более поздних Ведах семь мудрецов-риши создают из семи Пуруш одного, «в то, что выше пупа, превратили они двоих». Пурушу отождествляли с Митрой-Солнцем, греки же представляли четвероруким Аполлона,

Сохранились, однако, еще более древние индийские версии, в которых космогонической жертвой служит не человек, а животное — конь (Брихадараньяка-Упанишада) или козел (Атхарваведа). Иранскую версию реконструировал археолог Ю. А. Раппопорт по изображениям на глиняной фляге из дворца-мавзолея Кой-Крылган-Кала в Хорезме и серебряной чаше, найденной в Бартыме, в Пермском крае. В начале мира была огромная водоплавающая птица (утка, гусь или лебедь). Она породила иную птицу — хищную, солнечно-огненную. Точнее, птице-зверя — грифона, льва-орла. Огненная птица растерзала водную и из ее тела создала мир. Зороастрийские книги этого мифа не сохранили, но они говорят о двух чудесных птицах: хищная Саена связана с небесным, духовным миром, водоплавающая Каршипта — с земным, материальным. (Саена — тот же Сенмурв, крылатый пес, древнерусский Симаргл.)

Вот откуда столь популярные в скифо-сибирском зверином стиле сцены терзания. Грифоны, львы, барсы терзают коней, козлов, быков, оленей, орлы — козлов или лебедей...[9] Те же самые пары борющихся животных хорошо известны в искусстве Месопотамии, ахеменидского и сасанидского Ирана и Древней Греции. Ни христианство, ни ислам не смогли искоренить древних образов. В XII—XIII вв. все те же сцены борьбы зверей изображались на белокаменных рельефах владимирских соборов, на вратах собора Рождества Богородицы в Суздале, в росписях Палатинской капеллы

во дворце норманнских королей в Палермо, на иранских и среднеазиатских серебряных сосудах. А это и было время «Слова о полку Игореве» и «Младшей Эдды», время Авраамия Смоленского и «Голубиной книги». Инквизиторы, сжигавшие волхвов, оказались бессильны перед поэтами и мастерами, вроде бы вполне благочестивыми.

В иранском мифе Ахриман убивает первочеловека Гайомарда и первого быка, но Ормазд создает из тела Гайомарда металлы, а из тела быка — растения. Так не владыка ли Тьмы в облике льва убивал быка-первозверя? Но на митраистских рельефах быка убивает Митра. Солнечному богу помогает лев, а из хвоста быка вырастают колосья. Кто бы ни убивал и ни растерзывал изначального зверя (быка, коня, козла) или птицу (гуся), это — благое терзание, создающее мир, превращающее смерть в жизнь. А в мифах о Пуруше или Имире первозвери всего лишь принимают человекоподобный облик (великан и боги), терзание же превращается в жертвоприношение.

Древние индоевропейцы, создавшие миф о сотворении мира из тела великана, были земледельцами и скотоводами энеолита. Они возделывали землю мотыгами и примитивными сохами, стерегли свои стада верхом на конях, с каменными топорами и медными кинжалами. Миф же о растерзании первозверя, быть может, сложили еще охотники палеолита в своих пещерах. Не зря ведь митраисты оформляли свои

храмы в виде пещер, а мир представляли в виде пещеры, созданной Митрой.

В Упанишадах, зороастрийских источниках и орфическом гимне Зевсу жертвоприношения великана уже нет. Мир создается, как и в «Голубиной книге» и «Беседе трех святителей», из частей тела самого творца и владыки Вселенной — Брахмы, Ормазда, Зевса. Этот вариант мифа явно более поздний, но тоже общеиндоевропейский. Наконец, в славянском апокрифе о создании Адама и у католических авторов X—XV вв. миф «переворачивается»: не мир создается из тела первочеловека, но части тела Адама создаются из частей мира. Из древнего мифа развилось и популярное в поздней античности и средневековье учение о соответствии макрокосма-Вселенной и микрокосма-человека. В Индии теории макрокосма и микрокосма соответствовало учение о тождестве Брахмана (Абсолюта, божественной сущности мира) и Атмана (Человека, сущности человеческой души). Гностики, сочетавшие платоновский идеализм с иранской и библейской мифологией, создали образ Антропоса (Человека) — идеального небесного прототипа человека и всего мира. Вникая во все эти эти утонченные идеалистические учения, трудно представить, что в истоках их лежит жуткий, но величественный первобытный миф о схватке двух первозверей или о человеческом жертвоприношении.

Данный миф известен не только индоевропейцам. Иудейские мудрецы развивали под влиянием гностиков учение об

Адаме Кадмоне, соответствующем Антропосу. Четверорукий гигант, подобный трипольскому, изображен на сосуде IV тыс. до н. э. из Юго-Западного Ирана. В то время там обитали предки эламитов, родственные дравидам — создателям доарийской цивилизации долины Инда. В Китае же известен миф о первочеловеке-великане Пань-гу. Он разделил небо и землю, а из частей его тела возник весь мир. В энеолите существовала общность раннеземледельческих культур «расписной керамики», простиравшаяся от Балкан до Китая. Триполье — всего лишь одна из этих культур. Разделенные порой тысячами километров пути по степям и пустыням, они составляли, однако, пояс, по которому, словно ток в проводнике, быстро распространялись элементы культуры. И не столь важно, кто тогда, шесть тысячелетий назад, первым создал миф о космическом гиганте — индоевропейцы или другие ранние земледельцы. Главное то, что эта космогоническая идея древних мудрецов-волхвов стала достоянием человечества, а не исчезла вместе с породившим ее племенем.

Варианты мифа (они приведены в конце этой книги) при всем их разнообразии настолько сходны, что можно восстановить изначальный вариант. Он был примерно таков: из тела великана (бога) происходит земля; из крови — вода (море); из волос — растения; из костей — камни (горы); из глаз — солнце (и другие светила); из дыхания — ветер; из мыслей — облака (луна, океан); из речей — гром; из головы — небо. Мир, таким образом, создавался не из бездыханного

и безмолвного трупа первочеловека-первобога, но из его живого организма. Более того, первобог (Брахма, Зевс, Род) продолжает не только жить, но и управлять порожденной из него Вселенной. Это учение хорошо иллюстрирует известный Збручский идол X в., одновременно представляющий четырехликого, в княжеской шапке, Рода-Святовита — и весь мир, четырехсторонний и трехъярусный. Из этого первобытного мифа вырастут позднее пантеистические учения, отождествляющие Бога с природой (Спиноза, Сковорода).

Индоевропейские мудрецы энеолита мыслили и общество (по-славянски *мир*) не иначе как устроенным по образу и подобию мира-макрокосма. В «Стихе о Голубиной книге» к вопросам о создании мира примыкают вопросы о происхождении сословий. Они, оказывается, тоже произошли от частей тела, только не Бога, а первочеловека Адама: цари и царицы — от его головы, князья и бояре — от туловища («мощей»), крестьяне и женщины — от колен. И эта схема — опять-таки индоевропейская, причем очень древняя. Согласно той же Ригведе, от уст Пуруши произошли брахманы (жрецы), от рук — кшатрии (знатные воины), от бедер — вайшьи (общинники — крестьяне, ремесленники и торговцы), от бедер — шудры (слуги — рабы и полурабы). То же утверждают «Законы Ману», созданные будто бы первочеловеком Ману, сыном солнечного бога Вивасвата. Только первочеловеку Пуруше в них соответствует первобог Брахма. Этот миф сохранился только у индийцев и славян. Влияние

первых на вторых в принципе не исключено (как уже сказано, славяне в IX в. бывали не только в Иране, но и в Индии). Но само представление о трех сословиях — общеиндоевропейское. Это блестяще доказал в своих многочисленных трудах один из крупнейших индоевропеистов XX в. Ж. Дюмезиль.

Древние индоевропейцы выделяли три социальные функции и соответственно три сословия. Жрецы (мудрецы) должны были заниматься интеллектуальным трудом, воины — воинским, общинники — производительным. К первой функции относились магия, ритуалы, поэзия, хранение знаний — словом, все то, чем занимались славянские волхвы, индийские брахманы, иранские мобеды, кельтские друиды, а также управленческий труд (суд, хранение и толкование законов). К третьей же — земледелие, скотоводство, ремесло, торговля — в общем все обеспечивавшее материальное благополучие общества. Во Франции трехсословная система дожила как юридическая реальность до 1789 г. А в это же самое время украинский философ Григорий Сковорода писал о трех «сродностях» — к «богословию», «воинству» и «хлебопашеству». Одним из учителей украинского мудреца здесь был Платон, в чьей утопии граждане делятся на правителей-мудрецов, воинов и работников.

В славянском апокрифе о царе Соломоне идеальное общество представлено в виде золотого дерева. Его самоцветные листья — князья и бояре, месяц на нем — царь, пшеница у подножия — воины, рожь — крестьяне.

Общество древних индоевропейцев было не феодальным или рабовладельческим, а варварским. Каждый должен заниматься своим делом, права же на безделье и тунеядство не имеет никто — ни богатый, ни бедный. Такова была суть трехсословной системы. Выросла она из системы трех возрастных классов — юношей, зрелых мужей и старцев. Поначалу каждый человек в молодости был воином, в зрелые годы — производителем, а в старости — мудрецом. Позже общество стало достаточно богатым, чтобы содержать профессиональных мудрецов и воинов. Личное богатство или бедность при этом не имели значения. Считалось, что быть бедным воином или мудрецом почетнее, чем богатым общинником. И что стремиться к богатству пристало лишь общиннику, а мудрецу вообще лучше всего быть неимущим. Вот почему в Индии так почитали отшельников и странствующих аскетов, в Элладе — киников, на Руси — калик перехожих.

Древнеиндоевропейские мудрецы — это шаманы и старейшины-жрецы. Воины — военные вожди и дружинники. Производители — остальные общинники. Были тогда, вероятно, и рабы, но они стояли вне трех сословий. Относились к рабам патриархально — как к детям, неполноправным членам семьи (у славян «отроками» называли и детей, и рабов). Так смотрели на них, в частности, гомеровские греки и ранние римляне. Это потом классическая античность «открыла», что рабы — не люди, а говорящие орудия. И только нищие мудрецы-киники смели утверждать обратное. Арийцы, поко-

рив Индию, зачислили все коренное население в шудры и тщетно пытались воспрепятствовать смешению их с тремя высшими кастами и этих каст между собой. В Иране же выделили в четвертое сословие ремесленников. Примечательно, что в стихе от коленей первочеловека происходят не только крестьяне, но и «женский пол». Женщина здесь принижена в патриархальном духе, но по крайней мере приравнена к общинникам, а не к рабам.

Цари изначально принадлежали к первому сословию. Образец такого царя-жреца, законодателя, мудреца и шамана, общающегося с нимфой (чем не Садко?) — римский Нума Помпилий. Но дальнейшая история уже разделившихся индоевропейцев была наполнена борьбой жрецов и воинов за царскую власть. Эта борьба воспета в сказаниях о Геракле и Еврисфее, Рустаме и Кей-Каусе, Илье Муромце и Владимире. Кто был прав: расчетливый, но трусливый и неблагодарный царь-старейшина или храбрый, но буйный и непослушный воитель? Победа осталась за воинами. В частности, скифский Колаксай и славянский Зоревик — воины. Античная демократия превратила жрецов и даже самого царя (басилевса, рекса) в выборных чиновников. У германцев жреческое сословие вообще исчезло.

На Руси же борьба шла до самого ее крещения и даже после него. Волхвы старались подчинить себе князей. Князья же — присвоить функции жрецов и славу колдунов-волхвов. Ибн Русте, арабский историк X в., писал, что у русов «зна-

хари» (волхвы) «господствуют над их царем, подобно хозяевам», и могут принести в жертву любое животное или человека. Этот араб, современник Олега, словно знал предание (явно волхвами и сложенное) об этом вещем князе, поплатившемся жизнью за недоверие к волхвам и их предсказаниям. Былинный Волх (Вольга) Всеславич, князь-чародей, вождь дружины оборотней, соединил в себе черты Вещего Олега и Всеслава Полоцкого, уже в XI в. имевшего прочную славу колдуна и оборотня. Черниговские князья X в. были погребены в Черной могиле с принадлежностями жрецов — священными рогами и жертвенными ножами. Чехи и поляки называют священника «князем» (*kneź, ksiądz*).

В том же X в. у восточных славян существовало своеобразное двоевластие (отчасти заимствованное у хазар): мирный «священный царь» и его заместитель-воевода. Первый правил номинально, второй — реально. За бездеятельного Игоря правил сначала Олег, затем Свенельд, отчасти сохранявший свое положение и при Ольге, Святославе, Ярополке. Ибн Фадлан, писавший в 922 г., будто царь русов (Игорь) никогда не сходит с престола и только предается пирам и удовольствиям, конечно, преувеличивал. Но вот былинный Владимир (в отличие от исторического — энергичного воина) занят только устройством пиров, а Русь защищают богатыри.

Не последней причиной крещения Руси и других славянских стран было стремление князей избавиться от опеки волхвов. Для северо-западных славян это обернулось насильст-

венным онемечиванием. Недалеко от них ушли чехи и поляки. Болгары и сербы надолго попали под византийское иго. На Руси князья не без труда сумели подчинить себе епископов. Но еще Ивану Грозному пришлось выдержать тяжелую борьбу с митрополитом Филиппом Колычевым, «тишайшему» же Алексею Михайловичу — с патриархом Никоном. Завершил тысячелетний спор Петр I, показавший церковникам кортик со словами: «Вот вам булатный патриарх!» Опричный «монастырь» Грозного, «всешутейший и всепьянейший собор» Петра были не просто лихими забавами вольнодумцев, но своеобразно выраженной (не без расчета на популярность в народе, не любившем попов) претензией на сакральную власть. Тот же Грозный не чуждался и языческих аграрных обрядов: пахал, сеял и ходил по полю в саване на ходулях.

«Голубиную книгу», как уже сказано, слагали волхвы, а перерабатывал священник-двоеверец. В начале стиха к небесной книге сходятся все сословия: цари, князья, бояре, попы и крестьяне. Но в его древнейшей мифологической части место первого сословия, происходящего от головы первочеловека, занимают не попы и не волхвы, а цари с царицами. В былинах при дворе Владимира фигурируют князья, бояре, богатыри и волхвы:

Ай же вы мои, да князи-бояра,
Сильни русские могучие богатыря,
Еще вси волхи бы, все волшебники!

Так что о волхвах как сословии на Руси не забывали. Тем временем у полабских славян, покоренных немцами, исчезли и жрецы, и князья. В договоре 1181 г. между маркграфами Оттоном Мейсенским и Дитрихом Лужицким славянское общество делится на жупанов, кметей (воинов, рыцарей) и смердов. Жупан — глава общины (жупы), старейшина, позднее — средний феодал (барон). То есть в сознании славян, как и других индоевропейцев, общество «достраивалось» до трехсословного, ибо считалось, что только такое устройство, соответствующее устройству мира-вселенной, гарантирует миру-обществу процветание.

Царем в Древней Руси называли либо могущественного иноземного государя (императора Рима или Византии, хана Золотой Орды), либо великого князя Киевского. (например, Ярослава Мудрого в надписи на стене Софийского собора). Стих, как и былина, вопреки феодальной реальности, где князь, в том числе и великий, был прежде всего воином, рисует идеальную картину: священный царь (великий князь) только правит, обороняют же державу знатные воины (князья, бояре, богатыри). Русские волхвы и их преемники-сказители сохранили идеал индоевропейских жрецов: править должны мудрые. А не сильные или богатые.

Трехсословная система, разумеется, освящала привилегии господствующих классов. Но она же заставляла их помнить о своих обязанностях перед обществом, не давала превратиться в законченных паразитов. В Афинах, на родине демо-

кратии, за праздность наказывали. До «свободы» не трудиться додумалось только Новое время (если не считать Спарту и поздний Рим, где свободные презирали труд). И когда Петр III вполне в духе этого времени даровал дворянству «вольность», т. е. право вовсе не служить, то тем самым превратил бар в глазах крестьян в тунеядцев, которых следует истребить или изгнать. По иронии судьбы, поднял народ против «освободившихся» дворян казак Пугачев под именем... Петра III. И даже отмена крепостного права не уменьшила ненависть простых людей к помещикам и заводчикам: ведь те были «свободны» даже не управлять своими поместьями и заводами, а прожигать жизнь в Петербурге и Париже. Так разрыв с тысячелетними традициями ударил по тем, кто мнил их «устаревшими» и «стеснительными» для себя.

От происхождения мира «Голубиная книга» переходит к его устройству. В каждом классе явлений природы (живой и неживой) и общества выделяется самый главный и священный предмет — «мать» (не обязательно женского рода), гораздо реже «отец». Только главный царь назван «над царями царь». При этом всякий раз поясняется, почему именно этот предмет — главный. Итак,

главный царь — «белый», русский;
мать землям — Свято-Русь;
мать морям — Окиян (океан);
мать озерам — Ильмень;

мать рекам — Иордан;
мать рыбам — кит;
мать городам — Иерусалим;
мать церквям — церковь Богоматери
(Гроба Господня) в Иерусалиме;
мать книгам — Псалтирь;
мать птицам — Стрефил;
мать зверям — Индрик;
мать горам — Фагор (Фавор);
мать камням — Алатырь (Латырь);
мать деревьям — кипарис;
мать травам — плакун.

Сам термин «мать» говорит о некоем порождающем начале, первопредке, идеальном прообразе. Все в каждом классе рождается или создается по образу и подобию «матери». При этом ничего не говорится о творце-мужчине. Сама логика этого термина — древняя, матриархальная и совершенно не библейская. Глубина же его — общеиндоевропейская. Слово «мать» и родственные ему означают у славян, индийцев, иранцев, балтов, германцев, в латыни также «начало», «источник», «основа». В частности, «матица» — главная балка дома; у поморов «матица» — киль судна, «матка» — компас. Представление о «матерях» заставляет вспомнить трипольские женские фигурки, кельтских богинь-«матерей», индийских деви.

Но «матери» «Голубиной книги», видимо, имеют также иранский исток. Они явно сродни иранским «рату». Этим словом в зороастрийских книгах называется самый главный, священный, первосозданный предмет в каждом классе предметов (или существ). Означает оно «глава», «судья», а также «измеряющее начало» (часть суток и олицетворяющее ее божество). Оно родственно важнейшему иранскому термину «арта» (индийский «*рита*»). Арта-Рита — космический закон, природный и моральный, связанный с небесными светилами и их ходом. Термин этот родствен славянским «рота» («клятва»), «ряд» («договор»), греческим «ретра» («договор, оракул»), «арета» («добродетель») и др.[10] Рату богов — Ормазд, людей — Заратуштра, гор — Хугар (Хукарья), птиц — Сенмурв (Саена), рыб — Кар и т. д.

Список рату приведен не где-нибудь, а в иранской «глубинной книге» — Бундахишне (текст см. в конце данной книги). Список этот, однако, мало похож на список «матерей» русского стиха. Но все же похож. Сходна отчасти структура (рату птиц, рыб, рек, гор, растений, морей-озер). Сенмурв напоминает Стрефила, Кар — кита, имя мировой горы Хугар — Фагор (Хвангур). Главное же — сама идея серии главных предметов, рату-«матерей», свойственна, видимо, лишь славянам и иранцам. Как и идея космогонической книги, где этот список изложен. При этом речь идет только об иранцах южных, цивилизованных. У северных иранцев — скифов, сарматов, осетин не было не только священных

книг, но и преданий о них. Потому есть основания предполагать знакомство славянских волхвов с Бундахишном. Вспомним: Давид не читает «Голубиную книгу», а пересказывает ее «по памяти, как по грамоте». Возможно, волхвы имели дело не с писаным текстом или переводом иранской книги, а с ее устным пересказом. Но в любом случае они сумели оценить значение письменного слова. «Стих о Голубиной книге» пронизан каким-то варварским благоговением перед Книгой — предметом непонятным, загадочным, но священным и исполненным священного знания. Сами-то южные иранцы не считали Бундахишн или даже Авесту упавшими с неба. Славяне же использовали давний скифский миф о Колаксаевом золоте, заменив в нем небесные золотые дары небесной книгой.

Кто же они, славянские рату, «матери» и «отцы» всего сущего?

Над царями царь — русский царь. Он — «белый царь», царь православный, стоящий за «дом Пресвятыя Богородицы» (то ли киевская Десятинная церковь, то ли Успенский собор Московского Кремля). «Царем Небесным» в стихе именуется Христос. «Царем над всеми царями» величает его «Беседа трех святителей». Однако же главным царем оказывается не он, не библейский Давид или Соломон, не византийский император, а верховный правитель Руси-России. Термин «царь» («цесарь»), происходящий от имени Юлия Цезаря, возник у славян под греко-римским влиянием. Он применялся и к древнерусским князьям — киевским, влади-

мирским, волынским, смоленским, затем к московским (начиная с Дмитрия Донского), а с 1547 г. стал официальным титулом государя Московского и всея Руси.

Но славянское представление о святости царской (княжеской) власти восходит к общеиндоевропейской эпохе. Об этом говорит неофициальный титул «белый царь», впервые засвидетельствованный С. Герберштейном в отношении Василия III. Однако уже арабские источники IX—X вв. передают титул царя славян как «свиет-малик» — «свет-царь» или «свят-царь». Белый цвет у славян и других индоевропейцев — символ света, добра, святости, чистоты, свободы. «Белый свет» — чистый земной мир (в отличие от нечистого иного), «белая слобода» — поселение, свободное от податей. У древних же индоевропейцев белый цвет символизировал мудрецов (царей-жрецов), красный — воинов, черный (или синий) — производителей. Изначальным царским цветом был, таким образом, белый. Волхвы, создавшие «Голубиную книгу», и здесь хранили верность древним жреческим представлениям. Тем самым они негласно полемизировали с другим — иранским, скифским представлением о солнечном царе-воине. Последний взгляд был перенят славянами еще в скифскую эпоху. Об этом говорят сколотский миф, сказка «Три царства», а также величание русских князей и царей «солнцем», «красным солнышком», «солнцем праведным». Отметим также, что титул «над царями царь» в точности соответствует иранскому титулу «царь царей» («шахиншах»).

За преданность царям и веру в царей русский народ хвалили монархисты и ругали революционеры. Ей удивлялись иноземцы (смотрите хотя бы роман Ж. Верна «Царский гонец»). Между тем вера эта отнюдь не была холопской уверенностью в том, что царь всегда прав. Да, власть царя (князя) считалась священной и богоданной. Ее вручали боги, как небесное золото — Колаксаю. Но сам царь богом вовсе не считался — лишь подобием бога (Рода-Белбога, Даждьбога), царем милостью божией. А данное богами можно было и утратить. «Белым царем», «солнцем» мог быть лишь царь законный и праведный. Незаконного же и неправедного следовало свергнуть и убить. Показательна судьба Лжедмитрия, которого москвичи сначала приветствовали как «солнышко праведное», а потом убили и сожгли. Последний русский царь сделал буквально все, чтобы соответствовать народному представлению о царе неправедном. Кровавого воскресенья и распутинщины хватило, чтобы убить в народе веру в монархию. Но... не в царей. Потому что на генсеков и президентов в нашей стране смотрели и продолжают смотреть, как прежде на царей.

Стих приписывает русскому «белому царю» власть «надо всей землей, над вселенною», придавая ему черты владыки мира, подобного Белбогу. Представлять своего царя повелителем мира в Иране и вообще на Востоке — давняя традиция. Это опять-таки не грубая лесть, а мифологема. Царство уподоблялось вселенной, власть царя — власти космическо-

го бога, а посягательство на нее было равнозначно разрушению мира. Этот миф давал царю огромный авторитет, но и предъявлял к нему немалые требования. Ведь государю надлежало уподобляться Белбогу мудростью и справедливостью, следовать космическому закону. Иначе — какой же он царь?

Стих особо подчеркивает православие русского царя. За преданность православию русский народ опять-таки и хвалили, и ругали. Да, за веру православную, за «русского Бога» русские люди в бою стояли насмерть, а в плену предпочитали мученическую смерть вероотступничеству. И делали это люди, чью веру справедливо называли «двоеверием», хотя сами-то они себя считали православными христианами. Таков был автор «Слова о полку Игореве», ругавший половцев «погаными» и воспевавший Даждьбога, Стрибога и все природные стихии. «Стоять за православие» для русских означало защищать Отечество от захватчиков-иноверцев: половцев-язычников, турок-мусульман, тевтонцев-католиков, шведов-лютеран. Точно так же вели себя, например, болгары, пять веков отказывавшиеся сменить православие на ислам и при этом чествовавшие «краля Перуна», Додолу (супругу Громовника), а также справлявшие русальские игры, участники которых носили на одежде кресты, но не смели во все время игр ни креститься, ни молиться по-христиански.

Русским, как и большинству славян, всегда был чужд «крестоносный дух», стремление насильно обратить других в свою веру. Принудительным крещением инородцев зани-

мались лишь церковники. А русские и украинские казаки, веками воюя с татарами, и не думали силой крестить их. Тевтонские «божии рыцари» быстро стали не только для православных русских, но даже для католиков-поляков злейшими врагами. С языческими же обычаями самих славян боролось тоже преимущественно духовенство. И то не всегда. Отец открывателя «Велесовой книги» Ю. П. Миролюбова, сельский священник, уважал народные языческие обряды и даже сам исполнял их. За это церковное начальство его преследовало, а крестьяне горячо одобряли батюшку, готового «пострадать за мир». А в одном селе Крестецкого уезда Новгородской губернии местные батюшки регулярно служили по настоянию крестьян молебны перед.... древними каменными идолами. И было это кумирослужение пресечено лишь незадолго до 1914 г.

Мать всем землям — Святорусская (Светлорусская) земля, потому что она христианская. Это, казалось бы, вполне в духе концепции «Москва — третий Рим», сложившейся в XV в., когда пала Византия, а Русское государство стало крупнейшей державой Европы и главным оплотом православия. Но представление об особой святости/светлости Русской земли — гораздо более древнее, дохристианское. «Слово о полку Игореве» называет русский народ Даждьбожиим внуком — потомками Солнца. Оно же противопоставляет Русскую землю и половецкую орду как свет и тьму: «На реке на Каяле тьма свет покрыла — по Русской земле простер-

лись половцы». А «Слово о погибели Русской земли», сложенное во времена Батыева нашествия, прямо перекликается с данной частью «Стиха о Голубиной книге»:

«О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божиими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»

В сложенной донскими казаками в XVII в. «Повести об Азовском сидении» говорится, что Русское государство «сияет... подобно солнцу».

В XIV—XV вв. Белой Русью нередко называлась Великая, Московская Русь, а Черной Русью — Русь Западная, литовско-польская. Позднее это название закрепилось за нынешней Белоруссией. При этом Черной Русью называлась Западная Белоруссия (Гродненщина). Белая Русь, таким образом,— восточная, солнечная земля.

В иранском мире Хорезмом — «Солнечной землей» — звалась страна в низовьях Амударьи. Под именем «Арьянем ваеджо» («арийский простор») она упомянута в Авесте первой среди благословенных стран, созданных Ахурамаздой (Ормаздом). Через эту землю началось расселение ариев из

степей в Среднюю Азию, Иран, Индию. Отсюда, вероятно, происходил Заратуштра. Здесь же находился самый главный из зороастрийских священных огней — Атур-Фарнбаг, «огонь жрецов». (Атур-Гушнасп, «огонь воинов» и Атур-Бурзен-Михр, «огонь земледельцев», находились соответственно в Азербайджане и Хорасане).

А что означает само имя Руси? В древнерусских летописях Русью в узком смысле слова называли Среднее Приднепровье. Ехать, например, из Галича в Киев означало «ехать в Русь». Именно здесь, на берегах Роси и Тясмина, поселилось в I в. н. э. сарматское племя, ветвь племени роксоланов — «светлых, сияющих ариев» (от *иранского гих* : *гох* — «свет, сияние»). Ославянившиеся вскоре россы дали свое имя восточным славянам. Итак, «Русь» — «Светлая, [Солнечная] земля».

Но «светлая», «солнечная», «святая», «белая» значит «праведная». А праведности нужно достигать всю жизнь. Это гораздо труднее, чем родиться белым, немцем или евреем и весь век чваниться принадлежностью к «высшей расе» или «избранной нации».

Мать всем морям — Окиян-море, окружающее («окинувшее») мир. В нем находится «пуп морской». Из этого же моря на востоке встает церковь св. Климента, Папы Римского. Из нее выходит Царица Небесная. Представление о море (реке) Океан, обтекающем весь мир — античное, восходящее к Гомеру и Гесиоду. В иранской мифологической космо-

графии такую же роль играет море Воурукаша (первоначально так назывался Каспий). Представление о море, окружающем мир, было и у древних индийцев (Молочный океан), и у скандинавов. Материк, омываемый океаном — это и есть средний мир, мир людей (Ойкумена греков, Мидгард германцев, Хванирата иранцев, индийская Джамбудвипа). Все, что на другом его берегу,— это уже иной мир, земли, населенные сверхъестественными существами и духами предков. «Пуп морской» — центр мира (сродни греческому Омфалу — «пупу Вселенной»). Таковым в русских заговорах считается остров Буян с Алатырь-камнем. В одной из записей стиха церковь Климента прямо заменена Алатырем.

Таинственная церковь, встающая на востоке, подобно солнцу, из моря, напоминает легендарный град Китеж, якобы ушедший на дно озера Светлояр перед татарским нашествием. Китежане наделены особым благочестием и святостью. Попасть к ним может только очень праведный человек. Словом, это блаженная солнечная страна наподобие Шамбалы, Беловодии, Гипербореи. В русских заговорах на острове Буяне стоит «церковь Папы Римского», где сидит святая девица, зашивающая раны. Церковь может заменяться камнем, а девица — Богородицей. Эта хозяйка священного острова, очевидно, Лада-Солнце или Заря.

Какое же отношение имеет к чудесному морскому храму Папа Римский Климент, сосланный в Херсонес и утопленный там в 101 или 103 г.? По преданию Папа-мученик был

погребен на островке, затопляемом морем. Ежегодно 25 ноября море расступалось и показывалась беломраморная гробница святого. В 860 г. мощи Климента обнаружил и вывез св. Кирилл-Константин, позднее доставивший их в Рим. Часть мощей (голову), оставшуюся в Херсонесе, князь Владимир, взявший город в 987 г., забрал в Киев и поместил в храме Богородицы Десятинной, посвященном также и Клименту. Церковь Климента была и в Новгороде на Бояновой (Буяновой) улице, чье название связано с мифологическим островом Буяном. Лишь в конце XI в. святой Папа был вытеснен в качестве покровителя Руси Андреем Первозванным.

Легенда об острове Климента явно сродни скифо-греческому мифу об Ахилле, «владыке Скифии», пребывающем на Белом острове вместе со своими соратниками по Троянской войне. Эллинский герой в роли хозяина блаженного солнечного острова сменил скифского Колаксая, чтобы затем уступить место христианскому святому. Остров Климента, правда, не отождествлялся прямо с Белым островом — нынешним Змеиным возле устья Дуная. Но существовал ли вообще у Херсонеса таинственный остров с гробницей? Сейчас, по крайней мере, там никаких островов нет. Мифологические острова, горы и т. д. вообще имеют свойство «материализоваться», отождествляясь с реальными географическими объектами. В данном случае за полупризрачным черноморским островом с храмом-гробницей святого явно проглядывает остров из сла-

вянского мифа, «материализовавшийся», как мы вскоре увидим, еще и на Балтике .

Мать всем озерам.— Ильмень-озеро. Это, оказывается, не новгородский Ильмень. И не «Ильмень, который в Цареграде» (Мраморное море). А озеро, из которого вытекает Иордан, т.е. Тивериадское (Генисаретское) озеро-«море» Евангелий. В «Беседе Иерусалимской» (прозаическом пересказе стиха). Ильмень находится под Киевом, и впадает в него 300 рек. Такого озера там, конечно, нет и не было (если не иметь в виду Киевское водохранилище). Ильмень-озеро на Днепре есть, но гораздо ниже, в начале порогов. Есть также река Ильменау в земле полабских славян. В южнорусских диалектах «ильмень» означает озеро или разлив реки. Такие «странствия» Ильменя от Полабья и Новгородчины до Палестины заставляют предполагать и здесь мифологический объект.

Действительно, в апокрифе «О море Тивериадском» именуется «Тивериадским» изначальное море, по которому плавают, сотворяяя мир, Бог и Сатана (Белбог и Чернобог) в облике двух гоголей. Новгородское же Ильмень-озеро считалось у славян священным. Его хозяином был древний бог-чудовище — змей, отождествленный позднее с Перуном и князем-чародеем Волховом, сыном Славена. Там, где из Ильменя вытекал Волхов, стояло святилище Перуна — Перынь. Еще в начале XX в. корабельщики, проплывая здесь, бросали жертвы в воды неспокойного озера. В былине о Садко буря, приведшая героя к морскому царю, разыгрывается,

собственно, не на море, а на Ильмене. Морской царь, в таком случае,— антропоморфное воплощение того же древнего змея. В новгородский Ильмень, действительно, впадает немало рек. Их воплощали русалки — дочери морского владыки, на одной из которых и женится Садко. Название Ильменя выводят из финского «Ильмаярви» (эстонское *Ильмъярв*) либо из греческого «*лимен*» («озеро, залив»). Для славян, пришедших на берега Волхова с юга, греческое слово наложилось на финское.

Так что же такое Ильмень «Голубиной книги»? Это не столько реальное, сколько мифологическое озеро, священное озеро-море. Прародина славян лежала в стороне от морей — на востоке Польши и северо-западе Украины. Поэтому море представлялось славянам чем-то вроде большого озера, а его владыка — наподобие водяного, окруженного русалками и склонного к буйному веселью, опасному для людей.

Мать всем рекам — Иордан, поскольку в нем крестился (купался) «истинный Христос». Имя библейской реки дано в женском роде — «Иордань». Русская же пословица гласит: «Волга всем рекам мати». Волгу-матушку и Ильмень считали сестрой и братом. Очевидно, Волга, крупнейшая река Восточной Европы, и была заменена в стихе Иорданом. Река эта считалась священной и у древних индоиранцев-ариев, чья прародина лежала в восточноевропейских степях, по соседству с праславянами. (Заметим, что ариями сами себя называли только индоиранские народы; именовать «арий-

цами» древних индоевропейцев, тем более германцев или праславян, в современной науке не принято.) В Ригведе Волга именуется «Раса», в Авесте — «Рангха», у античных географов — «Ра», «Рас», иногда «Рос», мордвины же зовут ее «Рав», «Равась». Возможно, в ее честь сарматы-росы назвали Росью реку в Среднем Приднепровье. Притоки же ее зовутся Россава и Раставица. Скифы считали своей прародительницей змееногую богиню, дочь Аракса (Волги)[11]. Не родственно ли этим гидронимам имя росов? В таком случае арии понимали Волгу как «светлую, солнечную реку», реку россов. Заметим, что древняя Ра-река, средневековый Итиль — не совсем то же, что нынешняя Волга. Верхним течением Ра-Итиля считались река Белая (Агидель — «Белая Итиль») и Нижняя Кама. То есть, опять-таки, великая русская река представлялась рекой «белой», «светлой», священной.

А кто такой «истинный Христос», купающийся в матери всех рек? Русский заговор гласит: «Стану я, раб Божий... поклонюсь и помолюсь истинному Христу, белому царю, Егорию Храброму, схожу солнышку: Истинный Христос, белый царь, Егорий Храбрый, дайте мне зайцев белых, ярых Божиих зверей... Как истинный Христос сотворил небо и землю и у себя — тако бы и мой промысел зайцев сдерживал, прочь не пускал. И как наш белый царь всю Россию держит, так бы мой промысел зайцев держал, прочь не отпускал». Здесь под именем Христа скрываются целых три языческих бога: творец мира Белбог-Род, Солнце-Царь Даждьбог и белый сол-

нечный всадник Ярила. Значит, Ра-река, Волга-матушка — река светлая, солнечная, святая. Река русская. Потому она и мать всем рекам.

Мать всем рыбам — Кит. На трех (или семи, или трех больших и тридцати малых) китах лежит земля. Если они зашевелятся — настанет конец света. Об этих китах говорят и прозаические русские легенды. Верили, что кит один и взмахи его хвоста вызывают землетрясения. Или же китов было четверо, но один умер, что привело к Всемирному потопу; когда же умрут остальные — мир погибнет. Или было семь китов, но четыре из-за грехов людских ушли в глубь моря; на время уходили и остальные три, что и вызвало потоп. С китами славяне столкнулись лишь в древнерусское время, выйдя к берегам полярных морей. Но гораздо раньше они могли познакомиться (в устной или письменной передаче) с морской легендой о ките-острове, бытовавшей в Европе по крайней мере с начала новой эры и отраженной у Псевдо-Каллисфена, в Физиологе и Талмуде[12]. И «Александрия», и «Физиолог» изобиловали баснословными мотивами, сродни охотничьим рассказам либо купеческим и моряцким байкам о далеких странах. Но в основе этих «басен» зачастую лежали древние мифы. В данном случае речь шла о том, как моряки высадились на некоем острове, развели там огонь, построили хижину. И вдруг остров... ушел на дно, оказавшись спиной исполинского кита.

Миф о ките или китах, держащих на себе всю землю, конечно же, гораздо древнее этой «басни». Он сродни индийскому мифу о трех слонах-атлантах, стоящих на черепахе. Истоки же его таятся в глубинах каменного века. Еще в мезолите возник миф о гигантском ящере — хозяине нижнего, подземно-подводного мира. Перед посвящением во взрослые охотники юношей испытывали, разыгрывая поглощение их этим чудовищем с последующим оживлением. Отсюда и библейская легенда о пророке Ионе, проглоченном и выплюнутом китом. Евангелие уподобляло Ионе Христа, восставшего из могилы (Мф. 12: 13—40). В Библии речь, собственно, идет о гигантской рыбе (названной «китом» славянскими переводчиками). Ей подобна рыба Кар (Кара) — рату (покровитель) всех рыб по Бундахишну. Эта рыба охраняет от чудовищ остров, на котором растет Хом (Хаома) — древо жизни. В манихейской притче она проглатывает царевича. О другом хозяине нижнего мира — слоне-рыбе, как и о китах-атлантах славянских апокрифов, будет сказано ниже. Предание о четырех эсхатологических китах напоминает также общеиндоевропейский миф (известный индийцам, грекам и кельтам) о четырех веках, оканчивающихся гибелью мира.

Мать всем городам — Иерусалим. Он — центр, пуп земли. Таковым его считала средневековая христианская космография, следуя в этом иудейской традиции. Представление же о центре мира свойственно всем мифологиям. Таким центром может считаться в принципе любое святилище или же

место совершения обряда. Или же самый почитаемый храм, самый священный город данного народа или страны. В этом смысле советский поэт, сказавший «Начинается земля, как известно, от Кремля», вполне следовал древним жрецам-мудрецам.

Понятие «пуп земли» возвращает нас к мифу о мировом гиганте, тем более что понятие это — общеиндоевропейское. Выражение «пуп земли» встречается уже в Ригведе. Эллины почитали «пупом земли» (Омфалом) священный камень в Дельфах. В санскрите родственны слова *nabhi* («пуп») и *nabha* («небо»), в немецком *Nabel* («пуп») и Nebel («туман», «нибелунги» — подземные карлики). «Пуп земной», таким образом, место, где проходит мировая ось, соединяющая все три мира.

«Матерью-городом», «метрополией» эллины называли город, основывавший колонии. Последние политически обычно не подчинялись метрополии, но хранили с ней тесные связи. Понятие о «матери-городе» было известно и славянам. «Матерью городов русских», по летописному преданию, нарек Киев в 882 г. вещий Олег, сделав его столицей Северной и Южной Руси. Даже в конце XII — начале XIII вв., после распада Киевской Руси, князья ожесточенно боролись за этот город, обладание которым давало определенный авторитет его владетелю. Западные же источники называют «матерью и главой всех городов поморских» Щецин — столицу Поморья, где славянская династия правила до 1648 г.

И Киев, и Щецин были центрами не только политическими, но и сакральными. Щецин был известен своими четырьмя храмами. Главный из них, посвященный Триглаву, был покрыт резьбой, столь искусной, что изображенные существа, по словам современников, казались живыми и дышащими. Это заставляет вспомнить изобилующие языческими мотивами белокаменные рельефы владимирских соборов. В отличие от деревянных щецинских святынь, они дошли до наших дней. Киевское капище Рода, раскопанное в 1912 г. В. Хвойкой, возникло, видимо, одновременно с самим городом Кия. В Киеве же в X в. находились святилища Перуна и Велеса, а в 980 г. будущий креститель Руси воздвиг здесь святилище пяти богов во главе с Перуном. Именно Киев был до самого конца XIII в. резиденцией митрополита всея Руси, и здесь же были возведены ее крупнейшие храмы — церковь Богоматери Десятинной и Софийский собор. На фресках последнего изображено немало языческих сюжетов. Только здесь осторожный художник-двоеверец расписал ими лестницы, ведущие на второй этаж. Полтора века спустя его собратья по духу вынесут подобные же образы на всеобщее обозрение, покрыв ими внешние стены соборов. По крайней мере некоторые из киевских церквей находились на месте древних капищ. Так, Десятинная церковь стояла между капищем Рода и святилищем Владимира. Церковь Власия на Подоле сменила капище Велеса, а соседняя с ней церковь носила чисто языческое название «Турова божница». Не случайно Киев,

даже опустошенный татарами и утративший политическую роль, оставался центром притяжения для русских и украинских паломников. Верили, что тому, кто двадцать раз побывает на Пасху в Киеве, простятся все грехи. Легче было разрушить мать-город, чем лишить его ореола святости, коренившегося в языческих временах.

Мать всем церквам — соборная церковь в Иерусалиме. Если верить стиху, посвящена она Богородице и в ней находится гроб Господень... висящий в воздухе. В Иерусалиме действительно была церковь св. Марии, по преданию — первая здесь, возведенная еще апостолами на месте дома, где происходила Тайная Вечеря. Находилась она на Сионе, недалеко от Соломонова храма, на руинах которого возведена мечеть. Гроб Господень же, т.е. пустая могила Христа, находится совсем в другом месте, в церкви Воскресения Господня на Голгофе. Возле нее, по свидетельству древнерусских паломников, и находился «пуп земной». Легенда же о гробе Христа «на воздусе» явно скопирована с другой легенды, известной еще в Древней Руси — о висящем в воздухе гробе Мухаммеда. Более того, некоторые варианты стиха утверждают, что в воздухе висит... сама церковь. Или же что в ней лежат... мощи Христа.

Такое попрание важнейшего христианского догмата о телесном воскресении Иисуса трудно объяснить наивностью или невежеством авторов стиха. Калики перехожие если сами не бывали в Иерусалиме, то общались с бывавшими там.

Именно туда ходили в 1163 г. из Новгорода былинные сорок калик. Почему же в этой среде столь вольно обращались со сведениями о главных христианских святынях? Авторы «Хождений», например знаток и противник славянского язычества Даниил Паломник, таких «вольностей» себе не позволяли. Не скрыта ли в стихе насмешка над почитателями чужого распятого бога? А в языческой «Голубиной книге» речь шла, вероятно, совсем о другой святыне — храме Святовита в Арконе на Руяне. Но об этом будет сказано ниже, в связи с Алатырь-камнем.

Мать всем книгам — Псалтирь. В стихе она иногда описывается так же, как сама «Голубиная книга»: гигантский том (40х20х10 сажен), из которого сам Христос прочитал всего три листа за три года. «Глубиной» нередко называли Псалтирь русские книжники. О причинах сближения библейского царя-шамана с Велесом, а книги его песен — с языческой небесной книгой уже говорилось. Не приходится сомневаться, что первоначально матерью-книгой считалась именно «Голубиная книга». Автором же ее почитали отнюдь не Христа, не способного даже постичь небесную мудрость, а языческого Даждьбога.

Мать всем птицам — Стрефил (Стратим, Страхвиль, Страхвар, Аштраха, Финикс, Драгун, Тварун, Голубь, Грипон, Нагай, Жар, Хваравон [фараон] и др.). Живет она посреди моря, никогда не выходя на сушу, и даже яйца откладывает в море. Перед рассветом она встрепетывается, и тогда

по всему миру поют петухи. Одни варианты стиха утверждают, что она совершенно безвредна. Другие — что от трепетания этой гигантской птицы тонут купеческие корабли. Иногда говорится, что трепетание это возвестит конец мира. Подчеркивается святость птицы: она верует во Христа, молится за синее море.

На первый взгляд, истоки этого образа — чисто книжные, из «Физиолога». Стрефил — это страус (греческое «*струфос*», «*струфокамелос*», буквально «*воробей-верблюд*»). А птица, якобы живущая только в море и откладывающая туда яйца, в «Физиологе» именуется «алкион», собственно «зимородок». В основе «басни» о ней — миф об Алкионе, дочери бога ветров Эола. Она бросилась в море вслед за утонувшим мужем, и оба они превратились в зимородков. Птицы эти вовсе не морские, но когда они выводят птенцов, море затихает на две недели. Русские книжники превратили слова «Алкион есть» в «Алконост» и нарекли Алконостом одну из двух птицедев-сирен, другой оставив имя «Сирин». Парные сирины (славянские вилы-русалки) изображались еще на древнерусских женских украшениях.

Но что общего между страусом, зимородком и петухом и причем тут море? В небольшом древнерусском апокрифе говорится о гигантском «куре» (петухе). Голова его — до неба, море ему — по колена. На восходе солнца море волнуется, он кукарекает, и следом поют петухи по всему миру. У славян, иранцев, германцев петух — одна из самых священных

птиц, птица Солнца. Ее пение разгоняет всю нечисть. «Куром морским» в Древней Руси именовался также павлин.

Есть в индоевропейской мифологии и гигантская солнечная птица. У индийцев бог солнца Вишну летает на исполинской птице Гаруде. Столь же огромен иранский Симург (Саена, Сенмурв). Это — хищные птицы, огромные орлы. Стрефил-птица в стихе иногда зовется Грипон или Нагай (древнерусское «*ног*»), т.е. грифон. На грифонах, мифических орлах-львах, летал скифский бог солнца Гойтосир, иранский Митра, греческий Аполлон Гиперборейский. Этому богу уподоблялся Александр Македонский, по преданию летавший в корзине, запряженной орлами или грифонами. Царь, летящий на грифонах, изображался в X—XIII вв. на болгарских и древнерусских диадемах, на стене Дмитриевского собора. За ним, очевидно, скрывался языческий Даждьбог, Солнце-Царь. У белорусов есть легенда об огромном лебеде Стратиме, погибшем при всемирном потопе. Вспомним о тех лебедях, на которых, согласно индоевропейскому мифу, солнце плывет ночью по нижнему миру.

По Бундахишну, первым из птиц создан Сенмурв, но для высшего, духовного мира. А в земном мире рату всех птиц — Каршипт. Тот самый космогонический гусь-лебедь, о котором уже говорилось. Его, впрочем, Бундахишн отождествляет с ястребом: древний миф о схватке двух мировых птиц стал забываться, а его герои — сливаться в один образ. Сенмурв, подобно рыбе Кар, охраняет древо жизни. В славянской мифо-

логии он принял образ Симаргла — симпатичного крылатого пса, оберегающего растения и плодородную почву.

Орел, грифон, петух, павлин, лебедь, страус — многочисленны обличья огромной солнечной птицы. Не случайна ее связь с морем, то есть нижним, подземно-подводным миром, из которого солнце каждое утро выходит в земной мир. Птица эта бережет мир. Она же и возвестит его конец.

Мать всем зверям — Индрик (Индра, Белояндрих, Единорог и др.). Живет он в подземном мире, в недрах Святой горы (Фавор-горы). Ходит по этому миру, словно Солнце по небу, пробивает пути водным потокам, выпускает их наружу реками и озерами, спасая земной мир от засухи. Если же разыграется — земля трясется. Индрик — повелитель зверей, и иногда его заменяет Лев. Он никого не обижает, молится за Святую гору. Словом, Индрик в подземном мире играет ту же роль, что Стрефил — в водном.

Проще всего и здесь свести все дело к «Физиологу», а само слово «Индрик» считать искаженным «единорог». Баснословный единорог — конь с прямым рогом во лбу — создан воображением греческих книжников, слышавших об индийском носороге, но никогда его не видевших. Александрийские же переводчики Библии на греческий отождествили его с реемом — диким быком. Рогом единорога в средние века считали бивень нарвала — родича кита и моржа. А в славянском «Физиологе» Индроп (Еньдроп и т.п.) — морской конь (гиппокамп), полуконь-полурыба. Он повелевает рыба-

ми, но сам подчиняется их царю — рыбе «златозарной» (золотая рыбка наших сказок). Есть еще в «Физиологе» «енудр» (в славянском переводе — «индрия», «индрик») — египетский ихневмон, грызун, будто бы способный, попав в желудок крокодилу, загрызть его изнутри насмерть.

Заметим, что под греческим именем «гиппопотам» («речной конь») или библейским «бегемот» всем нам знакомо животное, сравнение которого с конем может сейчас вызвать только смех. Такова сила мифологии: самого уродливого и неуклюжего зверя миф может сделать красивым и стройным. Разве святой зверь может быть уродлив?

Под одним именем (или близкими именами) — целый зверинец: носорог, бегемот, конь, ихневмон. Только нет в этом греко-славянском книжном зверинце никого, похожего на Индрика из духовного стиха. А сам этот Индрик, в отличие от своих книжных тезок, не покоряется девам и не грызет крокодилов. Потому что Индрик славянский, языческий — не носорог и не египетская мышь, а... мамонт.

Обычно считается, что мамонты вымерли около 10 тыс. лет назад с окончанием последней ледниковой эпохи: не вынесли превращения приледниковых степей, сухих и холодных, в болотистые тундры, еще и человек «помог». Но, как установлено недавно, на острове Врангеля они обитали еще 3900 лет назад, хотя и сильно измельчали. А в одном из гротов Каменной могилы в Приазовье изображен зверь, о котором археологи издавна спорят: бык это или мамонт? По крайней мере,

хоботов у быков, даже мифологических, не бывает. Но остальные петроглифы этого каменного холма-святилища относятся к бронзовому веку. А на древнеегипетской фреске в дар фараону ведут медведя и... странного рыжего слоника с сильно изогнутыми бивнями. Откуда их могли доставить вездесущие купцы? Вряд ли дальше, чем из Восточной Европы. Так что видеть живых мамонтов вполне могли еще древние индоевропейцы и индоиранцы. Или хотя бы слышать о них от своих северных соседей — финно-угров.

В мифологии народов Сибири и Крайнего Севера мамонт занимает почетное место. Ханты зовут его «весь», манси — «ма-хор» («земляной олень»), ненцы — «ен-хора» («земляной бык»), селкупы — «сурп-козар» («зверь-мамонт») или «кволи-козар» («рыба-мамонт»), кеты — «квот-тель» («мамонт-щука»). Только в сибирских мифах зверь этот мало похож на знакомого нам лохматого слона. Ведь их создатели если и видели живых мамонтов, то крайне редко. Чаще же имели дело с их замерзшими тушами. А еще чаще — с костями и бивнями. Люди, не сведущие в палеонтологии, плохо умеют реконструировать облик животного по костям. На Белгородщине в XVII в., например, кости мамонта приписали «волоту». Неграмотные же обитатели тайги и тундры рассуждали просто. Зверя никто не видел, но кости его находят в земле или воде (когда та размывает берега)? Значит, он там и живет. А похож, верно, на большую рыбу или мышь, только с «рогами»-бивнями.

В поверьях и народном искусстве сибирских народов мамонта так и изображают. То огромной щукой с рогами (часто олеными или лосиными), то подземным существом. Он будто бы не выносит солнечного света и, выбравшись из-под земли на солнце, тут же погибает, потому-де его останки и торчат из обрывов. Мамонт прорывает подземные ходы, вызывая этим обвалы берегов и землетрясения. Или же сама земля лежит на спине мамонта, стоящего посреди изначального моря. На «чудских» шаманских образках из Приуралья ящер — хозяин нижнего мира — порой имеет изогнутые бивни. Сибирские шаманы тоже представляли мамонта хозяином нижнего мира и могучим духом-помощником. На спине духа-мамонта пробирается шаман через полный опасностей подземно-подводный мир. Лишь в немногих мифах проглядывают черты реального мамонта. У эвенков мамонт творит мир вместе со змеем Дябдаром. Гигантский зверь разгребает бивнями грязь изначальных болот, расшвыривает землю и камни, а змей прокладывает русла. Так и возникают горы, холмы, реки. Мамонт действительно разгребал бивнями снег, добираясь до травы.

Владык преисподней почитали, но боялись. В сказках и былинах восточных славян эти два владыки — мамонт и змей — совершенно слились в одно, притом злое, существо. Многоглавый змей имеет «хоботы», которыми хватает людей. Подстерегают же змея на «калиновом мосту». Но из кустов калины можно не мост построить, а прикрыть ими яму-ловушку.

В герое — третьем брате, побеждающем змеев на этом мосту, исследователи узнают все того же Даждьбога-Колаксая.

Но не эти мифы о борьбе молодых богов с древними зверобогами вдохновляли творцов «Голубиной книги». Индрик в ней — тот же подземный мамонт. Но он — существо доброе, святое, белое (Белояндрих), солнечное. И не боится он солнца, словно тролль или упырь. Ведь он сам — подземное, ночное солнце. Создавая этот величественный образ, волхвы явно не заглядывали ни в какой «Физиолог», ни даже в Бундахишн. Тем более их не вдохновляли христианские писания, отождествлявшие единорога с Христом и праведным христианином или, наоборот, с бесом и грешником. А Индрик славянского «Физиолога», в облике коня-рыбы повелевающий рыбами, напоминает сибирского мамонта-рыбу. Здесь, скорее, фольклор повлиял на книгу, а не наоборот.

И само имя Индрика-Индры — вовсе не искаженное «единорог». Ведь оно повторяет, часто буквально, имя Индры — арийского Перуна. Громовник и царь богов, он грозовой палицей убивает змея Вритру и тем освобождает загороженные им реки. Водные потоки разливаются по земле, спасая людей от засухи, а бог-змееборец прокладывает им пути, как мамонт Индрик под землей. В точности такой же змееборческий подвиг совершает Единорог (Индрик) в «Беседе Иерусалимской». Ездит Индра на белом коне (как Илья-громовник в русских поверьях) или на белом слоне Ай-

равате. А индийские слоны, держащие на себе землю? Ведь это те же подземные мамонты!

Что же до «классического» единорога-коня, то и у него есть иранское соответствие — в том же Бундахишне. Это осел Хара — трехногий, с рогом во лбу. Он стоит посреди моря Воурукаша и очищает его воды. Первоначально он, видимо, имел облик коня. Ведь на восточноевропейской прародине ариев ослы не водятся.

Имя и отчасти образ Индры славяне, видимо, переняли от своих соседей-ариев (индоиранцев). Индийцы чтут Индру и поныне. В Иране же он после реформ Заратуштры «раздвоился» на злого дэва Индру и благого Веретрагну («убийцу Вритры»), могучего бога войны. Исследователи спорят, был ли Индра громовником или также солнечным богом. В «Голубиной книге» он, как видим, и солнце, и податель влаги. И при этом — в облике древнего зверобога, а не молодого бога-воителя, врага зверобогов.

Возможно, славяне помнили и о мамонте-слоне. По крайней мере, на рельефе Георгиевского собора в Юрьев-Польском изображен слон с древними знаками солнца — спиралями на теле.

Мать всем горам — Фавор (Харгор, Хвангур, Хварс и др.). На ней Христос преобразился перед двенадцатью апостолами и Иоанном Крестителем и с нее же вознесся на небо. Это, конечно, евангельская гора Фавор. Но ведь свидетелями Преображения были лишь трое апостолов! Иоанн

Предтеча же к тому времени был казнен. А вознесся Иисус с Елеонской горы. В одном из вариантов стиха Фавор заменен Сионом, на котором-де жил или даже родился (!) Христос. Снова странные «вольности» по отношению к христианским святыням...

В мифах многих народов важное место занимает мировая гора, соединяющая, подобно мировому дереву, небесный мир с земным и находящаяся в центре мира. Она может быть чисто мифическим объектом, но может и отождествляться с реальной земной горой. Такую роль у эллинов играл Олимп, у кавказцев — Эльбрус (Ошхамахо). У индоиранцев, когда они, еще не разделившиеся, обитали на юге Восточной Европы, возник миф о Рифеях — высоких заснеженных горах, лежащих далеко на севере. Путь через них преграждают суровый северный ветер, одноглазые аримаспы, грифоны. А за горами, на берегу полярного моря или на острове среди него лежит блаженная страна — Гиперборея, или «Швета двипа» («Белый остров»). Горы эти тянутся с запада на восток, высочайшая же из них сияет, покрытая золотом.

Из реальных северных гор Рифеям соответствуют разве что низенькие Северные увалы, разделяющие бассейны Камы и Печоры, да отчасти Урал (хотя он тянется с севера на юг). Арии, населявшие широкие равнины, по которым текли с севера могучие реки (Волга-Ра, Дон, Днепр и др.), думали, что где-то на севере лежит *широтный хребет*, с которого все эти реки и стекают. От лесных соседей — финно-уг-

ров — арии кое-что слышали о Ледовитом океане и островах в нем. (Миф о затонувшем полярном континенте и арийской цивилизации на нем — это уже творение мистиков XIX в.). У индийцев северная золотая гора именуется Меру. На ней обитают боги, а на ее северном склоне либо на Белом острове в Молочном океане — блаженные мудрецы. Память о блаженной Гиперборее сохранили и скифы и передали ее эллинам. Южные же иранцы именовали Рифеи «Хара-Березаити», «Высокая Хара», а золотую гору — «Хукарья». Индийцы искали Меру в истоках Ганга, отождествляя ее с Гималаями. Иранцы же, веками ездившие в Приуралье менять серебряные сосуды на меха, полагали, что с Хукарьи стекает великая Рангха, Ра-река, священный поток богини Ардвисуры-Анахиты, носящей золотую бобровую шубу. Верховья Ра-реки, напомним,— это река Белая. А Хукарья, видимо,— богатая золотом гора Иремель в истоках Белой, одна из высочайших вершин Урала.

Во времена сложения Бундахишна Хукарья именовалась «Хугар», что очень напоминает Хвангур-Хваргор «Голубиной книги». Хара-Березаити (Харбурз, Альбурс) тогда уже представлялась хребтом, окружающим весь земной мир. Однако Альбурсом (Эльбурсом) называли также хребет на севере Ирана. А высочайшую вершину Кавказа — Эльбрусом. Так странствовала по карте Евразии мировая гора ариев. Вернемся теперь в Палестину, где центром мира полагали Сион, храмовую гору в Иерусалиме.

Те, кто христианизировал «Голубиную книгу», конечно, хорошо знали о Сионе. Почему же они предпочли ему гору Фавор, еще и слили ее с Елеонской горой? Только ли из-за сходства названий Хугара-Хукарьи и Фавора? Именно на Фаворе Иисус предстает в облике настоящего солнечного бога: его лицо сияет, как солнце, одежды становятся белоснежными и тоже сияют. Вознесение же воскресшего Христа на небо напоминает дневной путь Солнца, выходящего утром из подземного мира. А на Хукарье приносит жертвы Анахите Йима Сияющий — солнечный первоцарь, подобный Колаксаю и Даждьбогу. Вершина же ее достигает Гародмана — Дома Песнопений, небесного рая. Фавор, как и Хукарья,— не просто мировая гора, а гора солнечная, светлая. Христос с 12 апостолами на Хвангуре в стихе — это Солнце с 12 месяцами, а Иоанн Креститель — еще одно воплощение Солнца в его наибольшем могуществе (на день Рождества Иоанна Предтечи приходится Купала — главный солярный праздник славян).

Сказочный Зоревик (Даждьбог-Колаксай), чтобы добыть яйцо-царство, спускается в нижний мир или поднимается на Золотую (Стеклянную) гору. В одной русской сказке эта гора именуется Сиянской (как бы одновременно «сияющей» и Сионской). И обитает на ней старый богатырь Тарх Тарахович (Таргитай-Сварог, отец Колаксая-Даждьбога). Эта солнечная гора и скрывается в стихе за евангельским Фавором.

Заметим, что в недрах Святой (Сионской) горы обитает и Индрик-зверь.

Мать всем камням — белый камень Алатырь (Латырь). На нем отдыхал и беседовал с 12 апостолами Христос, на этом камне утвердил он веру христианскую, отсюда распустил книги по всей земле. Сторонники книжно-христианского происхождения стиха полагали, что «алатырь» — это алтарь. И именно алтарь уже упомянутой церкви Марии на Сионе, построенной на месте Тайной Вечери. В Новом Завете большую роль играет образ краеугольного камня, на котором строится церковь и с которым отождествляется сам Иисус[13]. Однако последний ни на каком камне с учениками не беседует, книг же и вовсе не пишет. И вообще христианский алтарь — не жертвенный или иной камень, а наиболее сакральная часть церкви, сответствующая целле античных храмов и «святая святых» Иерусалимского храма. «Не знать» такого мог разве что тот, кто никогда не бывал в христианской церкви.

Мы уже знаем, как относились к иерусалимским святыням создатели «Стиха о Голубиной книге». Поэтому обратимся к источнику еще более языческому — восточнославянским заговорам. Здесь Алатырь-камень — один из ключевых образов, притом меньше всего похожий на церковный алтарь. Находится он не в церкви и не в Иерусалиме, а на острове Буяне посреди моря-океана. На нем или рядом с ним растет мировое дерево, восседают Богородица, Илья и другие святые, девица-Заря, или же на камне стоит церковь, а в ней престол, на котором и сидят эти небожители. Здесь христианская церковь с престолом — явная надстройка над языче-

ским священным камнем. Церковный престол (жертвенник) — вовсе не сиденье, а возвышение в алтаре, и лежит на нем Евангелие. Емельян Пугачев однажды уселся на это возвышение, заявив: «Давно я на престоле не сиживал!». И такое поведение «царя Петра Федоровича» вовсе не шокировало повстанцев. Престол — это престол, на нем место богам-святым или царю. Возле Алатыря, под ним или на нем находятся и вовсе языческие существа: птицы Сирин и Алконост, золотая щука, «матери» зверей, птиц, змей и т. д. И даже злые персонажи: Сатана, Саломея. Заметим, что почитание священных камней у славян дожило до нашего времени. Церковники то топили эти камни, то высекали на них кресты, но изжить древний культ не могли.

Словом, Алатырь — это священный центр мира, средоточение всего сверхъестественного, божественного и бесовского, источник магических сил. Постоянный эпитет и синоним Алатыря «бел-горюч камень», «кип-камень». То есть это камень светлый, огненный, кипящий, солнечный. Он описан и в псалмах русской народной секты духоборов: «Посереди земли возстают горы новые. На горах является море белое, посереди моря освещается бел камень самоцветный. Вокруг камня венец воссияет, яко солнце Господне... Из камня течет река огромная; вода белая, во всю вселенную...» В одном из вариантов стиха из-под Алатыря текут по всей земле реки, неся миру исцеление и пропитание. Согласно поверью, змеи, зимующие под землей, вместо питания лижут

Алатырь. Такие волшебные камни, дающие сытость, по преданию, имели соратники Степана Разина (того самого, что принес персидскую княжну в жертву то ли Волге-матушке, то ли Яику-Горынычу).

Во всем этом нетрудно узнать уже знакомые нам арийские Святые места. Солнечная мировая гора, текущая с нее Белая река, Белый остров в Молочном океане, средоточие всего светлого, солнечного... Гора Иремель, Меру-Хукарья, исток Белой Ра-реки — вот где, видимо, находился изначально Алатырь, престол светлых богов. Но ведь там нет ни моря, ни острова? Мифологическое мышление способно отождествлять реальные вещи самым неожиданным образом. В данном случае оно слило Золотую гору с Белым островом. А есть ли земной адрес у этого острова? Белыми ныне зовутся два полярных острова. Один — у северного побережья Ямала. Другой — в архипелаге Шпицберген (Грумант), некогда освоенном русскими поморами. Есть на Севере и Белое море. На его берегах арии, скорее всего, никогда не бывали[14]. Славяне же достигли их вряд ли раньше IX в. Но, осваивая Север, они давали вновь открытым местам имена, взятые из древних мифов.

Славяне же «приземлили» Алатырь и в другом месте — на Балтийском море. Оно звалось на Руси Латырь-морем. Название же Алатыря происходит, по мнению многих исследователей, не от алтаря, а от греческого «электрон» — «янтарь». Этот камень действительно белый (точнее, бело-золо-

тистый, желтый или красный) и горючий. Главное его месторождение находится в юго-восточном углу Балтики, у нынешнего Калининграда. Один из вариантов стиха говорит о корабельщиках, плывущих к Алатырю и собирающих его обломки. Эллины познакомились с янтарем в микенскую эпоху (II тыс. до н. э.). Уже тогда купцы проложили «Янтарный путь» от северного берега Адриатики до низовьев Вислы. Он шел по землям иллирийского народа венетов, родственного нынешним албанцам. Южные венеты дали свое имя Венеции. Северные же, населявшие Западную Польшу, слились со славянами. Видимо, поэтому западные и южные соседи славян — германцы, греки и римляне — называли их венетами, вендами, виндами. Эллины сложили миф о янтаре. В него будто бы превратились слезы дочерей Гелиоса-Солнца, оплакивавших смерть своего брата Фаэтона. Не справившись с отцовской колесницей, он упал в реку Эридан. Эллины отождествляли Эридан с По или Роной, хотя янтаря в этих реках нет. Подлинный Эридан, река Солнца,— очевидно, Висла или Неман.

По Янтарному пути приходили с микенских времен в храм Аполлона на Делосе священные дары, посланные, как считалось, любимыми Аполлоном гипербореями. Представления греков об этом блаженном солнечном народе были навеяны арийскими и скифскими мифами о Меру и Белом острове. Но дары-то, завернутые в пшеницу, присылал какой-то вполне реальный народ, притом обитавший не в Заполярье, где

земледелия не знали, а, очевидно, в Прибалтике. Это были, как полагал Б. А. Рыбаков, славяне и балты, почитавшие богиню Ладу и отождествлявшие ее с Лето (Латоной), матерью Аполлона.

Именно в низовьях Вислы праславяне обрели выход к морю. Долгое время они боролись за него с германцами, но уже во II в. н. э. Птолемей именует Балтийское море Венедским заливом. А в VI в. весь южный берег Балтики от Вагрии (Восточной Голштинии) до устья Вислы был населен славянами. Прежде обитавшее тут германское племя ругов (выходцев из Ругиланда в Норвегии) частично ушло на юг, в Среднее Подунавье и Италию, частично же, быть может, ославянилось. По крайней мере западные источники часто называют ругами славянское племя руян, населявшее остров Руяну (Рюген), иногда же — восточнославянских русов.

Ученые более двух столетий спорят о варяжском племени русь, приведенном, согласно летописи, Рюриком и его братьями в землю словен ильменских. Было ли это племя скандинавским, славянским, балтским, сарматским или кельтским и существовало ли оно вообще? Археологически это переселение не прослежено. Но археологами точно установлено другое: по крайней мере часть предков словен ильменских пришла в VI—VII вв. из области балтийских славян. Лингвисты также прослеживают западнославянские элементы в новгородском диалекте. Следовательно, северо-восточное славянство было достаточно тесно связано с северо-запад-

ным, балтийским независимо от того, откуда пришел Рюрик и были ли руяне русами. Потому весьма правдоподобно выглядит гипотеза (популярная среди сторонников балтийско-славянского происхождения Руси) о том, что остров Буян — это Руяна.

Для славян-язычников Руяна с ее знаменитым храмом Святовита в Арконе была подлинной Меккой, тем же, чем Киев или Иерусалим для православных русских. Сюда съезжались паломники из всех славянских земель. И не только славянских. Датский король Свен Вилобородый подарил храму драгоценный кубок, хотя Дания незадолго до того была крещена. Огромный по тем временам деревянный храм с искусно вырезанной, деревянной же статуей четырехликого бога возвышался на мысу, защищенном с моря высокими меловыми обрывами, а с суши — мощным земляным валом. Гадания и праздничные обряды собирали сюда множество верующих. Другие славянские храмы подчинялись Арконе, образуя своего рода языческую «Церковь» во главе с верховным жрецом Святовита. (У балтов и славян-кривичей такую же роль играло святилище Перкунаса в Ромове и его главный жрец — криве кривейте, «судья судей»). В качестве оракула храм был не менее влиятелен, чем античные Дельфы. Охранял святыню «рыцарский орден» из трехсот всадников. Аркона оставалась оплотом славянского язычества до 1168 г., когда датские рыцари взяли ее штурмом, разрушили храм и сожгли статую. Роковую роль здесь сыграла все та же борьба за

власть между князьями и жречеством: руянский князь Яромир не пришел на помощь осажденной святыне, а затем сам крестился. Его потомки быстро онемечились и онемечили собственный народ, наводнив Руяну немецкими колонистами. То же произошло с поморянами, бодричами и другими северо-западными славянами, даже сохранившими, подобно руянам, «родных» крещеных князей.

Среди посетителей Арконского храма вполне могли быть и тайные язычники из Киевской Руси. Древнерусские проповедники и летописцы, правда, об этом молчат. Но ведь молчали они и о языческих священных городах на Збруче, продержавшихся на сотню лет дольше самой Арконы! А католических хронистов мало интересовали пришельцы из далекой полуязыческой Руси.

Святовит, верховный бог света, ездивший на белом коне, соответствовал Роду и Белбогу. Его священный остров с белыми скалистыми берегами, несомненно, был в глазах русичей настоящим Белым островом, обителью богов и мудрых жрецов. Впечатления от реальной Руяны сливались с памятью о черноморском Белом острове Ахилла-Колаксая и с еще более древним мифом о блаженном Белом острове на далеком Севере. Что эта древняя традиция на Руси не умирала, свидетельствует, во-первых, сообщение новгородского архиепископа Василия Калики (причастного, видимо, и к распространению «Голубиной книги») об отважных мореходах-новгородцах, достигших будто бы земного рая. Во-вторых,

предания о блаженной и благочестивой стране Беловодии, которую русские староверы-«бегуны» искали на Алтае и в Центральной Азии, часто считая эту страну островом, скрытым, подобно Гиперборее и Швета-Двипе, за неприступными снежными горами.

На балтийский «адрес» Буяна и Алатыря указывает опять-таки связь последнего с янтарем. На самой Руяне янтаря мало, но привозного «белого горючего камня» в храмовой сокровищнице наверняка хватало. Греческое «электрон» имеет и другое значение: сплав золота с серебром. Из этого сплава, бело-золотистого, подобно янтарю, греческие мастера изготовляли для скифов священные сосуды. Белое и золотое означало для славян-язычников — светлое, солнечное, святое, праведное. Такое отношение к драгоценным металлам и камням бесконечно далеко от культа богатства, культа «презренного металла», «золотого тельца» и «желтого дьявола».

Мать всем деревьям — кипарис. Из него был сделан крест, на котором распяли Христа.

Как же сказано, крест в христианстве — воплощение мирового дерева, дерева жизни. В некоторых вариантах стиха с животворящим крестом отождествляется... сам Христос. Это вполне в духе мифологического мышления язычников. В русских вышивках, например, фигура богини легко заменяется деревом, комбинируется, сливается с ним. Две птицы могут восседать и на воздетых руках богини, и на ветвях дерева. То же самое наблюдается в гимнах Ригведы. Ведь Ве-

ликая Богиня — это дриада Мирового Дерева, его душа. А мифы о превращении людей в деревья распространены повсеместно. В том числе и о кипарисе. Согласно «Метаморфозам» Овидия, юноша Кипарис, любимец Аполлона, случайно убил на охоте своего друга-оленя и от горя превратился в дерево. Безутешно горевал и Аполлон о нем самом. Потому в Греции кипарис был символом печали.

Надо сказать, что в самом христианстве культ креста утвердился довольно поздно, в V в., и не без сопротивления со стороны духовенства. Ведь крест, точнее столб с перекладиной, считался в Римской империи самым позорным орудием казни, как ныне виселица. И распятие Христа понималось как его предельное самоунижение. Недаром распинавшие Иисуса легионеры только и делали, что глумились над ним. Однако народная мифологическая логика победила богословскую. Ведь крест как геометрическая фигура издавна воплощал Мировое Дерево, четыре стороны света, а также солнце и огонь.

В Древней Руси были распространены изображения процветшего креста, из основания которого вырастают два побега. Это весьма напоминает изображения богини-змеедевы в греко-скифском искусстве и в тех же русских вышивках. Руки и змеевидные ноги богини легко перерастают в ветви или побеги. А древнерусские кресты-амулеты часто носят совершенно языческий характер. То они отмечены солярными знаками, то в качестве символа солнца входят в комбинации

с символами луны (полумесяц) и 12 месяцев (кружки по кругу). Тщетно приказывал епископ Иоаким Корсунянин насильственно крещенным новгородцам носить нательные кресты в качестве «удостоверения» о принятии новой веры. Для язычника носить крест не значит опозорить себя отречением от веры предков, ведь это — лишь один из амулетов, призывающих помощь богов. Вспомним об отношении к кресту южнославянских русальцев.

У восточных славян в качестве Мирового Дерева чаще всего выступает (в заговорах, колядках и др.) дуб. Реже — береза, яблоня, явор или экзотический кипарис. Наделялся кипарис и магической силой. Гоголевский черт при виде кипарисового крестика приходит в ужас и во всем подчиняется кузнецу Вакуле. Примечательно, что создателей стиха не привлекли сказания об изготовлении животворящего креста из трех или четырех пород дерева. Волхвам, видимо, был ближе кипарис как солярный образ, связанный с Аполлоном. Отождествление же Христа с крестом могло быть и еще одной скрытой издевкой над христианами. Мол, наши боги для вас — идолы, деревяшки? А ваш бог — даже не идол, а две палки!

Мать всем травам — плакун. Она выросла из слез Богоматери, оплакивавшей Христа. Потому из нее (точнее, из ее корневища) вырезают нательные кресты. Она может даже плыть против течения.

Плакун-трава (богородицкая трава) у восточных славян — один из самых сильных оберегов, притом вполне язы-

ческих. Собирали ее в Купальскую ночь с особыми обрядами. Верили, что она изгоняет и подчиняет любую нечисть, исцеляет болезни, помогает находить клады. Иногда ее отождествляли с мифическим огненным цветком папоротника, тоже открывающим клады. В 1488 г. поп и дьякон, сторонники ереси «жидовствующих»[15], вручили одному крестьянину «крест телник дерево плакун, да на кресте том вырезан сором женской да мужской». Что это, циничное глумление еретиков (язычников?) над христианской святыней? Поклонение кресту отвергали еще в X в. болгарские еретики-богомилы. Только вот сам мужик «срамного» креста не выбросил, а к вручившим его имел лишь ту претензию, что амулет не помог ему от болезни.

В Индии линга-йони (сочетание мужского и женского половых органов) — один из самых распространенных религиозных символов, означающих Шиву и его супругу Деви. Русский же амулет, очевидно, символизировал Мировое Дерево и брак Неба-Отца и Земли-Матери, Рода (или Сварога) и Лады-Мокоши. Примечательно, что изготовили его не «чистые» язычники, а еретики-двоеверцы. Так одна форма духовной оппозиции существующему строю и его Церкви органически перерастала в другую.

В Бундахишне рату всех лекарственных растений назван сушеный Хом. Хом (хаома, сома) — загадочное растение, из которого арии приготовляли шаманский напиток, вызывавший экстаз. Исследователи спорят, был ли то изначально

мухомор, белена, вереск и т. д. Попадая в разные географические условия жрецы ариев заменяли одни культовые растения другими. Нынешние зороастрийские мобеды готовят готовят хаому из эфедры. Хом растет рядом с Древом Всех Семян на острове, расположенном в океане Воурукаша или на реке Рангха (Ра-Волге) и охраняемом рыбой Кар.

За повествованием о «матерях» всего сущего следует предание о Правде и Кривде. Волот рассказывает свой сон, а Давид истолковывает его по «Голубиной книге». В этом сне Правда и Кривда борются в виде белого и серого зайцев, двух лютых зверей[16] или двух юношей. Побеждает в большинстве вариантов Правда, в немногих — Кривда. Но независимо от исхода схватки Правда уходит на небо, а Кривда остается бесчинствовать на земле. Эта сцена представляется то как пророчество о «последних временах», то как давно совершившееся событие. Иногда уточняется, в чем состоит влияние Кривды на людей: они становятся «неправильными», злобными, лживыми, бранят родителей, блудят с кумой, вытравливают плод, хулят самого Бога.

В «Беседе трех святителей» ангел в облике орла или сокола уносит зайца (Правду) с белого щита (земного мира) на небо, и приходит сова (Кривда). А в «Сказании о двенадцати снах Шахаиши» (древнерусском сочинении с восточными корнями) описывается, как рушится золотой столб, соединяющий небо и землю. Голубь улетает с него на небо, и являются ворон, дикие звери и змеи, символизирующие злые времена. Популяр-

ная на Украине песня «О Правде и Кривде» также оплакивала мир, покинутый Правдой и захваченный Кривдой,— мир, где царит беззаконие и вражда между родственниками.

Такой взгляд на мир может показаться излишне пессимистичным, даже циничным. Но он основан на древнем мировоззрении, где краеугольным камнем была именно неколебимая вера в торжество Правды.

В идеологии славян-язычников Правда — центральное понятие, соответствующее индоиранской Рите-Арте и греческой Дике. Это — мировой природный и нравственный закон, непреложный, как движение небесных светил, на котором он основан. Закон этот превыше самих богов. Благими, справедливыми, достойными почитания являются только боги, следующие ему и поддерживающие его. Люди же вправе (и обязаны) выбрать, следовать ли этому закону или же его противоположности — Кривде, беззаконию, лжи. В славянских языках «правый» значит не только «стоящий справа», но и «прямой», «истинный», «правильный», «справедливый». Нравственно то, что соответствует Правде (а не воле кого-либо из богов самой по себе). Мир в индоевропейской, особенно же иранской и славянской мифологии — это арена непрестанной борьбы сил Света и Тьмы, Правды и Кривды, богов, поддерживающих Правду или враждебных ей.

Такое мировоззрение в корне противоположно иудео-христианскому, библейскому, в центре которого — единый Бог, всемогущий и потому всегда правый. Всеблагость и одновре-

менно всемогущество Бога — это богословский тезис, логически противоречивый и плохо согласующийся с мифологией самой Библии. В ней Яхве-Саваоф деспотичен, капризен и несправедлив, произвольно устанавливает и меняет моральные законы и при этом требует почитать только себя самого.

Для индоевропейцев не стояла проблема теодицеи — «оправдания Бога». Светлые боги не всемогущи и потому не могут отвечать за мировое зло, исходящее от их противников (к счастью, тоже не всемогущих). Ирано-славянский Ахриман-Чернобог — непримиримый враг Ормазда-Белбога и самой Арты-Правды. А не «падший ангел» и не палач-провокатор на службе у Бога, как библейский Сатана (образ поздний и возникший под влиянием иранского Ахримана). Добрый бог может быть (как и человек), в зависимости от своего характера, не всегда тверд в служении Правде. Но злой бог ей вообще не служит и следует лишь своим порочным желаниям.

В индоевропейской мифологии невозможно что-либо подобное библейской Книге Иова, где Яхве (с подачи Сатаны) издевается над безвинным праведником, а на его упреки в несправедливости принимается восхвалять свое всемогущество. Прометей Эсхила — это поздний, философский образ. Своевольный титан побеждает Зевса только потому, что служит Дике-Правде более последовательно, чем сам отец богов. Эддическая «Перебранка Локи», где злой бог уличает добрых в безнравственности — это еще более позднее явление, «сатира на богов в духе Лукиана», по словам Ф. Энгельса.

А уж «добрый» Сатана, бунтующий против «злого» Бога, возможен только у романтиков и сатириков-атеистов вроде Байрона, А. Франса или некоторых продолжателей Толкиена.

Не следует путать Правду с Судьбой (Ананке, Фатум) — силой слепой и внеморальной, близкой к научному понятию необходимости. Эллины колебались в вопросе о том, повелевает ли Зевс судьбой или сам подвластен ей. Славяне же полагали, что судьбу можно и изменить. Скажем, отыскать свою ленивую судьбу и хорошенько отколотить ее. Но лучше узнать судьбу и следовать ей как осознанной необходимости: например, избрать профессию, согласную с ней.

Почему Правда и Кривда борются в обликах двух зайцев, львов или юношей? Отношение к зайцу в славянских верованиях неоднозначное. Он — злая сила, вестник несчастья, слуга черта. Но он же — «чертогон», связанный с огнем, Луной, светом («зайка»-искорка, «заяц-месяц», «солнечный зайчик»). В сказке смерть Кощея таится в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце. Зайца этого разрывает, помогая Ивану-царевичу, другой заяц. Дерущиеся зайцы изображены на миниатюре «Изборника» Святослава 1073 г. Как показал Б. А. Рыбаков, Иван-царевич и Кощей — это языческие Даждьбог и Чернобог. Очевидно, борьба белого и серого зайцев воплощала борьбу Света и Тьмы, а значит — Правды и Кривды. Образ льва очень популярен в мифологии и искусстве иранцев (в том числе скифов) и славян, и тоже неоднозначен. Лев — воплощение солнца, но также подземного

мира и смерти. В восточнославянских сказках он может быть как помощником героя, так и его врагом. Возможно, борющиеся львы тоже воплощали Свет и Тьму. Наконец, борющиеся юноши — явно герои близнечного мифа. Близнецами-соперниками считались иранские Ормазд и Ахриман, славянские Белбог и Чернобог. Миф тем и отличается от философского трактата, что даже борьбу абстрактных моральных принципов представляет не иначе как в виде схватки двух богов или зверобогов.

Так что же означал миф о битве Правды с Кривдой и уходе Правды на небо? Что земной мир — царство Кривды и жить в нем надлежит по законам Чернобога-Сатаны? Столь циничного вывода не делали, однако, ни христиане, называвшие Сатану «князем мира сего», ни манихеи, считавшие материальный мир творением злых богов-архонтов. Волхвы же, создавшие «Голубиную книгу», делали вывод и вовсе противоположный:

Кто будет кривдой жить,
Тот отчаянный от Господа;
Та душа да не наследует
Себе Царства Небесного;
А кто будет правдой жить,
Тот причаянный ко Господу;
Та душа и наследует
Себе Царство Небесное.

За этим не следует никаких христианских призывов не противиться злу, любить врагов и молиться за них. Задолго до Христа великий правдолюбец Гесиод говорил:

> Правды же путь неизменен, куда бы ее не старались
> Неправосудьем своим своротить дароядные люди.

Вселенский закон на то и вселенский, что действует в обоих мирах, и отменить его не в силах ни какой-нибудь преуспевающий негодяй, ни даже сам Чернобог. Абсолютное господство Правды возможно только на небе. (Об этом стоит помнить всем искателям и строителям «идеального» общества.) Земля же — арена борьбы Правды и Кривды. И кто выбрал Кривду — расплатится за это. Не в земной жизни, так в загробной: от смерти-то не откупишься! Или — в конце времен. Представление о конце света и Страшном суде — не «изобретение» христианства, а индоевропейский, иранский элемент в Библии.

Индоевропейской мифологии чуждо представление о прогрессе (кроме разве что изначальных времен, когда человеческая культура только создавалась). Золотой век, и даже серебряный и медный,— в прошлом. История человечества — это история его моральной деградации. Нынешний век — наихудший из всех, «железный век», «черный век» (Кали-юга), «век мечей, век секир». В этом едины индийские брахманы и Гесиод, «Эдда» и «Голубиная книга». В будущем же общество деградирует еще больше. Смешение сословий, заб-

вение своего долга и чести, вражда ближайших родственников, всеобщая жестокость и безнравственнось...

Заметим, что самыми тяжкими грехами «Голубиная книга» считает не нарушение первых трех Моисеевых заповедей (многобожие, идолопоклонство, упоминание Бога всуе), а разрушение родовых устоев: поношение родителей, блуд с кумой (или убийство побратима), аборт. То есть грех против трех поколений: прежнего, нынешнего и будущего. Упоминание же о непростимом грехе хулы на Святого Духа — явная христианская вставка.

Но деградация не может длиться вечно. Когда она достигнет предела — наступит конец света. Разразится великая битва сил Света и Тьмы. В мировом пожаре сгинут силы зла и их служители. Никто не избегнет кары. Мир же не погибнет, но обновится. Вернется золотой век, и войдут в новый мир лишь светлые боги и праведные люди. Когда это будет? Быть может, скоро. Быть может, нынешние времена и есть последние: смотрите, сколько вокруг зла и неправды!

Мировой цикл подобен годовому. Сотворение мира и общества, обретение Колаксаем золотых даров — это весна. Нынешнее время — зима, царство холода и тьмы. Но впереди — весна, битва сил Солнца и Грома с силами тьмы и холода и победа светлых сил. Это неизбежно, ибо неизменна и неотвратима Правда — мировой закон, что выше самих богов.

В некоторых вариантах стиха описывается еще один сон Волота, истолкованный опять-таки Давидом. В саду у Воло-

та вырастает сахарное деревце, на него садится птичка, распускающая перья до земли. Это — будущие дети двух царей: деревце — дочь Волота Соломония (Саламидия), птичка — сын Давида Соломон; им предстоит пожениться. Гораздо подробнее и красочнее, в духе языческих мифов о мировом дереве описан этот сон в «Беседе Иерусалимской». Об этом подробнее будет сказано ниже, в разделе о славянских апокрифах. Здесь же отметим снова лишь главный смысл этого брака, да и всего мифа о небесной книге: примирение богов-людей с более древними богами-великанами. И происходит это примирение на основе не войны, а состязания в мудрости — священном знании о происхождении мира и его устройстве.

На этом кончается «Стих о Голубиной книге». Книга эта поистине «глубинная». На каждом шагу в ней за христианскими вроде бы именами и сюжетами скрываются многовековые глубины языческих мифов. Создать такой текст, хотя бы устный, могли отнюдь не безграмотные нищие, толком не знавшие Библии, но почему-то знавшие апокрифы, а книжники-двоеверцы, сознательно маскировавшие священную книгу славянских волхвов под христианский апокриф, и при этом порой не удерживавшиеся от затаенной издевки над усердными почитателями Христа. Одним из этих переработчиков, возможно, был святой-еретик Авраамий Смоленский.

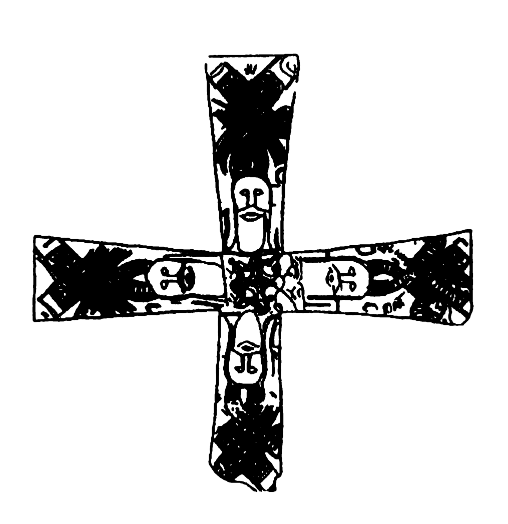
Мы не знаем имен волхвов — создателей языческой «Голубиной книги». Но на основании их творения можем кое-

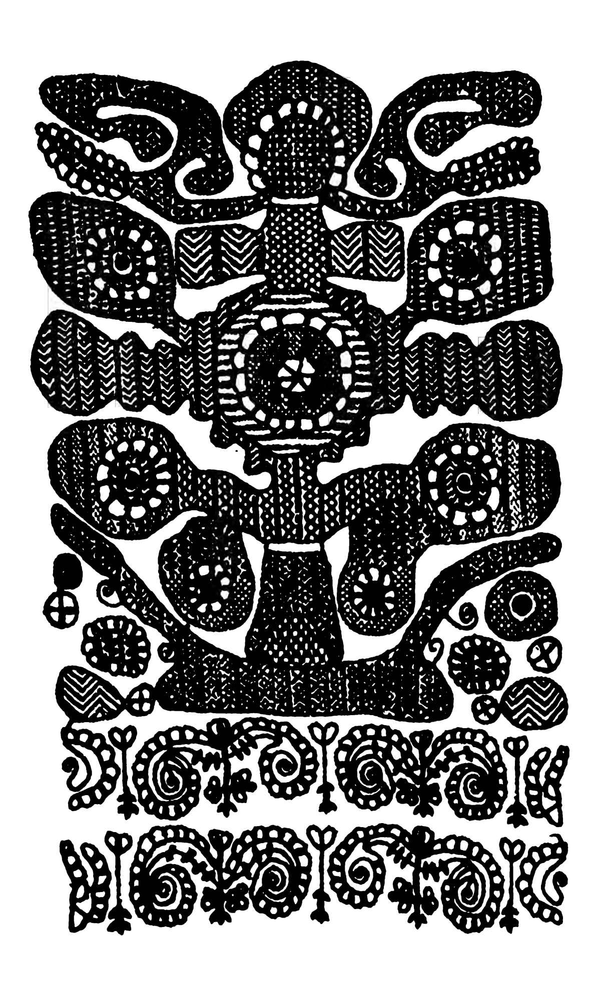
что сказать о них самих. То были жрецы Даждьбога и Велеса, хранители древней индоевропейской традиции. Мифология их пронизана солярными мотивами, но мало связана с «основным» мифом о Перуне-змееборце и вообще с мифами о борьбе богов с чудовищами. Ведь мифы эти освящали власть князей-воинов и воинского сословия. Идеал же авторов «Голубиной книги» — царь-жрец, не занятый войной, правящий мудро и праведно. Эта жреческая утопия — вполне в духе индоиранских мифов о Гиперборее, Меру, Швета-Двипе и позднейших сказаний о Шамбале и Беловодии. Блаженная страна эта, где не бывает войн,— жреческий рай, отличный от рая воинского — германской Валгаллы или скифского Белого острова Ахилла-Колаксая. «Голубиная книга» пронизана миролюбием. Подчеркивается безобидность и благочестие исполинских зверобогов — Стрефила, Индрика.

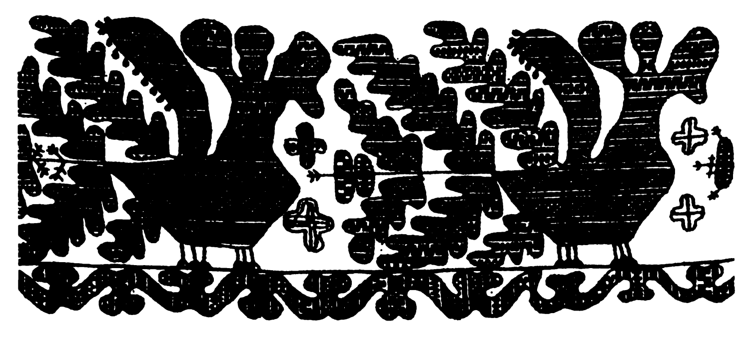
Можно даже примерно установить время создания «Голубиной книги». Это — раннее Средневековье, не раньше VI—VII вв., когда славяне могли впервые ознакомиться с Бундахишном, и не позднее IX—X вв., когда были актуальны споры о первенстве княжеской или жреческой власти, преимуществе устной или письменной традиции. Наиболее же вероятное время, когда древнерусские волхвы могли создать свое Священное Писание в противовес христианскому (а также иудейскому и мусульманскому),— это IX век, время, когда записывалась «русскими письменами», а затем

и кириллицей христианские книги, время крещения болгар и мораван.

В трагикомедии Ф. Прокоповича «Владимир» языческие жрецы представлены тупыми обжорами и пьяницами, не желающими знать ничего нового. Великий русский и украинский просветитель, глава «ученой дружины» Петра, имел, однако, в виду реакционных церковников своей эпохи. Подлинные же древнерусские волхвы были выдающимися интеллектуалами своего времени. Лучшее тому доказательство — созданная ими «Голубиная книга», в виде духовного стиха дожившая до наших дней.

Стих о Голубиной книге

Ай на той горы на Фагорския[17],
К цюдну кресту животворящему,
Ко Латырю, белу каменю,
Ко святой главы ко Адамовой
Выпадала Книга Голубиная: *(1)*
Сия книга есть не малая, *(2)*
Долиною книга долгая,
Шириною книга широкая,
Толщиною книга толстая.
  На ту на славу на великую
Ко той ко Книге Голубиной
Соходилося много, соезжалося

Много царей, много царевицев,
Много королей, много королевицев. (3)
У нас три царя да было больших,
Константин был царь, да Волотоман царь,
Был премудрый царь Давид Осиевич. (4)
  Говорил Давиду Волотоман-царь:
«Ты премудрый царь, Давид Осиевич!
Скажи, сударь, проповедуй нам:
Кто сию Книгу написывал,
Голубину, кто напечатывал?»
  Им ответ держал премудрый царь,
Премудрый царь Давид Осиевич:
«Писал сию книгу сам Иисус Христос,
Иисус Христос, Царь Небесный;
Цитал сию книгу сам Исай-пророк,
Цитал он книгу ровно три году,
Процитал из книги ровно три листа».
  Ему вси цари поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь,
  Давид Осиевич.
  Ты горазд, сударь, сказать по памяти,
По памяти, будто по грамоты;
Ты еще, сударь, нам про то скажи,
Что в Книге есть написано,
В Голубиной есть напечатано:
Отчего зачался наш белый свет,

Отчего возсияло солнце красное,
Отчего пекёт млад-светёл месяц,
Отчего пекут звезды цястыя,
Отчего зачалась утрення заря,
Утрення заря, заря вещёрняя,
Отчего у нас в земле ветры пошли,
Отчего у нас в земле громы пошли,
Отчего у нас в земле цари пошли,
Отчего зачались князья-бояры,
Отчего крестьяны православные?»
Им ответ держал сударь премудрый царь
Премудрый царь Давид Осиевич: *(5)*
«Волотоман-царь Волотоманович!
Я еще вам, братцы, про то скажу,
Про то скажу вам, проповедаю.
В Голубиной книге есть написано: *(6)*
Оттого зачался наш белый свет,
От Святаго Духа Сагаофова;
Солнце красное от лица Божья,
Самого Христа — Царя Небеснаго;
Млад-светёл месяц от грудей Божьих;
Звезды цястыя от риз Божьих;
Утрення заря, заря вецёрняя
От очей Божьих, Христа царя небеснаго;
Оттого у нас в земле ветры пошли —
От Святаго Духа Сагаофова,

От здыхания от Господняго;
Оттого у нас в земле громы пошли —
От глагол пошли от Господниих;
Оттого у нас в земле цари пошли —
От святой главы от Адамовой;
Оттого зачались князья-бояры —
От святых мощей от Адамовых;
Оттог крестьяны православныя —
От свята колена от Адамова». *(7)*
Ему вси цари царю поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь,
Давид Осиевич.
Ты еще, сударь, да нам про то скажи,
Про то скажи, проповедуй нам:
Который царь будет над царями царь,
Кая земля всем землям мати,
Которо море всем морям мати,
Кое возеро возерам мати,
Кая река да всем рекам мати,
Который город городам мати,
Которa церква всем церквам мати,
Который звире всем звирям мати,
Кая гора всем горам мати,
Который камень каменям мати,
Кое древо всем древам мати,
Кая трава всем травам мати?»

Им ответ держал сударь премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Осиевич:
«Я еще вам, братцы, про то скажу,
Про то скажу вам, проповедаю,
В Голубиной книге есть написано:
"У нас белый царь будет над царямы царь.
Почему же бел царь над царямы царь?
У нашего царя у белаго есть вера православная,
Область его превеликая надо всей землей,
Надо всей землей, над вселенною:
Потому же бел царь над царямы царь. *(8)*
Свято-Русь земля всем землям мати.
Почему же Свято-Русь земля всем землям мати?
На ней строят церквы апостольския,
Богомольныя, преосвященныя;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу — Царю Небесному:
Потому Свято-Русь земля всем землям мати.
Окиян море всем морям мати.
Почему ж Окиян-море всем морям мати?
Обкинуло то море вокруг землю всю,
Во нем, Окияне, во мори пуп морской;
С-под восточной со сторонушки
Выставала из моря церковь соборная
Со двенадцатью со престоламы,
Святу Климанту, Папы Римскому,

Святу Петру Александрийскому[18]:
Потому ж Окиян-море всем морям мати. *(9)*
  Ильмень-возеро возерам мати.
Не тот Ильмень, который над Новым градом,
Не тот Ильмень, который в Цареграде,
А тот Ильмень, который в Турецкой земли
Над начальным градом Иорасолимом.
Почему ж Ильмень-возеро возерам мати?
  Выпадала с ёго матушка Иордань-река,
Иордань-река да всем рекам мати.
Почему ж Иордань-река рекам мати?
Крестился в ней истинный Христос
И купался в матушке Иордань-реки:
Потому Иордань-река рекам мати.
  Кит-рыба всем рыбам мати.
Почему ж Кит рыба всем рыбам мати?
На китах-рыбах земля основана;
Стоит Кит-рыба — не сворохнется;
Когда ж Кит-рыба поворотится,
Тогда мать-земля вся всколыбнется,
Тогда белый свет нашь покончится:
Потому Кит-рыба всем рыбам мати. *(10)*
  Иорасалим город городам мати.
Почему ж Иорасалим город городам мати?
Иорасалим город посреди земли, в нем пуп земли.
  Во начальном граде Иорасалиме

Стоит там церковь соборная
Святой святыни Богородицы.
Почему тая церковь всем церквам мати?
Пребывает в церквы Господен гроб,
На воздусях стоит он вознесен,
Фимиам, ладан рядом курятся.
Потому святыня всем церквам мати. *(11)*
Псалтирь книга всем книгам мати.
Почему Псалтирь-книга всем книгам мати?
Поминаются праведных родители:
Потому Псалтирь-книга всем книгам мати. *(12)*
Стрефил-птица всем птицам мати.
Почему ж Стрефил-птица всем птицам мати?
Живет Стрефил посреди моря,
Она ест и пьет на синем море,
Она плод плодит на синем море.
Когда Стрефил вострепещется
Во втором часу после полуночи,
Тогда запоют вси петухи по всей земли,
Осветится в те поры вся земля:
Потому Стрефил-птица всем птицам мати. *(13)*
Белояндрих-звирь всим звирям мати.
Почему ж Белояндрих-звирь всим звирям мати?
Стоит тот звирь в горы Сионския;
Когда звирь в горы поворотится,
Тогда мать-земля под ним восколыбнется,

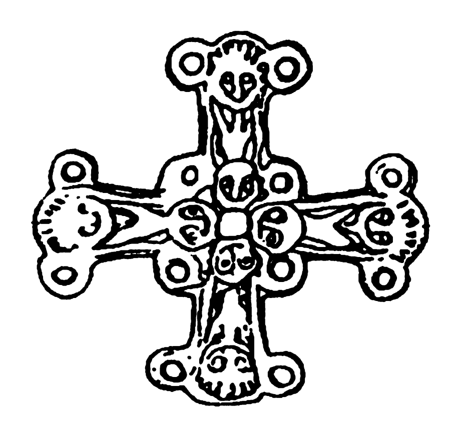
Тогда вси звирья ему поклонятся:
Потому Белояндрих всим звирям мати. *(14)*
  Фагор-гора всем горам мати.
Почему ж Фагор-гора всем горам мати?
Преобразился там Сам Иисус Христос,
Двунадесять Он апостолам,
Двунадесять Он учителям,
Показал славу великую ученикам Своим;
Со матушки со Фагорской горы
Вознесся Он свет на небеса:
Потому Фагор-гора всем горам мати. *(15)*
  Белый Латырь-камень всем каменям мати.
Почему бел Латырь-камень всем каменям мати?
На белом Латыре на камени
Беседовал да опочив держал
Сам Иисус Христос, Царь Царь Небесный
С двунадесяти со апостолам,
С двунадесяти со учителям;
Утвердил Он веру на камени,
Распустил Он книги по всей земли:
Потому бел Латырь-камень каменям мати. *(16)*
  Кипарисно древо всем древам мати.
Почему ж кипарисно древо всем древам мати?
Словет то древо преблаженное,
Был вырезыван чуден поклонен крест,
На нем распят был истинный Христос:

Потому кипарисно древо всем древам мати. *(17)*
Плакун трава всем травам мати.
Почему ж Плакун трава всем травам мати?
Когда вели Христа на распятие,
Тогда плакала мать Пресвятая Богородица,
Ронила слезы из ясных оцей на сыру землю;
От нёи ли от слез от пречистыих
Выростала на землю Плакун-трава;
Из того Плакун из кореня
У нас режут на земли цюдны кресты,
А их носят старцы-инохи,
Мужие их носят благоверные:
Оны тем, сударь, больше спасаются.». *(18)*
Ему вси цари царю поклонилися:
«Благодарствуешь, наш премудрый царь,
Давид Осиевич.
Ты горазд сказать по памяти,
По памяти, будто по грамоты».
Испроговорил ему Волотоман-царь:
«Ты премудрый царь, Давид Осиевич!
Ты еще, сударь, да мне про то скажи,
Царю сон поразсуди.
Кабы мне царю да Волотоману
Мало снилось, грозно виделось:
Кабы далече было во цистом поли
Два заяцька вместо сходилися,

Один беленькой, да другой серенькой,
Промежу собой они подиралися;
Кабы белый серого приодолел,
Кабы бел пошел с земли на небо,
А сер пошел да по чисту полю.
Уж ты можешь ли проповедати?»
Им ответ держал сударь премудрый царь:
«Волотоман-царь Волотоманович!
Я еще вам, брат, про то скажу,
Про то скажу, царю сон поразсужу.
В Голубиной книге есть написано:
“Не два заюшка вместо сходилося,
Сходилася Правда со Кривдою;
Кой гди бел заяц, тут Правда была,
Кой гди сер заяц, тут Кривда была.
Кабы Правда Кривду преодолела:
При последнем будет при времени,
При восьмой будет при тысяци,
Правда будет взята Богом с земли на небо,
По всёй земли, по всёй вселенныя,
По тем крестьянам православныим,
Вселится на сердца на тайныя;
Кто делает дела тайныя,
От того пойдет велико беззаконие”. *(19)*
Ему вси цари царю поклонилися:

«Благодарствуешь, наш премудрый царь,
  Давид Осиевич.
Ты горазд сказать, сударь, по памяти,
По памяти, будто по грамоты;
Прочитал про Книгу Голубиную,
Про все мудрости повселенныя». *(20)*

  А мы век большим царям славы поем,
Им век слава не минует,
Во веки веков, аминь. *(21)*

Варианты

Приводятся по изданиям: *Бессонов П.* Калики перехожие. Вып. 2. М., 1861; *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860; *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып.5. Витебск, 1891; *Киреевский П.* Русские народные песни, собранные П. Киреевским. М., 1848; *Надеждин Н. И.* О русских народных мифах и сагах // Русская беседа. 1857. Т. 4. Кн. 1; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977; *Марков А.* Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901; *Ляцкий Е. А.* Стихи духовные. СПб., 1912; *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. М., 1904; *Шуб Т. А.* Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки // Русский фольклор. Т.1.

Со небес книга совалилася,
Выпадала Книга Голубиная,
Голубиная, лебединая...

(*Бессонов*. С.310)

Выпадала Книга Голубиная,
Голубиная, лебядзиная,
Лебядзиная, сорочиная.

(*Романов*. С. 287)

Из той из тучи сильной грозной
Выходила Книга Голубиная,
Божественная книга Евангельская.

(*Бессонов*. С. 323)

(2) Великая книга голубиная!
В долину книга сорока локот,
Поперек книга тридцати локот,
В толщину книга десяти локот.
Не узнать нам, во книге что написано;
На руках держать нам книгу, не удержать будет,
Умом нам сей книги не сосметити,
И очами нам книги не обозрити.
Велика книга голубиная!

(*Ляцкий*. С. 8)

(3) К той книге Голубиныя
Собиралися, соезжалися
Сорык царев сы царевичем,
Сорык князев сы князевичам,
Сорык бояр да сы бояриным,
Сорок попов с поповичем,
Сорок крестьян сы крестьянином.

(*Бессонов*. С. 329)

(4) Приходил ко книге премудрый царь,
Премудрый царь Давид Есеевич:
До Божей книги он доступается;
Перед ним книга разгибается,
Все Божественное Писание ему объявляется.

(*Киреевский*. С. 43)

(5) Не могу я прочесть книгу Божию!
Уж мне честь книгу — не прочесть Божью:
Эта книга не малая,
Эта книга великая!
На руках держать — не сдержать будет;
На налой положить Божий — не уложится.
Я по старой по своей памяти
Расскажу вам, как по грамоте...

(*Киреевский*. С. 43—44)

(6) А и белый свет от лица Божья,
Сонцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темичка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрения и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!

(*Данилов*. С. 211)

Ютрия зори от ризы Божай —
Самого Христа, Царя Небеснаго.
Бялый дзень — похождзень Божий —
Самого Христа, Царя Небеснаго.
Красно слонца от лица Божа —
Самого Христа, Царя Небеснаго.
Буйныи вятры со устов Божиих —
Самого Христа, Царя Небеснаго.

Дробныи дожи з воблаков Божиих —
Самого Христа, Царя Небеснаго.
Цемная ночь от посцели Божай —
Самого Христа, Царя Небеснаго.
Злат ясен месяц от грудей Божиих —
Самого Христа, Царя Небеснаго.

(*Романов*. С. 277—278)

Ветры буйные от кровей Божьих,
Ночи темные от сапог Божьих.

(*Бессонов*. С. 279)

И зацелись темны леса да как от власов Божьих,
От власов Божьих да от Самого Христа,
Царя Небесного;
Зацелося сине море да от слез Божьих,
Как от слез божьих да от Самого Христа,
Царя Небесного.

(*Григорьев*. С. 288)

Буен ветер от вздохов,
Дробен дождик от слез Его.

(*Варенцов*. С.12)

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия; <...>
Ночи темные от дум Господних; <...>

У нас ум-разум Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы от облак небесных;
У нас мир-народ от Адамия;
Кости крепки от камени;
Телеса наши от сырой земли;
Кровь-руда наша от черна моря.

(*Киреевский*. С. 44)

Отчего зачался у нас белый швет,
Отчего зачалось красно солнишко
И отчего зачалось часты звездочки,
Отчего зачалось мать Плакун-трава —
От тово от поту от конинново,
И от воздыхания человеччево.

(*Шуб*. С. 229)

Шьчо зачалсэ у нас да все как белой сьвет
От Судьбы-то все зацялсэ, от Бога, Царя Небесного...

(*Марков*. С. 274)

(7) Зародились крестьяна православныи
От того ли колена от Адамова;
От того ж начался и женский пол.

(*Бессонов*. С. 294)

(8) И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную;
Стоит за веру христианскую,
За дом Пресвятыя Богородицы.
Все орды ему преклонилися,
Все языци ему покорилися.
Потому белый царь над царями царь.

(*Киреевский*. С. 44)

У нашего царя у белаго
Есть святая вера христианская,
Его рука всех выше царская,
Надо всей землей над вселенныя:
Потому тот царь над царями царь.

(*Бессонов*. С. 294, 295)

(9) Посреди моря Океанского
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента Попа Рымскаго:
На церкви главы мраморныя,
На главах кресты золотые.
Из той церкви из соборной,
Из соборной, из богомольной,
Выходила Царица Небесная;
Из Океана-моря Она омывалася,

На собор церковь Она Богу молилась.
Оттого Океан всем морям мати.

(*Киреевский*. С.45, 46)

По етому ли морю у корабли
Ишов Сус Христос...

Пыцаму Киянь сим морям отец:
Обошел Киянь ой вокруг зямли;
Як с того со моря сы Кияньского
Устают туцы темно-грозныи;
Як с пот той туци темно-грозныи
Як проллють дожи цасты дробныи
Пы во всей зямле бо Белой Русе,—
Пытому Киянь усим морям отец.

(*Романов*. С. 293)

Ах! Латырь-море всем морям отец
И Латырь-камень камням отец! [...]
Потому Латырь-море всем морям отец,
Потому Латырь-камень всем камням отец:
Лежит он среди моря,
Середи моря, середи синяго;
Идут по морю много корабельщиков,
У того камня останавливаются,
Они берут много с него снадобья,
Посылают по всему свету белому.

Потому Латырь-море морям отец,
Потому Латырь-камень камням отец!

(*Надеждин*. С. 36)

(*10*) Потому та кит-рыба всем рыбам мати —
На семи китах земля основана.

(*Данилов*. С. 211)

На трех китах, на рыбинах,
На тридцати было на малыих
Основана на них вся подселенная:
Потому кит-рыба над рыбами мать.

(*Варенцов*. С. 26)

(*11*) Почему Ерусалим всем городам отец?
Потому Ерусалим всем городам отец,
Что стоит он среди света белаго;
Во том во граде стоит церковь,
Стоит церковь да соборная;
Во той во церкве во соборныей
Стоит гробница белокаменная;
Во той гробнице белокаменной
Почивают мощи самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго:
Потому эта церква всем церквам мать.

(*Варенцов*. С. 13)

Вот стоит тот город посреди земли,
Посреди земли, што ни пуп земли;
Есть ву нем церковь соборная, богомольная,
Во той во церкви во соборныя
Стоит гробница на воздухах белокаменна,
Почивают мощи Самого Христа, Царя Небесного:
По том церковь церквам мати.

(*Бессонов*. С. 280)

Что во городе Ерусалимове,
Что стоит гробница белокаменна;
Что во той гробнице белокаменной
Почивают ризы Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.

(*Бессонов*. С. 276)

(12) А Псалтирь-книга — всем книгам мати?
Потому она всем книгам мати —
В долину книга сорка сажен,
А в ширину книга двадцати сажен,
А в толщину книга десяти сажен,
А цитать той книги — не процитать буде,
А на руках держать — не удержать буде.
Цитал той книги Сам Исус Христос,
А цитал Он книги ровно три годы,
Процитал Он книги ровно три листа.

(*Варенцов*. С. 19)

(13) Потому ж она Страфель-птица,
Что сидит на море, на камени,
В море яйца несет,
Из моря детей ведет...

(*Надеждин*. С. 34)

Аштраха-птица — всем птицам мать:
Живет она на синем море,
И детей плодит на синем море,
Никаких бед она не делает.
Когда Аштраха-птица встрепенется,
Все сине море восколышется.

(*Варенцов*. С. 14)

Страфил-птица всем птицам мати.
Живет она на синем море,
Пьет она ест из синя моря,
И детей водит на синем море,
И Богу молится за синё море.

(*Бессонов*. С.321)

Живет Стратим-птица на Океане море,
И детей производит на Океане море.
По Божему все по велению,
Стратим-птица встрепенется,
Океан-море всколыхнется;

Топит она корабли гостиные
Со товарами драгоценными.

(*Киреевский*. С. 46)

Когда эта птица вострепенется,
Все сине море восколебается,
Потопляет море корабли гостиные
Со товарами драгоценными,
И топит гостей, гостей торговых,
Побивает суда, суда поморския.

(*Бессонов*. С. 273)

Страфиль-птица востряпехнитца,
Все сине море восколыхнитца,
Тады будя время опоследняя.

(*Бессонов*. С.370)

Птица птицам мать Финикс-птица:
Лицё у ней как девицы;
И когда поёт гласом,
И человек услышит ее песни,
Забудет отца и мать;
Роняет которые крепче стали и булату,
И режут ими кости и камни;
А когда за море гости приезжают,

Перья покупают
И кроят и ми бархаты и атласы.

(*Бессонов*. С. 338)

(14) Ходит он по подземелью,
Пропущает реки, кладязи студеные.
Живет он во Святой горе,
Пьет и ест во Святой горе.
Куды хочет идет по подземелью,
Как солнушко по поднебесью.
Потому же у нас Индрик-зверь всем зверям отец.

(*Киреевский*. С. 46)

Живет Единорог — во Святой горы,
Он проход имеет по подземелью;
Прочищает все ключи источные.
Когда Единорог-зверь поворотится,
Вскипят ключи все подземельные:
Потому Единорог-зверь всем зверям зверь.

(*Варенцов*. С. 26)

Единорог-звирь над звирями звирь.
Как живет тот звирь во Фавор-горы,
Проходит он по по подземелью,
Прочищает ручьи и проточины;
Куда звирь пройдет,

Тута ключ кипит,
Куда звирь тот поворотится,
Вси звири звирю поклоняются:
Потому тот звирь над звирями звирь.

(*Бессонов*. С. 296)

Авандрий-зверь всим звярям ацец:
Ион хадзил по всяму свету беламу,
Была на сем свете засушейца,
Ня была добрым людзям васпитанийца,
Васпитанийца, абмыванийца;
Ион капал рогом сырую мацъ зямлю,
Выкапал ключи все глыбокии,
Даставал воды все кипучи,
Ион пускал па быстрым рякам,
И па малинькам ручьявиначкам,
Па глыбокам бальшим азярам,
Ион давал людям васпитанийца,
Васпитанийца, абмыванийца:
Патаму ж Авандрий-зверь всим звярям ацец!

(*Бессонов*. С. 233)

Когда этот зверь возыграется,
Словно облацы по поднебесью,
Вся вселенная (мать-земля под ним) всколыбается.

(*Афанасьев А. Н*. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2.)

Потому Вындрик-зверь всем зверям зверь,
Когда он возыграется,
Весь белый свет воскачается...

(*Бессонов*. С. 284)

Он живет-то евтот зверь во Святой горе,
Он и пьет и ест из синя моря,
Никому победы (обиды) он не делает.

(*Бессонов*. С. 280)

У нас Индрик-зверь всем зверям мати:
Что живет тот зверь во Святой горе,
Он и пьет и ест во Святой горе,
Он и Богу молит за Святу гору.

(*Бессонов*. С.273)

Лев-то зверь всем зверям отец.
Почему ж он всем зверям отец?
Во степях-то он пребываючи,
Никто его в глазы не видаючи,
Ни кой у мир шкоды не делает.

(*Бессонов*. С. 313)

(15) Хварс-гора всем горам мати:
Преобразился на ней Сам Иисус Христос,

Со двенадцатью со апостолами
И с Иваном со Крестителем.

(*Варенцов*. С. 14)

Потому ж она Сион-гора,
Что благоволил наш Господь жить на ней...

(*Надеждин*. С. 34)

Почаму ж Сиян-гора
Усим горам оцец?
Птому, што на Сиянии на горе
Родзився Сам Иисус Христос...

(*Романов*. С. 289)

(16) Белый Латырь-камень всем камням отец.
Почему же ен всем камням отец?
С-под камушка, с-под белаго Латыря
Протекли реки, реки быстрыя
По всей земле, по всей вселенную,
Всему миру на исцеление,
Всему миру на пропитание:
Потому же камень всем камням отец.

(*Бессонов*. С. 313)

(17) А собор-церква потому всем церквам мати,
Что родился в ней Сам Иисус Христос,

Животворящий крест [...]
Кипарис-древо потому всем древам мати,
Что распялся на нем животворящий хрест.

(*Бессонов*. С. 316)

(18) Потому ж она плакун-трава,
Что она против воды плыла.

(*Надеждин*. С. 34)

(19) Ище Правда-та с Кривдой заборолисе;
Кривда-та Правду изобидела.
Оставаитьце Кривда на Сьвятой Руси
У тово-ли у народа православного,
Да уходит-то Правда как на небо,
К Самому Христу она, к Царю Небесному.

(*Марков*. С. 277)

Тут два юноши рубилися,
Кривда с Правдой сходилася.

(*Варенцов*. С. 14—15)

Нонче Кривда Правду приобидела:
Пошла Правда она на вышния небеса,
А Кривда осталась на сырой земли,
По всему народу православному.

Она пала нам всем на ретиво сердце:
Оттого у нас в мире стало Правды нет;
Стали беззакония великия.

(*Варенцов*. С. 28)

Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
К Самому Христу, Царю Небесному;
А кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по Свет-Руской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася.
Оттого народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят;
Друг друга поесть хотят.

(*Киреевский*. С. 46)

Как бы всим грехам прощенья есть;
Трем грехам великое тяжкое покаяние:
Кто блуд блудит с кумой крестовыя,
Кто во чреви симяна затравливает,
Кто бранит отца с матерью;
Хоть и есть грехам тым покаяние,

Приложить труды надо велики
Самому Христу, ЦарюНебесному.
Кто ж охулить Святаго Духа Божия,
Тому греху нет покаяния
Ни в сем свети, ни в будущем.

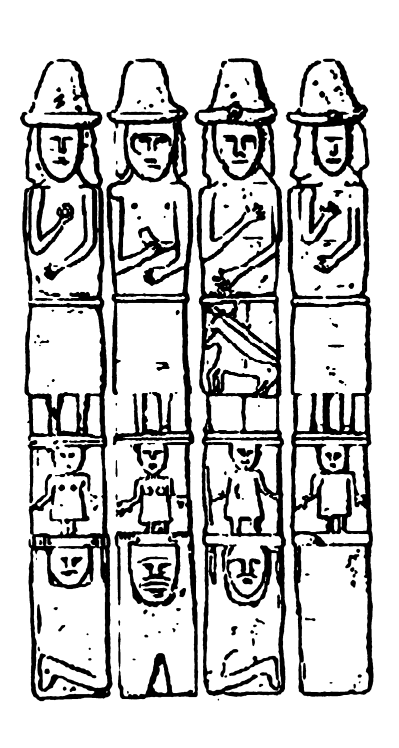
(*Бессонов*. С. 298)

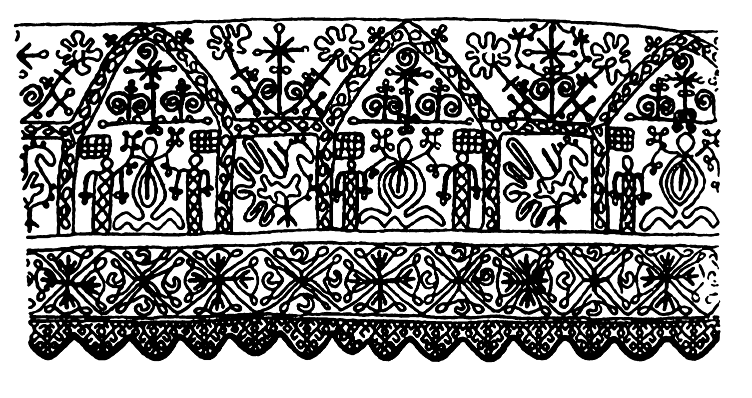
(20) Как тебе, царю Волонтоману,
Мало спалось, грозно во сне виделось,
В твоем ли было зеленом саду
Выростало деревцо сахарное:
У твоей царицы благоверныя
Народится дочь Саломидия.
Из далеча из чиста поля
Прилетала пташечка-малашечка,
Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
«Как моя царица благоверная
Родит сына Саламона,
А этому сыну моему
На твоей дочери женату быть.
Как теперь у нас и в зачатье нет,
Тому пройдет времени тридцать лет,
Тогда сны-то наши сбудутся,
По возрасту вместе сойдутся».

(*Бессонов*. С. 298—299)

(21) Старым людям на послушанье;
А молодым людям для памяти.
Славу поем Давиду Евсеевичу,
Во веки его слава не минуется!

(*Киреевский*. С. 46)

Авраамий, святой-вольнодумец из Смоленска

Житие Авраамия Смоленского было написано его учеником Ефремом в 1224—1237 гг., накануне Батыева нашествия. Со страниц жития предстает идеальный христианский монах-аскет. Столь идеальный, что впору усомниться: да мог ли такой человек хоть в руках держать языческую или полуязыческую «Голубиную книгу»? Следует, однако, учитывать законы жанра. Святой, по определению,— это идеальный христианин. И он должен быть таковым с самого рождения. (Или стать таковым, обратившись вдруг во святого из последнего негодяя-язычника, подобно летописному Владимиру.) Так что можно усомниться в том, читал ли реальный Авраамий одни лишь жития святых аскетов. И радовался ли он смерти родителей. Ведь столь бессердечный фанатик вряд

ли мог бы привлечь всеобщую любовь. Тем не менее биография удивительного святого-вольнодумца, созданная по свежим следам его младшим современником и учеником, безусловно, ценнейший источник.

Авраамий Смоленский жил в конце XII — начале XIII в., в эпоху расцвета двоеверной древнерусской культуры, породившей «Слово о полку Игореве», суздальские белокаменные соборы и ювелирные шедевры-обереги. По рождению и воспитанию он принадлежал к светской, боярско-дружинной, знати. Это в ее среде слагалось бессмертное «Слово», носились золотые и серебряные полуязыческие обереги. Даже князья имели амулеты-змеевики, на которых с одной стороны изображались святые, с другой — древняя змееногая богиня. А жены и дочери князей и бояр участвовали в языческих русалиях. Столь же вольнодумной и двоеверной была среда простых горожан, в которой проповедовал и учил Авраамий — приходской священник, позднее игумен. Не удивительно потому, что нападало на священника-вольнодумца преимущественно духовенство, спасли же его от расправы князь и бояре.

Автор жития многого недоговаривает. Почему начитанного и послушного монаха в монастыре явно не любили и всячески над ним издевались, пока фактически не выгнали? Не за вольнодумство ли? И в чем же состояла приписанная ему «ересь»? Лишь глухо упоминается о чтении «голубиных [глубинных] книг». Притом не говорится, что это были за книги,

и само обвинение не опровергается. Но именно такой свободомыслящий священник-интеллектуал из бояр и мог в те времена не только читать священную языческую книгу, но и «перекодировать» ее на христианский вроде бы лад. Этому не противоречит даже затаенное высмеивание в стихе христианских догматов и культа. Ведь вера в Христа и святых как таковая не отвергалась. Почитать же чужих богов наравне со своими двоеверцы и даже язычники грехом не считали, при этом первые вполне искренне полагали себя христианами. Примечательны насмешки над культом мощей и креста, отрицавшимся многими средневековыми ересями. Участие Авраамия в редактировании и «перекодировке» «Голубиной книги» можно лишь предполагать. Но из известных нам культурных деятелей Киевской Руси он, пожалуй, наиболее подходил для такой роли.

Житие и терпение преподобного отца Авраамия, просветившегося в терпении многом и нового во святых града Смоленска

Был сей блаженный Авраамий от верных родителей рожден. Были те в законе Господнем, хорошо живя в законе и благочестиво. Был же отец его всеми чтим и любим, от князя честь принимая, ибо был воистину всем известен как правдой украшенный и многим в бедах помогал, милостив и тих ко

всем, к молитве и к церквам прилежен. Также и мать его благочестием украшена, поскольку не бесплодна была. Двенадцать дочерей от мужа родила, и не было у них мальчика. И было им это по Божией воле. Со многим желанием молили Бога подать им мальчика, многие же обеты и милостыни церквам и монастырям давали, и послушал их Бог и дал мальчика. Еще был он носим в утробе матери, и обитала Христова благодать в нем, и воззван был святой, как прежде Самуил. И совершился день рождения, родили блаженное дитя, также в восьмой день принесли к святителю Божиему, по обычаю христиан, имя ребенку наречь. Также миновало сорок дней ребенку, крещением освятили его. Ребенок же рос, и кормили его родители, и благодать Божия была с ним, и дух Божий смолоду в него вселился. И когда ребенок в возраст смысла пришел, родители его отдали книгам учиться. Не унывал ребенок, как многие дети, но скоро с прилежанием привык. К тому же и на игры с прочими иными не ходил, но на божественное и на церковное пение и чтение прежде других приходил. Тому родители радовались, а другие дивились такому детскому разуму. Господня была благодать на нем, просвещая разум его и наставляя на путь заповедей Христовых. Когда же в больший возраст вошел, всей телесной крепостью и добротою, как свет, сиял. Родители же его к браку понуждали, но тот сам не захотел, наипаче поучив их, наказав презреть и возненавидеть житейскую сию славу, прелесть мира сего. И воспринял монашеский чин.

Те же отошли от жизни сей к Богу, он же весьма обрадовался и воздал славу Богу, изволившему так. Богатство же, что оставили родители его, убогим раздал, вдовицам, и сиротам, и черноризцам, все боясь, как бы без печали от всего земного отойти и наставить мысль свою к Богу, утверждая и учась Господню слову, говорящему: «Кто не берет креста Моего и не следует за Мною, не достоин Меня»[19]. Богоданные же книги и святых жития почитал и, чтобы их жития, и труды, и подвиги воспринять, сменил светлые ризы, и в худые облекся, и ходил, как один из нищих, в юродство обратившись, и рассматривал, и просил, и молился Богу, как бы спастись и в какое место прийти. И оставил всех; отойдя от города 5 поприщ, построил тут, как многие знают, Св. Богородицы монастырь, Селищем зовут его. И был оттоле по благодати Христовой велик на подвиг, и всеми трудами подвизался, и мыслью вспоминал святой город Иерусалим, и Гроб Господень, и все честные места, где избавитель Бог и Спас всего мира страсть принял ради нашего спасения. И все честные места и преподобных отцов пустыни, где подвиг и труды свершили: дивного начальника всем и воссиявшего равно ангелам великого Антония, бывшего крепко храбрым и победившего силой крестною духов неприязненных, Илариона, бывшего учеником его, по нем светлого в постниках чудотворца Евфимия, и по ним Савву и Феодосия-архимандрита, и старшего всех, наставника черноризцев окрест Иерусалима, и изо всех часто любил почитать учение преподобного

Ефрема Великого, вселенной учителя, и Иоанна Златоуста, и Феодосия Печерского, бывшего архимандритом всей Руси[20]. Иже во святых боговдохновенных книг жития и словеса брал и читал дни и ночи, беспрестанно Богу молясь и поклоняясь, и просвещая свою душу и помысел, и кормив словом Божиим, как трудолюбивая пчела все цветы облетает и сладкую пищу себе приносит и готовит, так и он всё от всех избрал и списал своею рукою, иное же многими писцами, как пастух добрый. <...>

И пребывал Авраамий в вышеназванном монастыре в трудах, и в бдении, и в алкании дни и ночи, так что и сам игумен, видя добрую жизнь его, радовался, и вся братия, и служители Божии. Многие из мира приходили от него принимать утешения от святых книг. И во всем повиновался игумену, и послушание имел ко всей братии, и любовь, и смирение, Бога ради покорялся всем. Искусил же его игумен, что во всем покорялся ему (игумену) и слушал. Был ведь и сам игумен хитр в Божественном, и все ведал и проходил, что многие ведают, и никто не смел перед ним говорить от книг. И принудил блаженного Авраамия принять священнический сан. И поставлен был диаконом и потом иереем при княжении великого христолюбивого Мстислава Смоленского и всея Русской земли[21]. Приняв же святой блаженный священнический сан, более смирения принял, ибо такую благодать Христос ему даровал, Божественную литургию со всем тщанием совершал, ее же за весь мир Христос велел приносить, и ни едино-

го дня не пропускал. Как и многие знают его, до самой смерти не оставил божественной литургии и своего подвига. Нищету же и наготу, и укоры же от дьявола, и тяготы и искушения от игумена, и от всей братии, и от рабов кто сможет исповедать? Как он сам сказал, пять лет искушения терпя, был поносим, бесчестим, как злодей, ибо не терпел, видя себя побежденным, дьявол, и воздвиг на него эту крамолу, своими советами хотя его оттуда прогнать, как и было. Ибо видел дьявол, как многие из города приходят и учением духовным его множатся, от многих грехов на покаяние приходят. Как, скажем, Бог хотел, что недобро светильнику во тьме сиять и укрыться во граде выше горы. <...>

Ибо некоторые из иереев, даже из черноризцев, как бы на него восстали, другие же из города состязаться и укорять приходили, другие же и споры творили, ничего не зная, против него говорили и так, посрамленные, со стыдом отходили, и снова не переставали крамолу на него воздвигать, в городе и везде говоря: «Уже весь город к себе обратил». Надо, братия, об этом прилагать слова на утешение вам. Так он благодатью Христовою утешал и пленял приходящих и разум их. Многие этому свидетели, что и сам игумен не стерпел, видя многих к нему приходящих, и хотел его от того отлучить, и говорил: «Я за тебя отвечаю Богу, ты же перестань учить»,— и многое озлобление на него возложил.

И с тех пор вошел в город и пребывал в одном монастыре у честного креста, и тут начали больше приходить, и учение

его множилось, а враг сетовал, а Господь Бог раба своего прославлял и соблюдал во всякое время, благодать и силу подавая рабу своему. И прошло мало времени. И от многих принимал утешение, подавали ему на потребу и свыше потребы. И потом вскоре раздавал вдовицам и нищим, а сам в потребу себе принимал, украшал же церковь иконами и свечами. И многие начали из города приходить слушать церковное пение и чтение Божественных книг, ибо был блаженный искусен читать, поскольку далась ему благодать Божия не только читать, но и истолковать многим несведущим, и сказанное им все разумели. И слышавшие это устно и на память говорили, что ничто не утаится от него из Божественных писаний, что никогда не умолкали уста его ко всем, к малым и великим, к рабам и свободным и рукодельным. Те же кто на молитву, кто на церковное пение, кто на утешение приходили. Так и в ночь мало сна принимал, но коленное преклонение, и слезы многие от очей излив, и в грудь бив с криком, к Богу припадал, помиловать людей Своих, отвратить гнев Свой, и послать милость Свою, и от надлежащих бед избавить нас, и мир и тишину подать молитвами Пречистой Девы и всех святых. Написал же две иконы: одну «Страшный суд второго пришествия», а другую «Испытания воздушных мытарств», которых всем не избежать. <...>

Он не переставал поминать Страшный суд, испытания боясь и не прекращая прилежно Бога молить и ночью, и днем, непрестанно о том говорил и почитал великого того учителя

вселенной Иоанна Златоуста, и преподобного Ефрема, и всех богогласных святых. Святого Духа, сказанного им, для себя усвоил и всем проповедовал. И был блаженный с воздержанием от многого питья, пьянство же вовсе ненавидел, ризы же смиренные любил, дорогих весьма избегая и смирение всегда имея, на трапезы же и пиры отнюдь не ходя из-за многих зазрений, которые бывают от мест избираемых, и иных ради многих бывают, от многого ради пьянства и беды. И того ради сего избегал. Образ же и тело блаженного удручены были, и кости его и суставы, так что мощи сосчитать, и светлость лица его бледную имел от великого труда воздержания и бдения, от многих слов, когда трудился, поя и читая и молитву принося к Богу. И к Божественному приступал жертвеннику на Божественное приношение, от Господа предложенное апостолам на вечере, а апостолами нам того завета в оставление грехов с богобоязнью и вниманием. Отнюдь же запрещал в церкви говорить, паче же на литургии, и заповедал и учил всю иметь великую мысль и с душой тогда к Богу, стройно же и по чину лепо. Когда устроился в священнический сан, образ же и подобие на великого Василия, черную бороду такую имел, но плешивую имел голову. Но не зазрите, братия, моей грубости, ибо не лжи говорю и не какой хитростью или мудростью, но ради многих, которые его не видели и не слышали. <...>

Видя же себя побежденным Христовою силою от святого, сатана являлся ему когда ночью, когда днем, устрашая и

претя, как огонь освещая его в печи, когда многие еще не спали; иногда стыдя, иногда являясь во многих мечтаниях, снова, как лев, нападая, как лютые звери, устрашая, как воины, нападая и сеча, иногда и с кровати сметая его. Когда от сна вставал блаженный, мало сна вкусив от злых окаянных бесовских мечтаний, и днем более ему от этого стыдилось. Те же то сами собою, то в жен бесстыдных превращались. <...>

И иную крамолу на него воздвиг, как и с Господом было <...>. Как сатана из прежнего монастыря изгнал, так и теперь сделал. Не мог окаянный терпеть бывшую ради благодати помощь верным и трудолюбиво от всех побежденный силою Христовой. И вошел сатана в сердца бесчинных и воздвиг на него, и начали одни клеветать епископу, другие же хулить и досаждать; одни еретиком называли его, другие говорили на него: «Глубинные [голубиные] книги почитаешь», иные же к женщинам приклоняли; попы же зияли и говорили: «Уже наших детей всех обратил», другие пророком называли и иные многие на него наветы говорили, их же блаженный был чужд, истинно говорю так. А блаженный всему радовался, терпя за Господа. Собрались все от мала до велика, весь город на него. Иные говорят заточить, а иные к стене тут пригвоздить и сжечь, а другие утопить, и провели через город. Все же собрались на двор владычный. Игумены, и попы, и чернецы, князья и бояре, дьяконы и все церковники, когда послали по блаженного, уже все собрались. Последние же слуги, взяв, как злодея, влачили, иные ругались ему и бес-

чинные слова бросали. И весь город и по торгу, и по улицам, везде полно народа, мужи же говорили, и жены, и дети. Блаженный же был, как птица, взят руками, не умея что сказать или ответить, но единое упование имея к Богу и к Нему молясь избавить от печали, в себе вспоминая справедливость Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что все претерпел нашего ради спасения. И молясь: «Господи, не поставь им греха сего и не попусти рабу Твоему предаться в руки их, но укроти и запрети, как перед учениками на море ветру повелел умолкнуть».

Так и было. Ибо князю и властителям умягчил Бог сердца. Игумены же и иереи, если бы можно, живого его пожрали бы, когда вели на сбор. Явился Господь в то время преподобному Луке Прусину, у церкви честного архангела Михаила стоявшему на молитве в девятый час. И глас был ему говорящий: «Ведут блаженного ученика на сбор, с двумя учениками истязать хотят, ты же о нем никак не соблазнись». И говорил блаженный Лука на собравшихся на блаженного Авраамия и на унижавших его: «Много без правды хулящие унижают, но да были бы грехи его на мне. И вы слышали, как хотели сотворить прежде сего, не имея страха Божиего. Такой же безумный и епископ, если хотел без правды убить его. И еще порок злой, и клятва злая, и гнев за 30 лет пребудут и еще время будет, если не покаетесь». <...> Приведен был блаженный на суд, никакой вины на нем не нашли, но бесчинные попы, словно волы, рыкали вины, так же и игумены.

Князь же и вельможи не находили вины, но изыскали все. «Нет неправды никакой, но все лгут. Тогда, чтобы едиными устами не повинны были, владыко». Говорили ко всем: «Такую крамолу на него воздвигли, и не повинны мы в том, чтобы на него говорить, или что совещаетесь, на какое-либо беззаконное убийство». И говорили: «Благослови, отче, и прости Авраамия». И так разошлись восвояси.

Видевшие же это ушли, поскольку не было конца в том, за что же осудить его. И решили у епископа: для этого приготовленным крепко стеречь и блюсти его и двух из учеников его, которые преподобному хорошо служили. Наутро же собрались игумены и иереи, и вины, как и прежде, говорили, укоряя, озлобляя, возлагали на него. И от того времени снова видел монастырь, прежде построенный блаженным, что не принял он никакого зла, от того же времени много зла пребыло, как было блаженным научено. Все те обратились на свои дела злых грехов. Но и слава Богу, терпящему этих всех! И еще тогда блаженный Лазарь был иереем и по Игнатии епископом, истинно сказать как поборник и пастух Христовой Церкви овец словесных. Ибо этот Бога ради оставил епархию свою из-за многих обид святым церквам, которые обижали властители, отнимая чужое без правды и обижая вдовиц и сирот. Этот видел и слышал, что все без правды, что на блаженного Авраамия ту крамолу воздвигли. Положившись на Бога в это время, пришел к епископу Игнатию,

говоря: «Великой быть епитимии городу сему, если хорошо не позаботишься», что и было.

Блаженный Игнатий это послушал скоро, послал ко всем игуменам и ко всем попам, запрещая всем и веля всякое речение зла прекратить, что на блаженного Авраамия. «Ибо послушав вас, на себя от Бога воспринял навеки епитимию, а вы, чада, покайтесь, сами вместе что приняли от Бога восстав, если же не покаетесь, то же и вы примете». Сего же ради блаженный имя нарек себе, своему святому подражая. Как Игнатий, подражая, много пострадал от тех всех и за них молился Богу, обращая всех к Богу, и спас их, блаженный же терпел их запреты. Так был и этому их запрет, чтобы никому не приходить к нему. Многих же мечники на всех путях стерегли, а некоторые разграблены были <...>. Скоро с этими было, что одни из игуменов, иные же из попов напрасную смерть приняли, так что ведавшие и бывшие в сонме на блаженного горевали и припадали ему в ноги, прощение принимали, а не бывшие в сонме радовались <...>.

Было же бездождие великое в городе, что иссыхали земля, и сады, и нивы, и весь плод земной, так что через некоторое время все горевали и молили Бога. И сам епископ блаженный Игнатий с честным клиросом и с богобоязненными игуменами, и иереями, и дьяконами, и черноризцами, и со всем городом, мужами и женами, и весь молодой возраст купно, весь город окрест ходили с честным крестом, и с иконами, и с честными святыми мощами, и со слезами помиловать людей

Своих, и послать милость Свою на землю, и отвратить гнев Свой, пустить дождь, подождить людям землю молили. Святой окончив пост, крестом и святыми мощами землю освятив, разошлись назад восвояси. И не было дождя на землю, и были в великой печали. Все же это было от Божиего промысла. И хотел Бог блаженного Авраамия объявить, и возложил Бог на сердце некоему иерею, что придя упомянул христолюбивому епископу Игнатию о блаженном Авраамии, говоря так: «Все молимся, не послушал нас Бог. Какая же вина на преподобном Авраамии, что лишен Божественной литургии, того ради и была от Бога казнь». Тогда блаженный Игнатий вскоре послал за блаженным Авраамием, и призвав его и испытав, что все ложи и оговоры по зависти и по злобе дьявольской были, простил его, говоря: «Благослови, честный отче, за неведение мое. Это тебе сделал, послушав лживых клеветников и оговорщиков. И благослови снова пречистую и честную литургию совершить, и моли Бога о городе и о всех людях, да помилует Господь и подаст обильно дождь Свой на землю». И сказал блаженный святителю: «Кто я, грешный, что повелеваешь такое выше силы моей? Но, сказал, воля Божия да будет о всех нас, и ты прежде о нас помолись, честный святитель, о своем богопорученном избранном стаде словесных овец».

Отошел же блаженный, и молился Богу, и говорил: «Услышь, Боже, и спаси, владыко вседержителю, молитвами Твоего святителя, и всех иерей Твоих, и всех людей Твоих, и

отврати гнев Свой от рабов Твоих, и помилуй город сей и все люди твоя, и прими молитвы, всех воздыхания. И со слезами молимся, пусти дождь и напои людей земли, людей и скотов возвесели. Господи, услышь и помилуй меня». Еще преподобный не дошел своей кельи, пролил Бог на землю дождь. Так что славили Бога все и говорили: «Слава Тебе, Господи, что скоро послал раба Твоего». И было много радости в городе, и с тех пор начали приходить в город, и все говорили: «Иерусалим-град помиловал Бог, избавь нас от всех бед. Ибо Твоими, отче, молитвами он еще более просветился, по благодати Христовой».

Ныне помянем о преподобном Авраамии, и о молитве Пресвятой Богородицы, и о братии, вслед идущей и поющей, как было позже, и хотящей отметить место, на котором блаженный о Боге хочет жить, иным многим, что будут вместе с ним спасаться.

Преподобный и благочестивый Игнатий мыслил создать церковь каменную во имя святого Игнатия, во имя себя. Вне города такое место было поблизости ровное, подходящее для построения церкви и всего могущего воспринять устав монастырский. И скупил огороды окрест него, и поставил церковь во имя богоносца [св.Игнатия], и потом ее разрушил, и в иное место перенес, и основал большую, и нарек во имя Святой Владычицы нашей Богоматери положения честной ризы и пояса, и было в нем несколько братьев, питаемых блаженным епископом Игнатием. Некоторые же буйные и несмыш-

леные юнцы ждали, говоря: «Кто хочет, пусть идет на игуменство», имя называя. Преподобный же епископ многим говорил, и благодатью Божией прозря духовными очами, что прославит Бога место это и молитва перед пречистой Богородицей, и многие будут в нем спасаться, о Христовой благодати, о Боге пребывая, и в него придут христолюбивые люди через многое время. Бог об этом промыслил, ибо жалели о преподобном Авраамии, так как далеко жил от города, приходившие также.

Блаженный епископ, помянув Божию волю, тогда призвал одного из своего честного клира, первого из старейших протопопов, именем Георгий. Говорил с ним о блаженном Авраамии, упомянув, что далеко он от города, печаль ему большая, пусть призовет скоро. Блаженный пришел по повелению епископа и, войдя, сотворил поклоны, говоря: «Благослови, владыко святой, раба твоего». Позвал блаженного Авраамия епископ, утешая, говорил: «Как, отче, о Господе пребываешь?» Он же сказал: «Ей, владыко, истинно молитвами твоими хорошо». И сказал ему епископ: «Хочу дать благословение, если примешь». Ответил блаженный говоря: «Честно есть». Благословил же его и говорил ему епископ: «Благословение сие даю тебе и поручаю пречестному Богу. Пойди, восхваляя Бога и славя, и помолись обо всех». Блаженный же радовался и хвалил Бога, так дарившего благодать рабу Своему, молитвами Святой Богородицы. И когда входил он в ворота монастыря, словно свет воссиял ему в

сердце от Бога и с радостью просветил душу его и помысел, так что всем поведал, что во сне видел лестницу, достигавшую небес, и сказал, что есть Бог на сем месте. <...>

Как царь по многих победах и трудах в больший сан и честь возводит своего воина, так уже и этому Господь Бог сам дал рабу Своему утешение, так как трудился, всех сердца обращая своею благостью, дальних и ближних, и просвещая все души. И оттоле начал пребывать в первом подвиге, и все приходили с радостью великою, ибо великая благодать Божия на городе всех просветила и веселила, тишину же морскую и мир всем благим на многие лета подавала, и еще не оскудеет молитвами Святой Богородицы и преподобного Авраамия и всех святых Его. И оттоле прославил Господь более. Ибо зло блаженного оскорбившие обращаться начали и падать в ноги, прося прощения у того, кто всеми ненавидим был. Все, кто прежде боялись прийти, уже не боялись, но радуясь приходили. Не только одни горожане приходили, но и с женами и детьми, иные из князей и вельмож, рабы и свободные же приходили, все свои грехи исповедуя ему, и так же уходили в дома свои радуясь.

Принял блаженный дом Святой Богородицы, и украсил его, как невесту прекрасную, как и прежде и более говорили, иконами, и завесами, и свечами, что и ныне видно. И все приходили в дом его, милости и заступничеству во хвалу Бога и ученика Его. Многие же хотели быть черноризцами, но не сразу постригал, зная труд искушения великого от общего

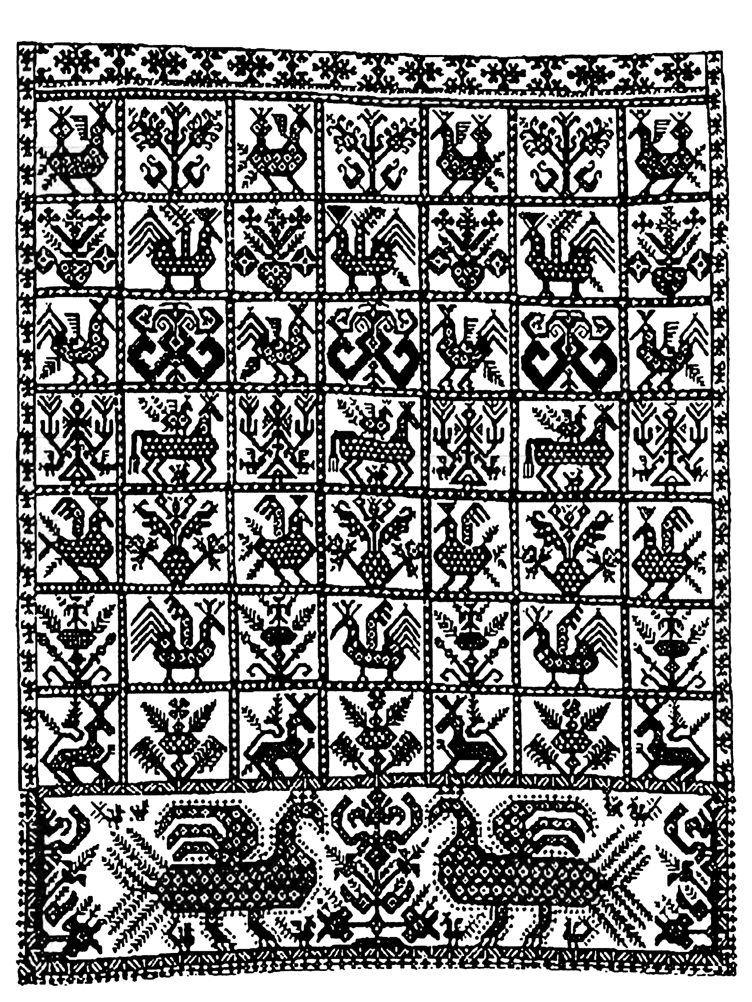
всем врага. И было братии числом 17. Так блаженный искал от Христа благости, ибо все ему Господь откровение дал разуметь. Жития хотящим и к нему приходящим так отвечал: говоря к послушливым и смиренным, велел им часто приходить к себе, сколько же было от златолюбия и злобы, тех удалял. Так от своих напастей многие черноризцы принимали искушения. Того ради не скоро принимал, искушал же так. Зная по книгам, слышал о некоем игумене, только до 12 монахов имевшем, из них два в искусе. А когда кто хотел у него постричься, то замечал, к которому прежде брату войдет. Если пойдет к подвижному брату, то стоя славил Бога, руки воздев, и о нем молился Богу. Если же не к такому, то печален был, зная, как нудно ленящимся на сей подвиг черноризцам. <...>

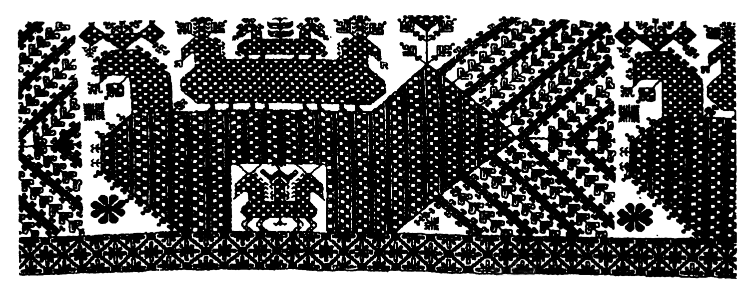
Великую же любовь потом стяжали. Блаженный епископ радовался, что такого даровал ему Бог святого и блаженного мужа. Авраамий же радовался, что такого даровал ему Бог святого блаженного епископа. Авраамий же снова радовался, что ту в дар благодать принял от него. Мало же в такой любви прожил епископ и преставился к Богу, по правде сказать, воистину святой, преподобный и к Богу так подвизался, от юности трудясь и до самой седины великого священства. И так преставился к Богу святитель великий Игнатий города Смоленска. О преставлении его многие говорят, что великий свет снизошел с небес, так что страх напал на всех, и так взошел, радуясь, на небеса, свершив течение доброе о Господе

Боге. И все попросили милости от Бога, да помилует нас по милости своей, так как дал святителя такого городу сему.

Оттоле более начал подвизаться блаженный Авраамий, и о таком разлучении преподобного в смирении многом и плаче от сердца со вздыханием и со стенанием поминал в себе часто, о разлучении души с телом. Авраамий часто в себе вспоминал, как извлекут душу пришедшие ангелы <...>. Пребывал же блаженный в таком подвизании все дни и лета жизни своей, обо всех бдя, и молясь со вздыханием, многих же научив и наказав пребывать в добром труде, в бдении же, и в молитве, и в терпении, и смирении, в милостыне и в любви. И так утвердил всех со слезами многими этого не забыть никогда. И говорил: «И меня, смиренного, не забывайте в молитвах ваших, молясь Владыке и Богу, и Пречистой Его Матери со всеми святыми Его». И потом болезнь на блаженного нашла, и так преставился, предав блаженную душу Господу, которого желал, и получил Царство Небесное. И пребыл блаженный Авраамий подвизаясь лет 50 от юности до конца жизни свое.о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава и держава с Отцом и Святым Духом, и ныне, и присно, и вовсе бесконечные века. Аминь.

(Православный собеседник. 1858. Сентябрь. С. 136—148. Ноябрь. С. 369—390).

Славянские космогонические апокрифы

В классической древности всякий гражданин волен был писать о богах все, что считал нужным, даже излагать мифы, противоречащие другим мифам или представляющие богов, мягко говоря, далекими от совершенства. Христианская же Церковь, склонная определять каждую букву («иоту») в своем учении, жестко разделила религиозные книги на боговдохновенные (канонические), душеполезные и отреченные (апокрифические). Первые нельзя было ни оспаривать, ни изменять их текст. Со вторыми можно было, в принципе, где-то не соглашаться, хотя мало кто решался посягать на авторитет отцов Церкви. За чтение же, хранение, переписывание, тем более за сочинение книг «отреченных и ложных» грозило как минимум отлучение от Церкви, в худшем же случае пытки и костер. Индексы запрещенных книг появились на Руси вме-

сте с христианством. (Примечательно, что даже многие ветхозаветные книги, созданные или дошедшие до нас на греческом языке, католики считают каноническими, православные — душеполезными, а протестанты — апокрифами.) Тем не менее апокрифы вызывали постоянный интерес болгарских, сербских, древнерусских интеллектуалов.

Сочинялись апокрифы чаще всего в Византии, переводились в Болгарии и Сербии и оттуда шли на Русь. Однако среди авторов или редакторов отреченных книг были и славяне. В частности, последователи ереси богомилов, основанной в X в. в Болгарии попом Богумилом. Его сын получил известность как «поп Иеремия» и считался автором нескольких апокрифов. Очень часто апокрифы писались от имени библейских персонажей или отцов Церкви. Литературный подлог был известен еще в античные времена и тогда не осуждался. Наоборот, считалось, что автор, приписавший свое сочинение, например, Гиппократу или Зороастру (Заратуштре), благородно жертвовал личной славой. Грань между книгами «истинными» и «ложными» зачастую была условной. Даже многие из канонических книг — по сути, те же апокрифы-подлоги, только признанные Церковью. Так под именем пророка Исайи (VIII в. до н.э.) писали три автора — он сам и два его продолжателя VI—V вв. до н.э. К святоотческим причислялся свод сочинений, написанных в V в. от имени философа Дионисия Ареопагита, современника апостолов. Апокрифиче-

ский материал нередко использовался в одобряемых Церковью Палеях — пересказах Библии.

Показательна история весьма популярной в средние века «Беседы трех святителей», приписывавшейся Василию Великому (329—379), Иоанну Златоусту (347—407) и Григорию Богослову (330—390). Эти отцы Церкви, хотя и были современниками, ничего подобного ни вместе, ни порознь не писали. Однако «Беседа», созданная около X в. на греческом языке и вскоре переведенная на славянский, считалась душеполезной. Не позднее XIII в. появилась славянская редакция, столь обильная апокрифическими мотивами, что Церковь стала осуждать «Беседу» и приписывать ее попу Иеремии. Третья же редакция действительно содержала мотивы откровенно еретические, богомильские.

Богомильство возникло под влиянием переселенных в Болгарию армянских павликиан. Их ересь, в свою очередь, была плодом «перекодировки» на христианский лад манихейства — своеобразной мировой религии, созданной в III в. месопотамским пророком Мани. «Тайная книга» богомилов дошла до наших дней в латинском переводе, сделанном их западноевропейскими преемниками — альбигойцами (катарами). Общим для всех этих учений было отрицание несправедливого и порочного земного мира как созданного сатаной и демонами-архонтами. Творением истинного Бога, правящего в наднебесном царстве Света, считалась лишь человеческая душа,

каковую надлежало освободить и очистить для возвращения в Свет праведной аскетической жизнью.

Вопросам космогонии были посвящены славянские апокрифы: уже упомянутые «Тайная книга» и «Беседа трех святителей», а также «Слово о зачатии неба и земли» («Сказание трудолюбивых мужей», «Свиток Божественных книг», «О море Тивериадском»), «Вопрос, от скольких частей создан Адам», «Прение Панагиота с Азимитом», «Беседа Иерусалимская» («Повесть града Иерусалима»), «Повесть о Крестном Древе». «Слово о зачатии», которое В. Мочульский называет «отреченной Книгой Бытия», сложилось, по его мнению, одновременно со второй редакцией «Беседы» как ее составная часть. Отразилась в «Слове о зачатии» и «Повесть о крестном древе», автором которой считался все тот же поп Иеремия. Та же редакция была использована в «Прении» — антикатолическом памфлете второй половины XIII в. «Вопрос» возник позднее на основе «Беседы». Она же, по мнению Мочульского, послужила истоком «Стиха о Голубиной книге». Наконец, «Беседа Иерусалимская» — это поздний письменный пересказ стиха. Другие исследователи усматривали основу стиха в «Вопросах Иоанна Богослова на горе Фаворской», хотя это апокалиптическое сочинение не имеет с «Голубиной книгой» ровным счетом ничего общего, кроме мотива огромной священной книги. Только скрывает в себе эта книга, как и весь апокриф, тайну не творения мира, а его гибели. «Слово о зачатии» и третья редакция «Беседы», а также много-

численные славянские устные легенды повествуют о том, как Бог и сатана вместе творили мир. Этот миф, по мнению исследовавшего его в начале XX в. К. Ф. Радченко, восходит к учению богомилов и их «Тайной книге».

Словом, в представлении «школы заимствований», история славянской народной космологии выглядит так. Недавно крещенные болгары позаимствовали армянскую ересь и насочиняли «отреченных» книг. А «невежественные» калики да безграмотные мужики по простоте душевной поверили коварным еретикам и претворили их измышления в стихи и легенды. Родных языческих богов и мифы о них православный народ, конечно же, забыл на другой день после крещения, да вот Библии толком не усвоил. Странное выходит «невежество» и «православие»: знать апокрифы лучше самой Библии. Или верить им больше, чем ей. Это притом, что на Руси не только не было богомильских общин, но и об отдельных приверженцах или проповедниках богомильства в Восточной Европе источники молчат. Даже Авраамия Смоленского его ненавистники не обвиняли в богомильстве.

Славяне в этой концепции предстают глуповатыми подражателями византийских греков и армян. В действительности, однако, влияние могло быть и обратным. Ведь богомильство уже в XI в. распространилось из Болгарии в Константинополь и Малую Азию. Позднее же итальянцы и французы отнюдь не стыдились учиться «ереси» от «диких» болгар. И языческие представления у славян, как мы видим, в те времена

сохранялись, гораздо лучше, чем это представлялось ученым конца XIX — начала XX в. Так что славянским вкладом в развитие апокрифов могли оказаться как раз собственные языческие мифы, разумеется христианизированные. Ведь для язычника или двоеверца нет ничего плохого в том, чтобы дополнять чужой миф своим или наоборот. Составлять и хранить неизменные канонические писания — свойство жрецов и церковников. А книжники-вольнодумцы, в среде которых и обращались апокрифы, относились к их текстам свободно и творчески.

Что же говорили о начале и устройстве мира славянские отреченные писания? Начнем с самого еретического из них — «Тайной книги» богомилов. Сохранилась она в латинском переводе, в двух рукописях. Одна была найдена в Каркасоне, в архивах инквизиции, другая — в Вене. И в ней мы сталкиваемся с мифом, весьма отличным как от библейско-христианского, так и от классического манихейского. (Заметим, что павликиане, богомилы, альбигойцы формально считали себя не манихеями, а христианами, причем «истинными», и ссылались обычно на Библию, трактуемую аллегорически, а не на манихейские книги, за одно хранение которых грозил костер.)

Библия знает одного Творца мира — Бога, и предполагать соучастие сатаны в творении мира либо его родство с Богом для христианина — величайшее кощунство. В учении же Мани царства Света (духа) и Тьмы (материи) существуют изначально совершенно независимо друг от друга. Первым

правит Отец Величия (Зерван)[22], вторым — Материя (мрачная и злая богиня наподобие Гекаты или Бабы-Яги). Земной мир — не творение Отца Величия, а результат вторжения в царство Света Материи, порожденных ею злых демонов-архонтов и их царя (Ахримана). Боги, порожденные Отцом Величия, лишь упорядочили этот мир, дабы постепенно вызволить из него плененные материей частицы Света, в первую очередь человеческие души. Ни о каком родстве этих богов с архонтами речи не идет.

В «Тайной книге» сатана — главный ангел, первый после Бога. За организацию заговора против Бога сатана с его сообщниками был низвергнут с неба, после чего создал земной мир, включая тела людей. Богом созданы только их души. сатана здесь фактически совмещает роли библейского Яхве и эдемского змия, но при этом действует с согласия Бога. По свидетельству же византийского епископа Евфимия Зигабена (XII в.), богомилы считали Сатанаила (Самаила)... старшим сыном Бога и братом Христа (отождествляемого, в свою очередь, с архангелом Михаилом). Победив старшего брата, младший отнял у него ангельское достоинство.

Как уже сказано, библейский сатана — это иранский Ахриман, заимствованный довольно поздно. Он появляется лишь в Книгах Захарии (1: 2) и Паралипоменон (I; 21: 1), созданных в ахеменидскую эпоху (конец VI—IV вв. до н. э.). Мятеж Люцифера (сатаны) и его изгнание с неба описаны Вторoисайей (V в. до н.э.): «Как упал ты с неба, Денница[23], сын

зари! Разбился о землю попиравший народы. А говорил в сердце своем: "Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, стану подобен Всевышнему"» (Ис 14: 12—15). Истоки этого мифа нетрудно найти в зороастрийских священных книгах (включая тот же Бундахишн), где говорится и о неудачном вторжении Ахримана с его дэвами на небо, и об их царстве в северных горах. Но и там, как и у Мани, Ормазд и Ахриман существуют изначально и вовсе не родственны и не подчинены друг другу. Существовало, однако, особое учение зерванитов, почитавшееся мобедами за ересь. Согласно ему, Ормазд и Ахриман — братья, сыновья бога времени Зервана, причем первым родился именно владыка Тьмы. Учение это сохранилось лишь в пересказах греческих и армянских авторов. Но с ним был, видимо, знаком еще сам Заратуштра. В его стихах-гатах Святой Дух (Спента-Майнью) и Злой Дух (Ангра Майнью) — близнецы, дети Ахурамазды. Мобеды, однако, приписали эти слова своего пророка некоему дэву-лжецу. Зерван и два его сына с их воинствами изображены на золотой пластине VIII в. до н.э. из Луристана. Там, в глухих горах на юго-западе Ирана, жило воинственное племя касситов, сохранившее многие арийские верования.

Были ли богомилы знакомы с тайными писаниями зерванитов, не сохранившимися даже в Иране? Не исключено. Но более вероятно, что на них повлиял славянский языческий

миф о борьбе близнецов-демиургов — Белбога и Чернобога. В этом убеждает апокриф «Слово о зачатии неба и земли». Здесь Бог творит мир совместно со своим сыном Христом. При этом Бог создает ветер из своего дыхания, мороз — из лица, гром — из голоса, молнию — из слова, солнце — из ризы (полотенца для лица), луну — из лица. Нетрудно узнать здесь космогонию «Голубиной книги» с ее языческими индоевропейскими корнями. После этого Бог вдруг обнаруживает посреди изначального «Тивериадского» моря сатану в облике гоголя. Тот нагло объявляет себя богом, а Бога признает «богом богов» (т. е. старшим над собой). И Бог не только фактически соглашается с ним, но и производит позднее в архангелы. По приказу Бога сатана ныряет в море и приносит камни и песок. Из них Бог создает землю и утверждает ее на 33 китах (снова мотив «Голубиной книги»). Из двух половинок одного камня Бог создает ангелов, а сатана — бесов («плотных [плотских] богов»).

Бог создает тело Адама и отправляется за душой для него на небо к своему отцу. (До сих пор благой Демиург, именуемый Господом, фактически сливался с Богом Отцом. Лишь в этом эпизоде Творец отождествлен с Христом). Тем временем сатана портит тело первочеловека, делая его способным болеть. Это, однако, сходит злому демиургу с рук. Лишь когда он, став архангелом, задумал воздвигнуть себе престол над звездами, Бог послал против него Михаила, и тот с большим трудом низверг сатану и бесов с неба на зем-

лю. Низвергнутый, однако же, объявил себя владыкой земли, и Владыка Небесный снова с ним фактически согласился. Проникнув в рай в виде червя-змея, сатана соблазнил Адама и Еву. Изгнанный на землю первочеловек безропотно подписал обязательство: души Адама и всех его потомков по смерти принадлежат сатане как хозяину земли и попадают в ад. Договор этот исполнялся многие века, пока посланный Богом Иисус не вывел души Адама и остальных людей из ада.

Весь этот миф хорошо известен по фольклорным легендам, записанным у многих славянских народов. Подробнее о них будет сказано ниже. Здесь же отметим, что устные версии зачастую подробнее и логичнее письменной. Что особенно важно, в легендах Бог и сатана оказываются братьями-побратимами, соответственно старшим и младшим. Это, а также мотив «ныряющего демиурга» сразу вводит данное сказание в круг мифов, распространенных по всей Северной и Центральной Азии и Северной Америке. В них мир творят совместно два бога, добрый и злой, причем второй по приказу первого ныряет в море. «Школа заимствований» и это поначалу пыталась объяснить тем, что сибирские инородцы заимствовали миф у русских поселенцев. Но к индейским племенам, жившим вдали от русской Аляски, это явно не подходило. Мифы же о братьях-демиургах вообще распространены по всему миру. Таким образом, не темные мужики пересказали книжные апокрифы, а книжники пересказали и «перекодировали» на христианский лад языческий славянский миф. Это

относится и к «Слову о зачатии», и к «Тайной книге». И не столь важно, кто из этих книжников-двоеверцев считал себя православным, а кто — богомилом.

Языческий миф проступает и в сказании о войне Бога и Михаила (Христа) с сатаной. Архангел, поражающий бесов жезлом и низвергающий их с неба, очень напоминает славянского Перуна, бьющего громовой палицей чертей. А также его индоевропейских сородичей — Индру, Тора, Зевса, Геракла и т. д. В народе Михаила и считали громовержцем, наряду с Ильей. Сама же война за небо заставляет вспомнить не только вышеупомянутый иранский миф, но и сказания эллинов о титанах, штурмовавших Олимп, но пораженных молниями Зевса. Равно как и мифы о борьбе богов и асуров, асов и великанов-ётунов. Примечательна одна деталь в фольклорных легендах: бесы, сброшенные с неба, обратились в земную нечисть. Упавший в лес стал лешим, в воду — водяным, в болото — болотным чертом и т. п.

Еще один явно языческий мотив — осквернение злым демиургом только что созданных перволюдей. Его нет ни в Библии, ни в зороастрийских или манихейских священных книгах. Зато он распространен в устных преданиях — не только славян, но и народов Сибири. Снова книжники лишь христианизировали языческий миф.

Со «Словом о зачатии неба и земли» тесно связана «Беседа трех святителей» в ее славянских редакциях. Мы приводим здесь оба апокрифа по одному и тому же списку XVIII в., где

они следуют друг за другом. «Слово» составляет как бы первую часть «Беседы» и приписывается тем же лицам (только Иоанн Златоуст заменен Иоанном Дамаскином — богословом и поэтом VII в.). Сама «Беседа», собственно, — диалог: говорят лишь два безымянных лица. Так что имена троих отцов Церкви в ее начале — не более, чем «вывеска». Вопросы и ответы хитры, остроумны, порой фривольны. То Давид именуется «певцом-блудником», то умерший Авель уподобляется парню, домогающемуся девушки. (Это не пошлое кощунство, а мифологема: могила — лоно матери-земли, первый умерший — ее возлюбленный.) Словом, перед нами скорее не христианский катехизис, а языческое состязание в мудрости-хитрости. В ходе его разрешаются и космогонические вопросы. И именно в них «Беседа» сближается с «Голубиной книгой». Только вот общих мотивов у них немного. Создание солнца и луны из риз Божиих, а Адама — из разных стихий, земля на китах, заяц-Правда, унесенный на небо... Таинственная книга, устная или письменная, видимо, повлияла на апокриф, а не выросла из него. Хотя «Беседу» иногда называли «Глубиной».

Заметим, что в «Беседе» сатана (Сатанаил) — не родич Бога, но и не созданный им ангел. Владыка зла здесь зарождается сам в девятом валу бурного изначального моря. Это вполне соответствует «Слову о зачатии», где Бог небесный неожиданно для себя встречает в море гоголя-сатану, но, по сути, легко признает его права бога земного.

Киты-атланты в «Беседе» питаются одним райским благоуханием. Это в точности напоминает Бундахишн, где десять гигантских рыб Кар охраняют Древо Жизни, питаясь только духовной пищей.

Миф о создании первочеловека Адама из стихий отражен и в «Стихе о Голубиной книге», и в апокрифах: в «Слове о зачатии», «Беседе», «Вопросе». Расхождения между ними невелики.

Тело Адама — от земли;
кости — от камней;
кровь — от моря (росы и солнца);
дыхание — от ветра;
глаза — от солнца (моря);
мысли — от облаков («ангельской скорости»);
разум — от облаков (Христа);
тепло — от духа:
душа — от глаз;
благодать — от Св. Духа.

Напомним, что в стихе светила создаются из глаз Бога, ветер — из его дыхания. Как уже говорилось, в основе здесь — все тот же миф о космическом первочеловеке-гиганте, только «перевернутый»: не мир создается из тела первочеловека, а оно само — из составных частей мира. Точнее, сначала создается мир из тела первобога или великана, а затем — первочеловек, подобный этому космическому гиганту. Человек, таким образом, — микрокосм, часть и подобие макрокосмо-

са, а не просто игрушка всемогущего Творца, не глиняная кукла. О создании человека из четырех стихий (земли, воды, воздуха и огня) писали богослов Лактанций (IV в.), Севериан, епископ Гевальский (V в.), энциклопедист VII в. Исидор Севильский, Иоанн Дамаскин, Гонорий Отенский (X в.). Об этом же говорилось в Палее и «Изборнике» Святослава 1073 г. Славянские книжники и калики, однако же, не просто повторили писанное книжниками греческими и латинскими, а дополнили его в соответствии с собственным мифом.

Некоторые списки «Беседы» содержат уникальные сведения о славянских богах — Перуне и Хорсе. Хитроумный книжник-двоеверец даже им нашел место в христианизированной картине мира — в качестве «ангелов» грома и молнии. При этом первого назвал «эллинским старцем», а второго — «жидовином». Перун действительно представлялся стариком, «эллинское» же в Древней Руси было синонимом языческого. «Хорс» — второе имя Даждьбога-Солнца. Он, очевидно, был также и громовником: на летописной миниатюре солнце показано извергающим молнии, а на древнерусских топориках-амулетах сочетаются символы солнца и молнии. «Жидовином» Хорс назван, возможно, из-за своих восточных корней: имя его — иранское (сарматское). Возможно также, что русский книжник попросту спутал Хорса с ветхозаветным Нахором, братом Авраама (в другом списке вместо «Хорс» стоит «Нахор»).

В «Беседе» Бог создает Адама весной, в марте, и вся природа приветствует первочеловека. В Древней Руси Но-

вый год начинали с новолуния, близкого к весеннему равноденствию, обычно в марте. С мартовским Новым годом конкурировал принесенный из Византии сентябрьский. Но в иранском мире Новый год (Науруз) отмечался и отмечается именно весной, около весеннего равноденствия. В частности, весной справлялся скифский праздник, описанный Геродотом. Отмечали его, напомним, и праславяне (скифы-пахари). Начало года в мифологическом мышлении отождествлялось с началом мира.

В «Прении» космогонический диалог ведут православный философ Панагиот («всеосвященный») с кардиналом Азимитом. («Азимитами» ругали в Византии католиков.) Убедившись в глубоких знаниях Панагиота, католик признает превосходство православной веры. Нетрудно, однако, узнать за этими персонажами древних Велеса и Волота, хотя содержание их беседы связано с «Голубиной книгой», пожалуй, лишь общей темой происхождения и устройства мира.

Мир, по Панагиоту, многослоен. Порядок же космических слоев-ярусов таков: свет незаходящий — божество на престоле — огонь — тьма — вода — небо — эфир (воздух) — земля — вода — тьма — огонь — бездна (тартар). Заметим, что здесь, как и в «Голубиной книге», земля плавает на водах. Не упоминаются лишь киты-атланты. Зато в «Слове о зачатии» и «Беседе» землю на себе несут 33 кита. Однако в «Слове» присутствует и другая многоярусная схема: хрустальное небо — железные столбы — земля — камень — железные столбы —

ад — воздух (тартар). Согласовать эти схемы, впрочем, нетрудно, если вспомнить изложенный в этих же апокрифах миф о ныряющем демиурге. Дно изначального («Тивериадского») моря, на которое нырял сатана за материалом для земли — это и есть «камень» с заключенным в нем «адом» («тьмой» и «огнем»), а ниже — только бездна-«тартар».

В одном из списков «Вопроса» есть еще одна схема: земля — вода — камень — золотые киты — огненная река — огонь — железный дуб — сила Божия. Схема эта явно заимствована из западных средневековых источников («Диалог Адриана и Эпиктета»). Там она выглядит так: земля — вода — камень — 4 животных — огонь — бездна — изначальное древо — Христос. Славянский книжник, однако, не переписывал бездумно чужую схему, а дополнял ее собственно славянскими представлениями. Четырех животных (в Библии несущих на себе престол Бога) он заменил китами, плавающими в огненной реке («продублировав», таким образом, подземное море). А изначальное древо — железным дубом (у славян Мировым Деревом считается именно дуб).

Истоки всей этой космологии — в древнейших индоевропейских мифах, прослеженных Б. А. Рыбаковым в росписях сосудов трипольской культуры. Согласно этим мифам, выше земли и воздуха находится небесная твердь, над ней запасы воды, а еще выше обитают боги. К сказанному исследователем добавим, что у древних индоевропейцев было понятие и о подземном мире (ведическая Нарака, греческий Аид, германский Хель, славянское пекло-преисподняя).

Можно предположить, что в языческой «Голубиной книге» был раздел, посвященный вертикальному устройству мира. Оно представлялось примерно так: обитель богов (свет) — небесные воды — твердь (хрустальное небо) — воздух — земля — море с китами — подземное царство (пекло, ад) — воздушная бездна. В стихе этот раздел не отразился, но сохранился в апокрифах, авторы которых использовали также книжные материалы.

В «Прении» отражен также еще один индоевропейский миф — о Мировой Горе. Здесь она находится за морем, и на ней располагается земной рай. Посреди него — Древо Жизни, покрытое листьями и плодами от всех деревьев. Из его корней текут источники меда молока. (Это напоминает, в частности, описанное в Бундахишне Древо всех семян, растущее на острове среди океана). Оно же и Мировое Древо: золотое, огненное (т. е. солнечное), растет до самого неба. А подземный железный дуб, описанный в «Вопросе», — это, очевидно, нижняя, «преисподняя» часть того же дерева.

Гром и молния объясняются в «Прении», со ссылкой на античную науку («художество философское») как столкновения облаков. В «Вопросе» же ангелы бьют молниями бесов, что соответствует мифу о борьбе Перуна (позднее Ильи-громовника) с чертями. Солнце описано «Прением» как человек в сияющем венце. Днем он идет по небу, а ночью плывет по морю (очевидно, подземному). Утром его кропят морской водой грифоны, фениксы и драконы («хеландрии»). На древнерусских хоросах (церковных люстрах, символизирующих

солнце) изображались грифоны и драконы. Как символы солнца эти существа были известны еще скифам. Наконец, год представлен в «Прении» котлом, который куют 12 кузнецов-месяцев. Это напоминает восточнославянские легенды о святом кузнеце Козьме-Демьяне (языческом Свароге) и его 12 помощниках.

Апокриф «Беседа Иерусалимская» охарактеризован выше. Это — всего лишь прозаический пересказ «Стиха о Голубиной книге». В нем, однако, есть оригинальные мифологические детали. Описывается чудесное дерево с золотыми и серебряными ветвями и серебряными корнями, на котором сидит кречет с золотым колокольчиком (будущий царь Соломон и его невеста, дочь Волота). В Александропольском кургане III в. до н.э., последнем из скифских царских курганов, найдено навершие в виде трезубца, на котором восседают три хищные птицы с колокольчиками в клювах. Скифские навершия (части погребальных колесниц) символизировали Мировое Дерево, а его три ветви — три мира. Отсюда, в частности, сарматские и древнерусские тамги-трезубцы, от которых происходит нынешний герб Украины (ставший таковым с подачи М. С. Грушевского, отождествлявшего Киевскую Русь с Украиной). Интересен также миф о Единороге (Индрике), победившем змея, который во время засухи преграждал доступ к воде. Это в точности соответствует ведическому мифу об Индре и драконе Вритре.

Космогоническая тема Мирового Дерева отражена и в «Повести о Крестном древе». Автором ее считается глава

богомилов поп Иеремия. Вариант этой повести входит в апокриф «О море Тивериадском». Согласно повести, Древо Жизни в Эдеме состояло из трех частей, посвященных Адаму, Еве и Богу. Посадил же его сатана. После грехопадения первых людей их части дерева упали в Тигр и Евфрат. Перед смертью Адама его сын Сиф с дозволения Бога взял ветвь с оставшегося в раю дерева, а с помощью сатаны нашел обе отпавшие части. Из всех трех частей он сплел венец, в котором Адам умер и был погребен. Место погребения — Голгофа — превратилось в разбойничий вертеп. Из венца проросло дерево, опять-таки троечастное. Из него впоследствии были сделаны три креста — для Христа и распятых вместе с ним разбойников, злого и доброго. Согласно иной версии, из Адамовой части вырастил чудесное древо грешник Лот, а из Евиной — Моисей. Божию часть украл из рая с помощью подвластных ему демонов царь-маг Соломон. Собрав все три части, он использовал их для постройки Иерусалимского храма. История животворящего креста, таким образом, приобретает весьма неприглядный вид. Это не удивительно, поскольку богомилы почитание креста отвергали. Тем не менее Крестное древо и здесь является подобием Мирового Дерева — Древа Жизни. Именно поэтому оно (как на александропольском навершии) трехчастно. Эта трехчастность, очевидно, символизирует три мира, соединяемые Мировым Деревом. Адам же предстает в апокрифе великаном, в черепе которого прячется охотник. За библейским персонажем встает индоевропейский космический первочеловек-гигант.

Так излагали историю возникновения мира и его устройство славянские апокрифы. Как видим, апокрифическая «Книга Бытия» вовсе не сводится к пересказу соответствующей библейской книги, притом искаженному по незнанию. Ведь создавали апокрифы не невежды, а самые образованные и свободомыслящие люди своего времени. Не страшась церковных кар, они дополняли библейские сказания, в том числе и элементами славянских языческих мифов.

Мы приводим здесь апокрифические тексты (а также текст Зигабена, излагающий учение богомилов) в несколько сокращенном виде, опуская то, что не относится непосредственно к космогонии и космологии.

Тайная книга
(Вопросы Иоанна на Тайной Трапезе Царя Небесного)

1. Я, Иоанн, брат ваш, имеющий долю в несчастье и доли в Царствии Небесном чающий, сказал, когда возлежал я на груди Господа нашего Иисуса Христа: «Господи, кто предаст тебя?»

И отвечая, сказал Он: «Тот, кто вместе со Мною омочил руку в чаше. Тогда вошел в него сатана и потребовал, чтобы он предал Меня»

2. И сказал я: «Господи, прежде, чем пал сатана, в какой славе пребывал он у Отца Твоего?»

И сказал Он мне: «В такой славе был, что управлял силами небесными; я же сидел возле Отца Моего. Он [сатана] управлял всеми, следовавшими за Отцом, и нисходил с небес в преисподнюю, и восходил от низших до самого престола невидимого Отца. Он оберегал славу, что приводит в движение небеса, и замыслил поставить трон свой над облаками небесными, и пожелал уподобиться Вышнему.

И когда низошел он в воздух, сказал ангелу воздуха: «Открой мне врата воздушные»,— тот открыл ему врата воздушные. Стремясь вниз, он увидел ангела, который держал воды, и сказал ему: «Открой мне врата водные»,— и открыл ему. И, проходя сквозь пределы, увидел весь облик земли, покрытой водами. Проходя под землю, увидел он двух рыб, лежащих под водами; как быки, впряженные в плуг, они держали всю землю, повелением невидимого Отца, от захода до самого восхода солнца. А когда спустился еще ниже, увидел преисподнюю, которая есть род огня, и дальше не смог нисходить из-за пламени огня пылающего.

И возвратился сатана назад, исполнился злобы, подступил к ангелу воздуха и к тому, который был над водами, и сказал им: «Все это мое; если послушаете меня, поставлю трон свой над облаками и уподоблюсь вышнему; удаляя воды с высоты этой тверди, заполню прочие места морями, и потом не будет воды на лице земли [*ВР*: Помещу воды над этой твердью, а другие воды соберу в широкие моря], и воцарюсь вместе с вами на веки веков».

И, сказав это ангелам, взошел к другим ангелам, до пятого неба, и так говорил каждому из них: «Сколько ты должен Господу своему?» Тот сказал ему: «Сто мер пшеницы». И сказал ему сатана: «Возьми перо и чернила и напиши шестьдесят.» И другому сказал: «А ты сколько должен Господу своему?» Тот ответил: «Сто кувшинов елея». И сказал сатана: «Сядь и напиши пятьдесят». И восходя на все небеса, вплоть до пятого [*В.*: четвертого] неба, так говорил, прельщая ангелов невидимого Отца.

3. И раздался голос от престола Отца: «Что делаешь, отрицатель Отца, отвращающий ангелов? Делатель греха, быстро делай то, что задумал». Тогда повелел Отец ангелам своим: «Совлеките с них одежды». И совлекли одежды их и короны их, — всех ангелов, которые его [сатану] слушали.

И спросил я Господа: «Когда пал сатана, в каком месте он стал обитать?»

И ответил Он мне: «Отец Мой преобразил его за гордыню его, и отнят был от него свет, и стал облик его, как железо раскаленное, и как у человека стал весь облик его; и увлек он хвостом своим [*ВР*: и имел семь хвостов, которыми увлек (Семь хвостов означают семь грехов или пороков, которыми он соблазнял людей: ложи, прелюбодеяние, грабеж, кража, богохульство, зависть, раздор).— *Д. Д.*] третью часть ангелов Божиих, и был изгнан от трона Божия и от устроения небесного». И низойдя в эту твердь, не мог сатана создать никакого покоя ни себе, ни тем, кто был с ним. И он попросил

Отца: «Имей ко мне снисхождение, и все верну Тебе». И сжалился над ним Отец, и дал покой ему и тем, кто с ним был, насколько он пожелает, вплоть до семи дней.

4[24]. Тогда воссел сатана на тверди и повелел ангелу, который был над воздухом и тому, который был над водами, и подняли они вверх, в воздух, две части вод, а из третьей части создали пятьдесят морей, и свершилось разделение вод по предначертанию невидимого Отца. И вновь повелел сатана ангелу, который был над водами: «Встань на двух рыб»,— и встал он, и поднял головой своей третью, и она явилась сухой.

Когда принял сатана корону от ангела, который был над воздухом, из половины ее создал трон свой, а из половины — свет солнца. Приняв же корону от ангела, который был над водами, из половины создал свет луны, а из половины — свет дня. Из камней создал он огонь, а из огня — все воинство и звезды [*КР*: все звездные воинства]. Из них создал он ангелов ветра, служителей своих, по образу Вышнего устроителя, и создал громы, дожди, град и снег, и послал на них ангелов — служителей своих. Земле же повелел, чтобы она произвела все живое: животных, деревья и травы. А морю повелел, чтобы произвело оно рыб и птиц небесных (Пернатые и рыбы души не имеют, как и звери, не имеют души человеческой, но пернатые и рыбы от вод и воздуха, а звери от земли и воздуха получают все, что имеют.— *Д. Д.*)

5. Затем придумал сатана и сотворил человека по своему подобию, и повелел ангелу третьего [*В*: второго] неба войти

в глиняное тело. И взял от него часть, и сделал другое тело, в образе женщины, и повелел ангелу второго [*ВР*: первого] неба войти в тело женщины. Ангелы же горько возрыдали, увидев в себе смертный образ и будучи не сходного с ним образа. И повелел сатана сотворить плотское дело в глиняных телах, и не поняли они, как сотворить грех. Тогда возбудитель зла умом своим задумал сотворить рай, ввести туда людей и запретить им выходить из него.

И посадил диавол тростник в середине рая, и так скрыл свою выдумку негодный диавол, чтобы они не поняли его обман [*ВР*: диавол вошел в рай и посадил тростник посреди него, и из плевка своего создал змея, и велел ему оставаться скрытым в тростнике]. И входил он, и так говорил с ними: «Вкушайте от всякого плода, который есть в раю, от плода же познания добра и зла не вкушайте». диавол же вошел в змея негодного и обманул ангела, который был в образе женщины, и преисполнился брат его [Адам] желания греха и исполнил желание свое с Евой в прославление змея [*ВР*: И тогда диавол, после того, как вышел из тростника в виде змея, удовлетворил свою похоть с Евой через хвост змея. (Змей был не как змей, но как человек, поскольку превратился в красивого юношу и по велению диавола вошел в рай... и соблазнил женщину, и сошелся с ней через хвост, потому что диавол когда спал, выползал из своей кожи, и из нее был создан тот змей)]. Поэтому называют сыновьями диавола и сыновьями змея тех, кто совершает желание диавола, отца

своего, вплоть до окончания этого века. И вновь диавол излил в ангела, который был в Адаме, яд свой и желание, порождающее сыновей змея и сыновей диавола, вплоть до окончания этого века.

6. И затем я, Иоанн, спросил Господа: «Почему говорят люди, что Адам и Ева Богом были сотворены и помещены в раю, чтобы соблюдать предначертания Отца, и в то же время утверждают, что они смертны?»

И сказал мне Господь: «Слушай, любезнейший Иоанн: неразумные люди так говорят, что Отец Мой лицемерно сотворил глиняные тела; но все силы небесные сотворил Он из Духа Святого, эти же два ангела по их вине были явлены с глиняными телами, и их называют смертными»[25].

И вновь я, Иоанн, спросил Господа: «Как же человек начинает бытие свое от духа, пребывая в теле из плоти?

И сказал мне Господь: «От падших ангелов небесных зачинаются в женских телах и получают плоть от желания плоти, и рождается дух от духа, а плоть от плоти; так осуществляется власть сатаны в этом мире и во всех родах».

7. [*ВР*: И спросил я Господа: «Доколе сатана будет властвовать в этом мире над сущностью людской?»]. И сказал мне Господь: «Отец Мой предоставил ему властвовать семь дней, которые суть семь веков».

И спросил я Господа, и сказал: «Сколько это будет по времени?»

И сказал Он мне: «Когда отпал диавол от славы Отца и от славы Отца отказался [*ВР*: возжелал своей славы], воссел он над облаками и послал своих служителей ангелов — огонь палящий — к людям, внизу пребывающим, от Адама до Еноха, служителя своего[26]. Вознес он Еноха на твердь небесную и показал величие свое, и повелел дать ему перо и чернила, и сев, написал Енох шестьдесят семь [*ВР*: семьдесят шесть] книг. И повелел сатана, чтобы Енох отнес их на землю и передал сыновьям. И поместил Енох книги на землю, и передал их сыновьям своим, и начал обучать их, как совершать жертвоприношения и таинства противозаконные, и так скрылось перед людьми Царство Небесное».

И говорил еще Господь: «Узрите, что Я — Бог ваш, и нет другого Бога, кроме Меня. Потому послал Меня Отец Мой в этот мир, чтобы Я объяснил людям, и поняли бы они злую природу диавола. И в то время, когда узнал диавол, что Я снизошел с неба в мир, послал ангела, взял древесину от трех деревьев для распятия Моего и дал ее Моисею, и поныне она сохраняется. Он же [Моисей] предвозвещал о Божестве. <...>

(Тайная книга альбигойцев // Наука и религия. 1992. №3, 4.
Д. Ангелов и др. Богомилството в Болгария, Византия
и Западная Европа в извори. София, 1967. С. 99—107.
Пер. *Е. Лазарева, Д. Ангелова.*)

Евфимий Зигабен. Догматическое всеоружие

Говорят [богомилы], что добрый Бог и Отец, после того как создал тысячи ангелов, имел вторым после себя и главным управителем Самаила, который обладал таким же, как у Бога, обликом и одеянием и сидел на троне одесную Его. Он был удостоен вторым после Него местом по почету и от этого, опьяненный и возгордившийся безумно, замыслил отделиться от Бога. Когда выпал удобный случай, он попытался взбунтовать некоторых служителей Бога, подстрекая их попытаться отбросить бремя своей службы, последовать за ним и восстать против Отца.

В подтверждение этой глупости ссылаются на притчу в Евангелии от Луки о нечестности управителя, который уменьшил долги своим должникам[27]. Это был именно Самаил, и та притча написана о нем. После того упомянутые ангелы, соблазненные тем, что будут облегчены от трудной службы, и обманутые другими обещаниями, поскольку он сказал им: «Возвышу престол свой в облачные выси и буду подобен Всевышнему», перешли на его сторону и приняли участие в заговоре. Но Бог его раскрыл и низверг их всех разом на землю.

Самаил попал в трудное положение и не мог сидеть над водами (поскольку, говорят, земля была невидима и не устроена). Поскольку он обладал Божиим образом, одеянием и силой творить, то созвал падшие вместе с ним силы и вдохнул в них отвагу, сказав, что поскольку Бог создал небо и землю

(«В начале создал Бог небо и землю»[28]), то он как второй бог создаст второе небо и все остальное. И сказал: «Да будет твердь!» И стало так. «Да будет то-то и то-то» — и стало все. И когда устроил второе небо и отделил воды от поверхности земли, то собрал их в места, которые избрал, как описано в книге о создании мира, украсил землю, разукрасил ее и определил ее своим и отпавших сил жильем.

После того создал тело Адама из праха, смешанного с водой, и поставил стоймя. С него стекла вода по его правой ноге через большой палец и извилась по земле. Так был создан образ змея. Самаил собрал свой дух и вдохнул жизнь в сотворенное им тело, но дух его истек через пустое пространство и, точно так же, по его большому пальцу, и превратился в извилистую каплю. Та ожила и, когда отделилась от пальца, поползла. Потому змея сообразительна и наделена разумом, поскольку дух Самаила был вдохнут в нее как душа. После того, как увидел то новый творец и понял, что напрасно трудился, то отправился к доброму Отцу и попросил послать ему душу, обещав, что человек будет общим, когда получит жизнь, и что его потомство заполнит места в небесных селениях, из которых были изгнаны ангелы. И Бог, поскольку он добр, согласился и вдохнул душу в изваяния Самаила — и тогда человек обрел живую душу, которая осветила тело и его украсила многими прелестями.

После того как подобным же образом была изваяна им и Ева — и засияла таким же сиянием, Самаил, исполнившись

зависти, раскаялся и замыслил погубить собственное творение. Потому вселился в змея и соблазнил Еву, сошелся с ней и сделал беременной, чтобы его семя, которое он изверг, обладало Адамовым семенем и насколько возможно погубило его и не дало ему увеличиваться и размножаться. Почувствовав вскоре родильные муки, она дала жизнь Каину от связи с Самаилом и его [Каина] сестре-близнецу, подобной ему, по имени Калмена. Адам, который почувствовал ревность, так же сошелся с Евой и породил Авеля, которого Каин убил и тем положил начало убийствам. Потому и апостол Иоанн сказал, что Каин был от змея[29].

Но после того как Самаил сотворил бесстыдно соблазн через змея над Евой, он был лишен божественного облика и одеяния, дара творения и божественного имени (поскольку до того и он назывался богом). Лишенный всего этого, он стал мрачен и отвратителен. Но добрый Бог укротил свой гнев и позволил ему быть повелителем и хозяином того, что сам сотворил, после того как пал с неба.

Он завладел всем и властвовал над всем. Люди притеснялись беспощадно и губились жестоко, лишь малая часть их достигала Царства Божиего и попадала в число ангелов. Наконец Бог сумел понять, что был обманут и терпит неправду, поскольку после того, как дал самую ценную часть человека и завершил самое полезное из созданий, то лишился большей части человеческого существа. Как только Он пожалел душу, которую сам вдохнул, что страдает так несчастно и угнетает-

ся, то отменил наказание и извлек через 5500 лет из сердца своего слово, то есть «Сын и Бог», потому и сказал: «Излилось благое слово из сердца Моего». И он показал собственные свои дела. «Я покажу,— сказал Он,— дела царя». Поэтому и в Евангелии он сказал: «Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне»[30].

Еретики уверяют, что то «Слово и Сын» есть архангел Михаил. «И имя ему наречется,— сказано,— “вестник великого совета”». Он нарицался архангелом, поскольку был богоподобнее всех ангелов, и Иисусом, поскольку исцелял всякую болезнь и всякую скорбь, и Христом, поскольку было помазано тело Его. Сошел с неба и вошел через правое ухо в Деву, и обрел плоть, которая призрачно выглядела, словно бы была из материи и подобна человеческому телу. В действительности же была невещественной и божественной и снова вышла оттуда, куда вошла, без того, чтобы Дева почувствовала вход или выход его, но просто нашла его утром в пещере, лежащим завернутым в пелены.

И Он завершил полностью дела, совершенные во плотском образе: изложил то, что содержится в Евангелиях, делал вид, будто подвержен человеческим страданиям, когда был распят на кресте и умер, и воскрес, завершил сцену, раскрыл драму и сбросил маску; схватил отступника, заковал его в толстые и тяжелые цепи, заточил в Тартаре, когда отнял у него от имени частицу «ил», поскольку тот назывался не только Самаил, но и Сатанаил, и нарек его сатаной. Наконец,

после того, как исполнил вверенную Ему миссию, вернулся к своему Отцу и сел одесную Его на престоле, откуда был низвергнут Сатанаил, затем вошел туда, откуда вышел, и возвратился в своего Отца, в чьей утробе первоначально находился. Когда учил учеников своих в миру, дал им Святой Дух и евангельское учение о том, что Слово есть Сын Отца, а Дух — Слово Сына. <...> И стоял Бог Отец с тремя лицами и был различен, ибо посредине был человеческий лик, по образу и подобию которого был сотворен человек. По обе стороны головы Отца сиял свет, справа Сына, слева Духа. После того Бог Отец преобразился в трехличие. До того же был единоликим. Подобный образ, как уже сказано, имел и Сатанаил. Потому, когда создавал человека, сказал: «Создадим человека по образу Нашему и по подобию Нашему»[31]. Именно по подобию Отца его.

Так рассказывал престарелый в злых днях своих, великий их учитель и копьеносец тех апостолов. <...>

1. Говорят, что небесный Отец имеет три образа, как сказано выше, и многолик. Еще о Нем говорят, что Он родил Сына, а Сын родил Духа Святого, а тот родил Иуду и апостолов. И приводят евангельское слово: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его»[32]. Уверяют, что это написано о Святой Троице.

2. Говорят, что Сын и Святой Дух вернулись снова к Отцу, от которого произошли, и что Он, который до того, в течение 5533 лет был в трех образах, теперь стал в едином об-

разе, поскольку бесплотен и наделен человеческим образом. <...>

3.Говорят, что Сын есть Слово Отца, а Слово Сына — Дух Святой. <...>

4. Говорят, что Самаил — Сын Отца, и он старше Сына и Слова, и был сильнейшим как первородный, и что были они братья от одного Отца. <...>

5. Говорят, что Сын и Слово противопоставили себя прежнему положению Самаила и лишили его первородства и престола.

6. Говорят, что человек общий Богу и диаволу, а душа его вдохнута Богом, потому одни из людей живут от Бога, а другие от диавола.

7. Говорят, что змей единственный из бессловесных животных обладает разумом и сообразительностью, хотя и несовершенной, и назван хитрым в Святом Писании, ибо была вдохнута Самаилом душа, которая перешла от Адама к нему (змею), дабы он берег и содержал ее.

8. Говорят, что Каин — сын Самаила, который соблазнил Еву через змея, Авель же — сын Адама. <...> Потому часто называют ребенка учеником, а отца его — учителем.

9. Говорят, что не было ни Сына, ни Святого Духа 5500 лет. С тех пор обрели они начало и имя.

Д. Ангелов и др. Богомилството в България, Византия и Западная Европа в извори. София, 1967. С. 74—85. Пер. *Е. Лазарева, Д. Ангелова.*)

Слово о зачатии неба и земли

(Трудолюбивых мужей и боголюбивых списано из божественных книг Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина о преславных прениях о неведомых вещах, о безначальном Господе нашем, как был Господь Саваоф прежде всей видимой и невидимой твари)

«Прежде земли был Господь Саваоф в трех комарах (покоях) на воздухе в великой красоте, безначальный царь, неведомый, тайный, присносущий, несозданный, несказанный, нерожденный, незачатый, уместный, и невидимый, и неосязаемый, бессмертный и бесплотный, и тогда был свет от лица Господнего в семь раз этого света светлее. Ризы Его были белые, как свет светозарный от лица Господнего. И сидел Господь Саваоф в трех покоях на воздухе, на престоле превыспренной славы. И помыслил себе Господь Саваоф, безначальный Отец, так. Отторгнул от сердца и родил возлюбленного Сына Божиего, Господа нашего Иисуса Христа. Из уст своих Дух свой Святой испустил на Него в образе голубя. Теми тремя покоями прообразован Господь троичный и безначальный, Сын, и Отец, и Святой Дух. На тех трех покоях — безначальный крест, и тем крестом прообразовал Господь Бог распятие Сына Своего Иисуса Христа Назарянина Иудейского. Почивает в сердце Дух Святой, от Отца исходит на всех верующих во имя Его. Ибо Отец не зачат и не рожден, а Сын

рожден, а не сотворен, Дух Святой не создан и не рожден, но исходит от Отца.

Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни ангелов, ни архангелов, ни херувимов, ни серафимов, ни рек, ни озер, ни колодцев, ни источников, ни людей, ни гор, ни облаков, ни звезд, ни света, ни зверей, ни птиц, ни пещер, ни зорь. Тогда была тьма, и бездна, и темнота. Не было тогда ни дня, ни ночи, ни веков, ни часов. Тогда был себе бессмертный, безначальный Сын Божий Иисус Христос, и сотворил словом-повелением Отца Своего Небесного всю тварь небесную, видимую и невидимую, и как сказал Господь, так сотворилось и создалось Духом его Святым от уст Его премудрых.

И сказал Господь: «Будь небо хрустальное на столбах железных, на 70 тьмах тысяч (70 000 000), и будьте озера, и облака, и звезды, и свет». И ветер дунул из уст Своих. Рай на востоке насадил, и восток, и запад, и север, и юг [создал]. Ангел сидит на востоке в великой красоте превыспренней головы своей. Семь небес словом сотворил Господь. Мороз от лица Господня исходит, а гром — глас Господень, в огненной колеснице утвержденный, а молния — слово Господне из уст Божиих исходит, а солнце — от утренней ризы Господней, поскольку Господь по лицу Своему утерся, а луна — от лица.

И сказал Господь: «Будь тьма столбов на воздухе»,— и так сотворилось словом Господним. «А столбы неподвижные железные от начала века сего, и будь на тех столбах камень недвижимый, а на камне земля, а под землей ад недвижимый

и весь медный, и засовы железные, и врата медные и железные, а под адом тартар, дна нет». И сказал Господь: «Будь над адом тьма столбов медных, и на столбах камень, и на камне земля». Господь словом камень и кремень сотворил. И сказал Господь: «Будь на земле море Тивериадское, вода соленая». Первая земля на воздухе сотворена и утверждена, вторая земля на аде, а на той земле море, а у того моря Тивериадского берега нет.

И сошел Господь по воздуху на море Тивериадское, и узрел Господь плававшего на том море Тивериадском гоголя, и стал над ним Господь, и сказал ему: «Гоголь, ты кто?». И сказал ему сатана: «Я — бог». И сказал ему Господь: «А Я кто?». И сказал ему сатана: «А Ты — Бог богам и царь царям». Если бы не то сказал сатана, иное что противное Богу, тогда его Господь бы сокрушил на море Тивериадском. И сказал Бог сатане: «Нырни в море и вынеси земли и камней». И преломив надвое, из левой руки дал сатане половину камня. И ударил Господь жезлом по камню, И сказал Господь: «Будьте ангелы по образу моему сильны, бесплотны и бессмертны, совершайте хотение мое в вышних». И сотворил Бог с крыльями огненными Михаила-архангела, и Гавриила, и Уриила, и Михаила-парафлама [помощника], херувимов, серафимов, ангелов, архангелов. А жезл был стальной складной, чем ударил Господь наш Иисус Христос, и из камня вылетели ангелы словом повеления Господня, Михаил-архан-

гел и Гавриил, Небесного Царя воеводы. Сатана же набил из камня бесовскую бесчисленную силу богов плотных (плотских).

И сказал Господь: «Будьте тридцать три кита на море Тивериадском, на водах, и будь на тех китах земля»,— и рассеял Господь землю на них. «Будь земля толста, и широка, и пространна». И проросли деревья, и травы, и цветы, горы и холмы, и озера, и источники, и реки. И сотворил Господь от земли зверей и скотов, и рыб в водах, и птиц, летающих по воздуху, и сотворил день и ночь, и гадов, пресмыкающихся по земле. А китам повелел пищу Господь ангелам из рая приносить; на них же утверждена земля, и не двигается ни в какую сторону.

И сказал сатана противно Господу Саваофу: «У меня силы больше Вышнего, подобен я Вышнему». [Господь] причел сатану в архангелы и взял его на небеса. сатана же начал гордиться и мыслью вознесся в себе, помышляя: «Сотворю себе престол над звездами на воздухе». Господь же уразумел мысль его лукавую и послал архангела Михаила, повелел сатану свергнуть с небес. Михаил архангел ударил сатану жезлом, и обжег его огонь от сатаны. Михаил-архангел пришел к Господу Саваофу и сказал: «Огнем меня жжет от сатаны». И Господь Михаила постриг в чернецы, и положил на него схиму с крестами простыми, знамение Иисуса Сына Божиего. Михаил архангел пошел и ударил сатану жезлом, и сверг его с небес на землю в ад кромешный со всеми его бесовскими силами, и падали с небес три дня и три ночи, что капли дождя шли силы бесовские в ад кромешный.

И сказал Господь: «Аминь, аминь, аминь!» Небеса закрыты, и висевшие бесы, державшиеся в воздухе повелением Божиим, падают на землю от искренней денницы вышнего Божиего промысла, и разбиваются на земле. И сказал сатана: «Сверг меня Господь на землю, и я сяду в доме Иаковлеве и буду славим людьми». Вместо отпадших ликов наполняет Господь [мир] человеками, правые лики созывает, и вместо одного сатаны создал Господь плотского человека, первозданного Адама от персти земной, кости от камня, кровь от Чермного моря, мысли от облаков, очи от солнца, дыхание от ветра. И пошел Господь по дух Свой на небеса к Отцу. И пришел Господь к Адаму на землю, увидел Адама ранами покрытого от сатаны, пальцем истыканного.

И сказал Господь сатане: «Почто, окаянный диавол, так сделал? Я сотворил человека чистым, и непорочным, и безболезненным». И сказал сатана Господу: «Забудет тебя. Если же какое место поболит, и он помолится: "Господи, помилуй"». И Господь, вывернув Адама внутрь изорванной кожей, вложил в него дух Свой и оживил Адама. И сказал Господь сатане: «Поклонись ты Адаму». И сказал сатана: «Я твоему созданию не поклонюсь». И сказал Господь сатане: «Окаянный диавол, лживый сатана!». И спросил Господь Адама: «Что видел во сне?» И сказал Адам: «Тебя, Господи, видел в Иерусалиме на кресте распятого, Петра в Риме стремглав распятого и Павла в Дамаске». И ввел Господь Адама в рай. Адам уснул сном, и Господь взял у Адама реб-

ро левое, и сотворил ему жену Еву, и вложил в Еву дух Свой, и сказал Господь Адаму: «Пробудись от сна». И сказал Адам: «Что, Господи?» И сказал Господь Адаму: «То тебе жена, и живи с ней по заповедям Господним». И повелел со всех деревьев есть ягоды Господь Адаму и Еве, и запретил только с виноградного дерева есть, поскольку с того дерева сам Господь вкусил.

И в то время была сотворена земля весьма украшенная и пространная прежде Адама. И позавидовал сатана Адаму, царствовавшему в раю, в добре жившему, и обернулся сатана червем, и пришел к Еве [змее?], и сказал ей: «Проглоти меня и внеси в себе в рай». И обвился около виноградного дерева, и начал сатана змеиными устами говорить Еве: «Почто не вкушаете от виноградного этого дерева? И будете ведь богами, как небесный Бог». Ева сказала Адаму, прельстив его змеиными словами: «Будем ведь богами, как небесный Бог, и станем знать, как Христос». И прельстились Адам с Евою. Вкусили от виноградного дерева, запрещенного Господом, поскольку искони лукавый враг завидовал роду человеческому и соблазнил Адама и Еву согрешить в раю. И упали с них венцы и одежды светлые, и стали Адам и Ева ветвями прикрываться. И пришел Господь в рай, и сказал: «Адам, где ты?» Адам сказал: «Вот я, Господи». Господь сказал: «Адам! Почто, окаянный, такое совершил преступление?». Адам сказал: «Жена меня соблазнила». «Окаянная, почто так поступила?» Ева сказала: «Змея меня соблазнила».— «А ты, пре-

лукавая змея, почто так сделала?» Змея же сказала: «сатана мне велел проглотить себя и внести в рай». И сказал Господь Адаму: «Ты — земля, и в землю пойдешь. Я тебя сотворил бессмертным в раю, а ты заповедь мою преступил — не есть от запрещенного дерева виноградного»:

И послал Господь архангела Михаила, и повелел их изгнать из рая, свергнуть на землю. И сказал Господь Адаму: «Паши землю». И стали Адам с женой, начали плакать и рыдать, что их изгнали из рая. Господь же хотел помиловать, видя его чистое покаяние от сердца, и воздыхание, и слезы на лице: «Владыка всещедрый! Ты ведаешь судьбами. Спаси Адама обольщенного!» И услышал сатана стенание Адамово, воздыхание о грехах. Поскольку же искони ненавистлив лукавый диавол, пришел к Адаму и сказал ему: «Поведаю тебе радость: хочет тебя Господь помиловать. Дай мне запись на себя и на род свой, а ты, Ева, поклянись мне клятвой».

И родились у Адама два сына — Авель и Каин. Авель принес Богу жертву — агнца тучного, а Каин принес от земли хлеба и прежде Господа сам вкусил. Господь Авелеву жертву принял, а Каина отверг. И позавидовал Каин Авелю, убил его камнем. Господь пришел и сказал Каину: «Зачем убил брата своего Авеля?» И велел Господь зверю [Каину?] всякий день трижды есть и извергать из себя съеденное как знак: триста лет трястись по Авелю, крови от крови отливаться. Авель лежал на земле триста лет. Адам же не знал, что сделать. И послал Господь двух птиц горлиц, и убила гор-

лица горлицу, и раскопала землю, [и похоронила убитую]. Похоронив сына своего Авеля в земле, Адам прожил на земле 930 лет и умер, и пришла Смерть сатанинская, и взяла душу его, и отнесла в ад мучиться 300 лет в аду с руками и ногами, скованными шестью цепями.

И сказал Бог, Господь безначальный, царь царствующих и Господь господствующих, самовластный Отец Небесный, и послал Сына Своего единородного, Господа нашего Иисуса Христа на землю — вселиться в деву и родиться на употребление хлеба Адамова, и разрушение царства сатаны, и на спасение рода человеческого. И хотел Бог Адама и Еву помиловать, от первородной клятвы освободить. И сидел Господь наш Иисус Христос на небесах с Отцом Своим этого века половину пяти тысяч [2500] лет. И родился на небе от Отца без матери, на земле — от матери без отца, воплотился от Девы Марии Пресвятой Богородицы, родился в Вифлееме иудейском. И творил на земле многие чудеса, и только пострадал, как человек, захотел волей распясться на кресте от иудеев беззаконных во святом граде Иерусалиме, и положен во гроб, и воскрес в третий день воскресением Своим. И снизошел в ад, вывел из ада Адама, первого снизошедшего в роду своем. А рай Эдемский на востоке. На престоле Своем божественном Смерть сатанинскую умертвил, а сатану связал словом-повелением Отца Своего. Аминь».

(*Мочульский В.* Историко-литературный анализ Стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С.237—240.)

Беседа трех святителей

(Святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста пророчества. Выписано из Библии, из евангелистов и апостолов)

Вопрос: Каково первое имя Господа Бога?

Ответ: Первое имя Господа Бога было по Рождеству «Эммануил Бог», и человек дал имя ему.

В.: В который день что сотворил всесильнейший Бог?

О.: В первый день сотворил Господь Бог свет и тьму. Назвал день светом, а тьму назвал ночью. И был вечер, и было утро. День первый. Во второй день сотворил Господь Бог небеса, небесный огонь и воды, что превыше небес. В третий день сотворил Господь землю, моря и реки и в них китов, великих рыб и всяких зверей. В четвертый день сотворил Господь Бог два светила великих, солнце и луну, и звезды, чтобы светили людям, живущим на земле. В пятый день сотворил Господь Бог деревья на земле, травы и злаки, и птиц всех воздушных, мошек и комаров. В шестой день сотворил Господь Бог всяких зверей, скотов, гадов и человека Адама, поставил его владыкой над всем созданием своим, и насадил рай на востоке, и ввел в него Адама. В седьмой день почил Господь Бог от всех дел Своих, так же и нам повелел почить от дел земных и сходить в церковь на молитву.

В.: От чего сотворил Господь Бог солнце?

О.: От светлой Своей ризы Господней.

В.: На чем то солнце поставлено?

О.: Стоит солнце над четырьмя небесами, а то небо хрустальное.

В.: От чего ангелов сотворил Господь Бог?

О.: От трех частей: от солнца, от ветра и от света.

В.: От чего сотворил Господь Бог луну?

О.: От темной ризы Своей Господней.

В.: От чего сатана зародился?

О.: На море Тивериадском в девятом валу зародился.

В.: Кого нарек Бог прежде Адама на земле?

О.: Когда свержен был сатана прежде создания Адама за четыре дня, тогда за гордость свою отпал от славы Божией и нарекся сатана диавол.

В.: Как начался Адам?

О.: Послал Господь Бог ангела Своего и взял «А» на востоке, а «Д» на западе, а «М» на юге, а «Ъ» на севере, и то есть «Адам».

В.: От чего Адам сотворен был, от скольких частей?

О.: Адам сотворен был от земли восьми частей: первое — от земли тело, второе — от глаз душа, третье — от моря кровь, четвертое — от духа теплота, пятое — от солнца очи, шестое — от ветра дыхание, седьмое — от облаков мысли, восьмое — от камня кости, от Духа Святого в человеке благодать восстала как человек.

В.: Кто первый пророк на земле и что он прорек?

О.: Первый пророк был на земле Адам. Когда сотворил его Бог и оживил, тогда он, восстав, возгласил: «Благословенно царство Отца, и Сына, и Святого Духа», то прорек Святую Троицу.

В.: Которое сотворение, Адама или Евы, честнее?

О.: Воистину честнее Ева Адама, поскольку сотворена в раю, Адам же только от земли создан.

В.: Отец меня родил, и я родил себе жену, а жена мне родила детей, а дети мои родили отцу моему мать.

О.: Когда сотворил Бог Адама, а из ребра его жену ему Еву, и родили сына и дочь, и дали род до Сибри, а от Сибритского колена родился Иоаким Иоаннов, от того ведь племени Христос родился, от пречистой Девы Марии Богородицы.

В.: Что это: волк корову родил?

О.: Адам родил жену себе Еву, сотворил ее Господь Бог из ребра Адамова.

В.: Что это: отрок просит у девицы: «Дай мне свое, а я положу свое в твое и возьму свое к себе, а твое снова возвращу тебе»?

О.: Когда сотворил Бог Адама от земли и вложил в него душу, потом он жил и умер, а тело его — снова в землю, от которой взято было.

В.: Кто не рожден умер, а рожден не умер и умер, а не истлел.

О.: Не рожден умер Адам, а рожден не умер Илия-пророк, взят был на небо, а умерла и не истлела Лотова жена, превратилась в соляной столб.

В.: Кто сотворился и снова вошел во чрево матери своей?

О.: Сотворился Адам и умер, от земли взят был, в нее и ушел.

В.: За что Адам изгнан из рая был?

О.: Соблазна ради жены его Евы и за преступление их изгнаны были.

В.: Где поселился Адам после преступления?

О.: Поселился в Мадиамской земле близ Хеврона.

В.: Которое рукоделие было первое на земле?

О.: Когда Адам и Ева преступили заповедь Божию, в раю съели яблоко, за то преступление и упали с них ризы, и узнали они наготу свою, сшили себе смоковные листья и скрыли тайные свои уды.

В.: Почему поют весною птицы и вся тварь радуется?

О.: Потому что, когда сотворил Господь Бог человека Адама весною в марте месяце, ему все звери, скоты, гады, птицы и вся тварь как царю поклонились, он же своим голосом имена им всем нарек. Тогда воспели все своим плодом и голосом. Потому вспоминают творение Адама.

В.: Долго ли Адам жил на земле, и сколько у него сынов было и дочерей?

О.: Адам жил на земле 930 лет, детей у него было около ста и женил брата на сестре.

В.: На чем земля основана была?

О.: На трех китах больших и на тридцати малых.

В.: Отчего те киты сыты бывают?

О. Находят они райское благоухание, берут от него десятую часть на пропитание.

В.: На чем земля стоит и утверждается?

О.: Слушай творца Иоанна Дамаскина, говорящего, что водрузил Бог на ничем землю повелением Своим, и подвесил неудержимую тяжесть на водах.

В.: Что есть бездна, где есть адово жилище?

О.: От востока до запада толща есть земля, стоит на четырех столбах железных, тут адово жилище.

В.: Когда ад был сотворен?

О.: Тогда сотворен был ад, когда помыслил диавол против Бога сесть.

В.: Скажи мне, если знаешь, где есть ад?

О.: Поскольку ад есть неведомое место, потому не довольно нам ведать, где есть он, умом же то непостижимо. Где будет геенна, то есть Родство[33] огня вечного, там будет и ад.

В.: Каков величиною ад преисподний?

О.: Вверху узок, а внизу широк, глубок же так, что от века некие души падшие не нашли в нем дна.

В.: Где души грешных пребывают?

О.: Безумные — в аду.

В.: Все ли в аду в одном месте, крещеные и некрещеные?

О.: Не в одном месте, ибо некие во всяком небрежении препроводили дни свои и непокойными умерли. <...>

В.: Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?

О. Высота небесная — Отец, широта земная — Сын, глубина морская — Дух Святой.

В.: Что стоит среди земли?

О.: Стоит среди земли град Иерусалим. <...>

В.: Что это: два противника борются?

О.: День и ночь <...>.

В.: Кто первый мертвец был на земле и мученик?

О.: Первый мертвец на земле — второй сын Адамов Авель, прежде всех был и мучения венец воспринял. Его же убил брат его Каин зависти ради. Тогда же положил на нем Господь Бог знак стенания и потрясения.

В.: Чей голос слышен от востока до запада?

О.: Господь проклял Каина.

В.: Кто это: молодец девице сказал: «Пусти меня в себя». Отвечает ему девица: «Как тебя впущу, ведь я еще никем не растлена».

О.: Молодец есть второй сын Адамов Авель, просился в землю похорониться, а Земля тогда была чиста, как бы не растлена. <...>

В.: Сколько островов в море, языков и составов в человеке?

О. Островов и языков, деревьев, зверей, птиц и рыб семьдесят[34]. <...>

В.: Кто это: пришел внук к бабушке и сказал ей: «Положи мое у себя»?

О.: Ответила ему бабушка: «Как тебя положу у себя,— ты мне отец?». Пришел к Земле Господь наш Иисус Христос перед распятием своим, просился похорониться, она же ответила ему: «Как Тебя положу,— Ты мне Творец».

В.: Кто пядью измерил небо, а дланью землю, который пророк дланью семь небес покрыл?

О.: Иоанн предтеча возложил руки на голову Господа.

В.: Стоит щит, а на щите заяц, прилетел сокол и взял зайца, потом и сова прилетела.

О.: Заяц — Правда, а сокол — ангел, а сова — вошла в мир Кривда... <...>

В.: Что это — четыре угла земли?

О.: На востоке Матфей-апостол в образе человека, на юге Лука-апостол в образе льва, на севере Иоанн Богослов в образе орла, на западе Марк в образе тельца... <...>

В.: Стоит дерево без корней и без ветвей, сидит на нем ворон без очей и без крыльев, и пришел к нему без ног, и взял его без рук, и зарезал без ножа, и съел его без гортани, не было ему сытости.

О.: Древо — земля, а ворон — пришло солнце и осушило росу. <...>

В.: Какая мать детей своих сосет?

О.: Море реки в себя принимает. <...>

(Мочульский В. Историко-литературный анализ... С. 240—249).

<...>. *В.:* Отчего гром сотворен был?

Василий сказал: Два ангела громовых есть — эллинский старец Перун и Хорс жидовин, два есть ангела молнии.

(*Афанасьев А. Н.* Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.—СПб., 2002. С. 249)

Вопросы, от скольких частей создан был Адам (по сербской рукописи XV в.)

Вопрос: Скажи мне, что держит землю?

Ответ: Вода высокая.

В.: Что держит воду?

*О.:*Камень очень плоский.

В.: Что держит камень?

*О.:*Камень держат четыре кита золотых.

В.: Что держит китов золотых?

*О.:*Река огненная.

В.: Что держит тот огонь?

О.: Другой огонь, горячее того огня в 2 раза.

В.: Что держит тот огонь?

*О.:*Дуб железный, первым посаженный. Его же корни на силе Божией стоят.

(Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. СПб., 1863. С. 443)

Диалог Эпиктета и Адриана[35]

Вопрос: Что держит небо?
Ответ: Земля.
В.: Что держит землю?
О.: Вода.
В.: Что держит воду?
*О.:*Камень.
В.: Что держит камень?
*О.:*Четыре животных.
В.: Кто эти четыре животных?
*О.:*Лука, Матфей, Марк, Иоанн.
В.: Что держит четырех животных?
*О.:*Огонь.
В.: Что держит огонь?
О.: Бездна.
В.: Что держит бездну?
О.: Дерево, посаженное изначально, то есть Иисус Христос.

(Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1910. Т. 15. В. 1. С. 110).

Вопросы, от скольких частей создан был Адам (по русской рукописи XVI в.)

<...>. *Вопрос*: от скольких частей сотворил Бог Адама?

Первая часть: дал тело ему от земли. Второе: дал кости ему от камня. Третье: очи ему — от моря. Четвертое: мысль

ему дал от скорости ангельской. Пятое: душу его и дыхание — от ветра. Шестое: разум его — от облака. Седьмое: кровь его — от росы и от солнца.

Вопрос: На сколько частей разделил Бог доброту Адамову?

Первая часть: Дал Аврааму гостеприимство. Второе: Силу его дал Самсону. Третье: Богатство его дал Иову. Четвертое: Красоту его дал Иосифу. Пятое: Дал кровь его Давиду. Шестое: Дал мудрость его Соломону, сыну того Давида. <...>

В.: Какими тремя людьми мир хранится?

О.: Первый поп — молит Бога за ратая и за воинника. А воинник блюдет и попа, и ратая. Теми тремя свет хранится. <...>

В.: Скажи мне, сколько есть земли?

О.: На четыре части Бог разделил землю. Одну часть сотворил — рай. Другую часть сотворил — людям обиталище. Отделил Бог седьмую часть от рая и дал людям жить.

В.: Какова глубина земная?

О.: Какова и высота небесная.

В.: Как и на чем стоят звезды?

О.: Звезды на небесах стоят утвержденные.

В.: Каковы луна и две денницы[36]?

О.: Луна на небе, а две денницы на воздухе плавают.

В.: Как солнце ночью заходит и где находится?

О.: Когда зайдет солнце, тогда множество ангелов берут его и приносят к престолу Господню и поют песнь неумолчную. На седьмой песне открывается престол Господень. По-

ют ангелы песнь неумолчную. Возьмут ангелы солнце и понесут на восток.

В.: Какова величина Солнца?

О.: Шестьдесят поприщ.

В.: Какова луна?

О.:Как половина всей земли.

В.: Сколько есть звезд?

О.: На тридцать дней пути — столько звезд.

В.: Как петухи ночью поют?

О.: Когда возьмут ангелы солнце от престола, тогда петухи возвещают миру.

В.: Что есть гром и что — молнии блистающие?

О.: Гром есть оружие ангельское. Ангел Господень диавола гонит, а молнии — одежда архангела Нафанаила. И когда дождь идет, тогда диавол становится перед дождем, чтобы тот не попал на землю. Потому ангел Господень гонит его.

В.: Что это: молнии секутся?

О.: Это когда архангел с гневом смотрит на диавола.

В.: Какова скорость ангельская?

О.: Как ум человеческий.

В.: Как зачался огонь?

О.: Архангел Михаил зажег огонь от зеницы Господней и принес на землю. <...>

В.: Где берут облака дождевую воду?

О.: Никакая зеница, ни око того не видит и не знает той воды, поскольку в бездне она берется.

В.: Как бывает сушь и как бывает дождливо?

О.: Есть стихия — царь водяной. Когда уходит в глубину и идут все стихии водные за ним, ибо царь он, оттого сухо бывает.

В.: Когда буря бывает, как приходит вода?

О.: Поднимется царь водяной из глубины, и пойдут все следующие за ним, и пойдут вперед, потому появляется вода из дерева, из камня, отовсюду.

В.: Как есть земля, где с гор текут воды теплые, таковы ли воды холодные?

О.: Есть две стихии: одна теплая, а другая холодная. Меняются, как на иноке одежда. Летом приходит холод в глубину, а горячее вверху зимой пребывает, потому и зимой тепла вода с гор.

В.: Где берется вода теплая из земли и то ли огненное выходит?

О.: Земля на воде стоит, вода на огне стоит. От воды той исходит по жилам, потому оно и огненное. <...>

(Памятники отреченной русской литературы.
Т. 2. СПб., 1863. С. 448—457)

Прение Панагиота философа с 12 кардиналами

<...>. *Азимит*: Сколько небес?

Панагиот: [Небо] яйцевидно и узорно, как медный круг блестит, и с виду, как лед. [...].

А.: Что выше небес?

П.: Вода, а повыше тьма, а повыше огонь, а повыше престол, а после него божество, а повыше свет незаходящий владыка.

А.: А под небом что стоит?

П.: Эфир, и облака, и вода.

А.: Под землей что есть?

П.: Под землей есть вода, и под водой есть тьма, а внизу огонь нижайший, а ниже пустота и преисподняя, тартар, бездна. <...>

А.: Далеко ли небо от земли?

П.: Божественных пядей 1266, а одна пядь божественная содержит человеческих пядей 1000. <...>

А.: Морская глубина какова?

П.: 1066 тем пядей Божиих.

А.: Создал ли Бог сначала небо или землю?

П.: Небо, ибо поэтому Златоуст удивился, говоря, что всякий, когда строит, сначала основывает, затем покрывает, Бог же сначала покрыл, затем основал.

А.: Что больше, небо или земля?

П.: Небо, ибо всякий покров больше основания, чтобы не упал на основание и не разбился.

А.: Что больше, земля или море?

П.: Земля, твердая часть — одна, пустынная — другая, и темная область, а моря четвертая часть.

А.: Какой рай больше, тленный или нетленный, каков рай?

П.: Отсюда до рая море густое, а затем вода чермная, а затем гора высокая, травянистая, на нее взойти человеку за три дня и сойти за два дня. Около рая есть тростник гликокалам, в нем же находится сахар. Он есть в раю сладость такая, что глаз не видел, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не придет. А посреди рая Древо Жизни, что к божеству приближается. Верх того древа до небес, древо то различно, златовидно червлением огненным, и покрывает ветра, и имеет от всех деревьев листья, и от всех плодов исходит из него прекрасное благоухание, исходит из того древа. Двенадцать источников из корней его — молоко и мед. И другая сторона рая: течет вода бессмертная, и реки великие исходят из рая — Геон, Фисон, Тигр, Евфрат, и снова от тех рек исходит тридцать шесть рек великих, и текут по всему миру.

А.: Гром и молния отчего бывают?

П.: Пророк говорит: «Глас грома твоего в круге [небесном]» и называет громовых лиц четыре — человека, орла, тельца, льва, говорит, что они — четыре евангелиста[37]. <...> Говорит же философское искусство, что два облака сражаются, и бывает возмущение и гром, и сходятся два ветра, холодный и теплый. Говорит ораторским искусством Гермоген[38]: как вода, оторвавшись от одного места, стремится на иное, так и два облака сражаются, и бывает гром. <...> 300 ангелов держат небо и двенадцать столбов свода, и потому двенадцативершинным называется небо семипоясное[39]. Триста ангелов держат свод двенадцать морей. Триста ангелов дер-

жат молнию и гром, и два облака ударяются ветром сильным, от силы удара трещит, и молнии испускаются от силы ангельской, и раздвигаются облака, и пропускают дождь, как и град, на землю, и облака темнеют, от ветров смущаются, и снова в один час тихо и светло бывает.

А.: Скажи мне, философ, о движении солнца, как оно восходит на востоке, и как заходит на западе, и снова есть на востоке.

П.: Слушай, Азимит, о движении солнца. Как сказал пророк, солнце в области дня, и снова луна и звезды в области ночи, также и облака, и ветры, все служат людям, и временам, и желаниям человеческим, и сень прекрасная называется тленной вещью, ибо пуста. Солнце создано в виде человека, и человеку подобно, и человек есть. Венец носит солнечный на голове, и проходит небо за день, и водят его ангелов днем 15000, и разделяет натрое плоть и светило наподобие Христа, и светило наподобие Отца, и луна сияет наподобие Святого Духа, огонь подает ему Божество — сто ангелов дают сияние солнцу. Лучам венец Божий риза, когда пройдет солнце всю землю и зайдет, тогда во тьме ангел разденет солнце, и понесет одежду и венец на престол Господень, и предаст божественное одеяние владыке своему Христу. И отстают от солнца ангелы, и оно идет в море с запада и гонит волнами море до востока, и встает на востоке. И обращается небо три раза ночью, три раза днем, и с виду колесо, как мельничные жернова.

А.: Как небо вращается, и не вращается небо, солнце, и луна, и звезды вместе с ним? У них нет основания, как могут вращаться?

П.: Они на облаках висят, как светильники, на сто пядей Божиих отстают от небес и висят на воздухе.

А.: Как солнце восходит, чтобы сиять?

П.: Дает Христос сто ангелов, и одевают солнце, и снова грипсосы огненные, птицы небесные, называемые фениксами, и халендрии[40] летят перед солнцем, и мочат крылья свои по 9—10 раз в океанской воде, и кропят крыльями, и гасят солнце, чтобы не сожгло лучами весь мир. И сгорают у тех птиц перья от огня солнечного, и бывают голые, как общипанные, и снова, когда зайдет солнце, тогда купаются те птицы в Океане — великой реке и обновляются, и снова оперяются крылья их. И потому петух пророком называется, имея под своими крыльями белые перья. Когда идет солнце от запада к востоку, то почешется у петуха то перо. Когда возьмут ангелы одежду и унесут от престола, тогда петух, открыв голову, пробуждается, и плещет петух крыльями своими, и возвещает миру воскресение.

А.: Что говорит первый петух?

П.: Говорит: «Прийди, светодатель!» Второй говорит: «Христос жив и все совершает, как хочет». Так петух и не спит до света.

А.: Имел злак, и привязал на корень двенадцать спорышей, и жрали друг друга, голоса не слышали.

П.: Имел котел, четыре ковали на том котле кузнеца, молотов друг друга не слыша.

И засмеялся Азимит.

П.: Почто смеешься, Азимит? Те кузнецы то зелье варят и другое. Скажу: котел есть год, кузнецы двенадцать месяцев, и грома друг друга не слышат.

А.: Ныне искусил Бога живого, и уразумел, что вера греческая чиста и непорочна, тверда и непоколебима, воистину переспорил меня, философ. <...>

А.: Что это: все солнце собралось?

П.: Солнце есть Христос, и воскресил мертвых, и собрались апостолы, и радовались все Ему, и стал Иисус посреди них, и сказал им: «Мир вам».

(Памятники древней письменности и искусства. 1879. Т. 4. С. 54—65)

Беседа Иерусалимская (Повесть града Иерусалима)

Беседа царя Давида Иессеевича с царем Волотом Волотовичем на Синайской горе, возле города Иерусалима, у дуба Мамврийского, у креста Леванидова, у главы Адамовой

В Великую было субботу. Съезжалися к церкви, к литургии сорок два царя. Был у них царь Волот Волотович, второй у них царь Моисей Моисеевич, третий у них был царь Елисей Елисеевич, четвертый у них был царь Давид-пророк

Иессеевич. И они, те все цари к литургии приехали, и отслушали литургию. Сказал им царь большой Волот Волотович: «Ой вы цари и князья благоверные! Скажите вы мне, не утаите: ночью вам кому что и каков сон виделся? Не можете вы утаить от меня: мне поведайте». И все цари молчат.

И сказал царь Волот: «А мне ночью много виделось, и вы про тот сон скажите, и добром его рассудите. С той стороны восточной восходят лучи солнца красного, осветили всю землю Светорусскую, а в другую сторону полуденную выросло дерево кипарис, серебряное коренье, и ветви у дерева все золотые бумажные. Поверх того дерева сидит птица кречет белый, на ногах у него колокольчик. Кто мне про сей сон может сказать и его отгадать?».

И тут цари смолчали все, один из них выступил царь Давид-пророк Иессеевич и говорит такое слово: «Государь ты наш, первый царь Волот Волотович! Далеко нам грешным до Рима и до Иакова, брата Господнего. Тот бы сон твой отгадал. И я тебе про него скажу: тот твой сон сбудется на двенадцатый год. У меня царя Давида родится сын Соломон, а у тебя родится дочь Соломонида Волотовна, а еще ныне во утробе нет. А что с той стороны восточной восходящий луч солнца красного осветит всю землю Светорусскую, то будет на Руси град Иерусалим начальный, и в том городе будет соборная и апостольская церковь Софии Премудрости Божией о семидсяти верхах, сиречь святая святых. А что у дерева ветви золотые — то будут паникадила поставлены; а ветви

бумажные — то свечи на паникадилах поставлены будут перед чудесным образом. А что с той стороны полуденной выросло дерево кипарис, коренье серебряное, то у меня будет сын Соломон Премудрый, и он созиждет святая святых — то есть кречет белый. А что у кречета колокольчик золотой — у твоей царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться, и твоим царством он владеть будет».

И отвечал ему царь Волот Волотович: «Исполать тебе, царь Давид, что ты горазд загадки отгадывать и досуж доброе слово молвить». И сказал ему царь Давид: «А ты мне, большой царь Волот Волотович, про то скажи: отчего у нас свет светится? И отчего солнце сияет? И отчего заря занимается? На чем у нас небо ходит? И на чем земля стоит?» Отвечал большой царь Волот Волотович царю Давиду: «Я тебе про то скажу: свет у нас светится от Господних очей, а солнце сияет от святой ризы Его, а заря занимается от солнца красного, а небо ходит на воздухе, а земля стоит на семидесяти китах-рыбах малых да на трех рыбах больших. А ты мне, царь Давид, про то скажи: какой город городам мать? И какая церковь церквам мать? И какая глава главам мать? И какое дерево деревьям мать? И какая трава травам мать? И какой камень камням мать? И какая птица птицам мать? И какой зверь зверям мать? И какое озеро озерам мать? И какая гора горам мать? И какое море морям мать?»

И сказал царь Давид: «Я тебе про то скажу. Первый городам мать город Иерусалим. Его Пасхалия азбучная во всю землю Светорусскую. А церковь церквам мать соборная София премудрость Божия, да в той же церкви стоит гроб Господень. Потому церковь церквам мать. А река рекам мать Иордан, потому что она течет из рая Эдемского, а в ней крестился Господь наш Иисус Христос, потому река рекам мать. А глава главам мать Адамова глава: когда сотворил Господь наш Иисус Христос небо и землю, и все, что на земле, и начертал на земле по образу Своему человека, и нарек ему имя Адам, и вынул у него ребро, и сотворил ему жену Еву, и от них пошли цари и князья, потому глава главам мать. А дерево деревьям мать кипарис, сосна, кедр, потому что от них идет благоухание, от них же родится ладан, идет во всю землю Светорусскую, потому деревьям мать. А трава травам мать плакун-трава: как евреи Христа распинали, и Богородица на ту траву уронила слезу; потому травам мать. А птица птицам мать Таврук-птица, невелика, с русскую галку, и живет она у гремячего колодца, у теплого моря. А зверь зверям мать Единорог. Когда на земле была засуха, и в те поры дождя на земле не было, тогда в реках и озерах воды не было, только в одном озере вода была, и лежал великий змей, и не давал людям воды пить, и никакому бегущему зверю, ни птице летящей. А когда побежит Единорог воды пить, и змей лютый заслышит, и побежит от зверя того за три дня, и в ту пору запасаются водою люди. А озеро озерам мать Ильмень-

озеро, что под Киевом городом, потому что взяло в себя триста рек. А море морям мать Океан-море великое, потому что в нем стоит церковь Климента, Папы Римского. А рыба рыбам мать Кит-рыба великая. Как та рыба Кит взыграется и пойдет во глубину морскую, тогда будет светопреставление. А гора горам мать Фаворская да Сионская»

И сказал ему царь Давид: «А ты мне, царь Волот Волотович, про то скажи: кому на втором пришествии не быть, и лица Божиего не видать, и суда Божиего им не будет?» И ответил ему царь Волот Волотович: «Я тебе про то скажу: всякому человеку на втором пришествии быть, и суд им будет по делам их. А еретикам и чародеям тем суда Божиего не видать; без суда Божиего посланы будут в муку вечную, ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

(Памятники старинной русской литературы.
Вып. 2. СПб., 1860. С. 307—308)

Слово о Крестном древе
(Слово о кресте честном и о двух крестах разбойничьих (сербская рукопись XV в.))

Адам был перед дверями райскими в Эдеме. Когда приблизились дни его к смерти, очень болел немощью. Сын его Сиф сказал матери своей: «О мать моя, ты знаешь все о нем. Скажи нам, почему так отец наш болеет?» Ева сказала: «О сын! Всегда желает блага райского, потому вспоминает и болеет».

Сиф сказал: «Идем в рай, и принесу отцу моему, тогда утолится боль его». Пришел и вопил, плакал против рая. И принес ему архангел древо, от которого съел Адам, и сказал: «Это древо, разрешающее грехи. Это древо прогоняет духов нечистых, это — прощение темным. Верующий мне не заблудится». Взял Сиф древо, что ему дал ангел, и принес отцу своему Адаму. Когда увидел Адам, узнал его, и вздохнул, и сказал: «Это древо, из-за которого я был изгнан из рая». И взяв, свил себе венец. И положили его в венце в землю, и выросло дерево из венца, и было очень высоко высотой, и пречудно ростом, натрое разрослось и единым стояло, и было выше всех деревьев.

О втором древе, на котором распялся разбойник верный. Часть от того древа вынесла Тигр-река из рая, и стояло оно на песке. Когда хотел Сиф помянуть отца своего Адама, и показал ему ангел древо, и разжег огонь на реке, называемой Ил (?), и помянул Сиф отца своего. И тут будет огонь неугасимый до века, и всегда горит непрестанно, и лютые звери стерегут огонь. Когда согрешил Лот и пришел к Аврааму на покаяние. Когда услышал Авраам, весьма ужаснулся и послал Лота на гибель: «Иди и принеси огонь, что в Вавилон-реке». Пошел Лот, и нашел зверей спящими, и взял три головни, и принес к Аврааму. И увидел Авраам, и удивился, и велел ему посадить их на высоком месте и поливать водой. Когда прорастут головни, тогда будет прощен тот грех. Вода была далеко, три раза в день приносил ее и поливал. Так проросли головни, и вышло древо пречудное и весьма прекрасное.

О третьем древе, на котором распялся разбойник неверный. Часть от того древа вынесла вода потопная. Когда высохла вода, древо осталось при Морской (Мерской) реке. Когда вывел Моисей израильтян, нечего было пить, поскольку была вода горька. Моисей же скорбел, ибо воды не нашел. И сотворил молитву к Богу, и показал ему ангел древо, и то древо лежало верхушкой вниз. Взял Моисей древо, и крестообразно посадил его в реку, и усладилась вода от древа, выросло древо весьма украшено и пречудно.

Вопрос: Как зачались те древа?

Ответ: Когда садил Бог рай, не было тогда ангелов, только Сатанаил. И что велел Господь сажать, Сатанаил крал от всего. И пошел, и посеял, и посыпал среди рая. Сказал Господь: «Тут буду Я и тело Мое, и будет оно тебе на изгнание». Вышел Сатанаил и сказал: «Господи, благослови, что я посадил». Бог сказал: «Тут есть я среди рая». Когда пришел Сатанаил, чтобы увидеть древо свое, которое посадил, тогда почернел диавол, и древо его изгнало из рая. Древо выросло в три ствола. Первый ствол — Адам, а второй ствол — Ева, третий ствол посреди — сам Бог. Когда согрешили Адам и Ева, тогда упала Адамова часть в реку Тигр, и та вынесла ее, а Евина часть осталась в раю; когда был потоп, на воде потопной всплыла; высох потоп, древо осталось при Морской реке.

Когда хотел Господь Бог построить дом Божий, святой Сион, послал Господь перстень Соломону, и обладал он де-

монами всеми. Создал дом Божий, святой Сион, и искал дерево, чтобы покрыть храм. И указали ему древо, что посадил Моисей в море. И тогда срубили древо, и повезли его восемьюдесятью быками. И потемнело при Иордане, и была буря великая, и утопил древо Иордан, и не нашли его.

Шел (Соломон) к древу, которое было от головней, и было тут народов много, 3000 человек, что верили в древо, ибо то древо творило великие чудеса, и все мнили, что на нем распнется Господь. Когда хотел древо срубить Соломон, люди не дали ему: «О Соломон, не дадим тебе срубить древо жизни; где ты видишь, три головни проросли, и чудеса великие творит, и многие обретают от него спасение, ибо на нем распнется Господь». Соломон многих сразил, и срубил древо, и принес в Иерусалим. Люди верили в древо, собрались все к древу, и принесли в Иерусалим, плача и взирая на древо. И принес Соломон древо к храму, и не вышло поставить его где хотели, и печален был Соломон.

Услышала Сивилла о древе, и пришла посмотреть, и села на древо, и обгорел у нее зад. Тогда Сивилла сказала: «О треклятое древо!» Все люди единогласно возопили: «О трижды благословенное древо, на котором распнется Господь!» Поднял Соломон древо к храму и прислонил.

Один муж по имени Елисей тесал дерево на Иордане, и упал топор в Иордан, и вонзился в древо, которое утопил Иордан. Пошел и сказал Соломону, и пришли, взяли древо и узнали его. И принесли в Иерусалим, и приложили к храму, и не пришлось, и прислонили снова к другому древу.

И сказал Соломон: «О великое чудо! Эти древа пречудны высотой и не подошли. Где найти большее их?»

И спросил демонов, что боялись печати Господней. Они же сказали: «Знаем недалеко в Эдеме велико, чудно и предивно; страшно нам о том говорить». Соломон сказал: «Велю вам печатью Господней, которую мне дал Бог: идите, возьмите за верхушку и за корень и принесите мне его». Пошли демоны, и взяли древо с корнем, вырывая главу Адама в корнях, и принесли в Иерусалим. Отсекли древо от корня и измерили древо на земле. Соломон сказал: «О велико чудо и предивно! Три древа нашел, которых нет нигде, и великие чудеса творят, и все те древа словно от одного древа». И прислонил ко храму и поставил стражей стеречь их. Спросил Соломон демонов: «Сколько от Эдема до Иерусалима?» Демоны сказали: «563 мили». Измерили демоны и нашли так.

Глава же Адамова оставалась в корнях и никто о ней не знал. Соломон пошел на охоту, и застала его внезапная буря. Один отрок носил царскую верхнюю одежду, и расстался с царем. Увидел пещеру и вошел в нее, имея с собой пса и ястреба, и сев увидел: пещера костяная, а не каменная. Когда окончилась буря, вышел отрок и нашел царя. И сказал Соломон: «О человек, как ты мою одежду унес, а меня буря промочила?» И спросил: «Скажи мне, почему тебя не было в бурю?» Отрок сказал ему: «Господин, я видел пещеру и вошел в нее, конь мой снаружи стоял. Я же со псом и ястребом вошел и видел: костяная, а не каменная пещера та». Царь утром пошел, и очистил кость от камней и от земли, и узнал,

что то Адамова глава, и узнал, как было принесено древо и как Адам дал Сифу, когда умирал.

<...> И узнал Соломон, что то Адамова голова, и принес ее на середину Иерусалима, и послал, и собрались все люди, и сказал им: «Как меня увидите, так и вы делайте». И взял камень Соломон и сказал: «Поклоняюсь тебе как первой твари Божией». И бросил камень, и сказал: «Побиваем тебя как преступника Божия». Весь народ бросал камни, и совершили литостратион, по-еврейски[41] побивание». То было собрание всего Иерусалима. Когда было предание Господа нашего, привели к Пилату Христа и двух разбойников. Пилат приказал, и сделали из тех древ три креста, и распяли Христа на древе, которое из Адамовой головы выросло, а разбойника верного распяли на древе, которое от головней выросло, одесную Христа, а разбойника неверного распяли ошуюю Христа на древе, что выросло на Морской реке, которое посадил Моисей».

(Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. С. 308—313).

О Тивериадском море

<...> И посадил Адам три древа: одно дерево — свою часть, а другую часть — Евину, а посреди — Господне древо. <...>

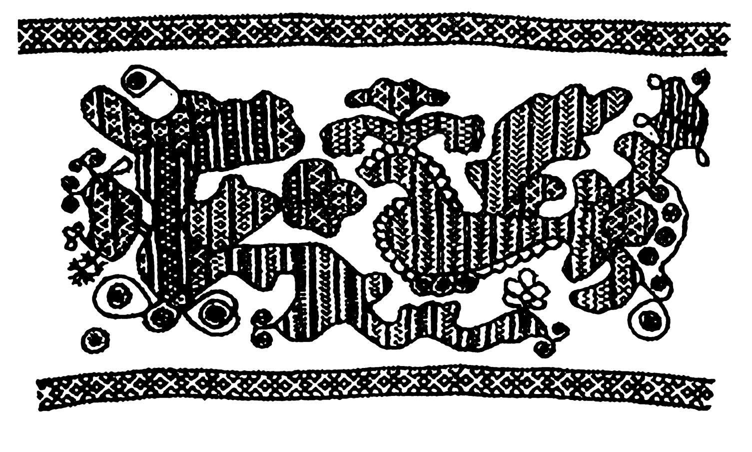
И повелел Господь Адама и Еву из рая изгнать вон. И тогда упали из рая две части его. Адамова часть упала в Едру-

реку [Евфрат], а Евина — в Тигр-реку, а Господне древо осталось в раю <...>. Начал Адам землю пахать, и пришел к нему сатана, и сказал Адаму: «Что делаешь?». Адам сказал: «Землю пашу». И сатана сказал: «Кто тебе повелел?» Адам скcазал: «Господь мне велел». И сатана сказал: «Господни небеса, а земля моя. Если хочешь землю пахать, ты дай мне на себя запись и на весь род свой по тебе будущих». И сказал Адам: «Если земля твоя, и я твой». И написал Адам на себя запись и на весь род по нем будущих. сатана рад был и унес [запись] в ад, и по той записи от Адамовой смерти и по Христово распятие принимал диавол и приводил грешных и праведных во ад все равно.

<...> И встретил Сифа сатана, и сказал ему: «Сиф, где ты был?». И сказал Сиф: «Был в раю, несу ветвь от райского древа, отец мой болеет». И услышал сатана, и хотел Сифа и Адама погубить, и сказал сатана: «Сиф! Пойди на Едр реку и Тигр реку, и там есть древа часть отца твоего и часть матери твоей, и ты возьми от тех древ, дабы исцелился отец твой». Сиф же, не зная сатаны, послушал его, пошел на Евфрат-реку, а близ реки лежало много ветвей. Сиф же взял от всех частей, и пришел к отцу своему, принес ветви от всех частей, и взял у него, сплел венец Адаму. И тогда Адам умер, и погребен был в том венце. И взял сатана душу Адамову, отнес по его записи в ад. И от его венца выросло три древа, и от тех древ выросло одно древо, и в могиле той была половина того древа.

А на том месте неблагодарные люди были и разбой творили, и оттоле прослыло то место разбойничьим: если кто на том месте жил добрый, и тот славился злым разбойником, по прослытию места того. И во время Авдиана [Августа?] царя был в Арихонских [Иерихонских] странах муж именем Иассон, и пришел он во Иерусалим город с женою своей. Жена же его беременна была, и родила в пути сына, и нарекли имя ему Спутник, поскольку в пути родился. Поселился Иассон на месте, называемом Разбойник. Иассон же был муж праведный и разумный. Умирая, указал древо то, на котором распяться Сыну Божиему, и сказал Спутнику сыну своему: «Чадо моё! Стереги древо это. На этом древе будет распят Избавитель наш. Ты, чадо, пострадай с ним, сделай так, чтобы тебе с ним умереть, дабы тебя ради и мы избавлены были от мук вечных». И оттоле Спутник жил, а потом злой разбойник...

(Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1886. Т. 2. Вып. 2. С. 5—8)

Славянские космогонические легенды

Славянские апокрифы, в которых мир совместно творят добрый и злой боги, поставили в тупик «школу заимствований». Апокрифы, образно говоря, оказались лишь окраинными заливами огромного моря подобных же мифов и легенд, записанных только в последние два века и уже не средневековыми книжниками, а учеными — этнографами и фольклористами. Мифы о двух братьях-демиургах распространены по всему миру. Миф же, в котором один из них ныряет в изначальное море — в доброй половине Евразии и Северной Америке. Он записан у славян (русских, украинцев, белорусов,

поляков, болгар, сербов, македонцев), финно-угров (финнов, карел, марийцев, мордовцев, коми, хантов, манси, венгров), самодийцев (ненцев, энцев, нганасан), тюрок Сибири (алтайцев, якутов, долган, хакасов), бурят, тунгусов (эвенков, нанайцев), кетов, юкагир, североамериканских индейцев, а также у индийцев, цыган, курдов-езидов, грузин и сирийских арабов. Вывести все эти сказания из одного книжного источника совершенно невозможно. Книжники лишь записали и обработали созданное народом за многие века. Тем не менее сходство мифов не случайно. Единые истоки их можно проследить. Только прячутся эти истоки в тех далеких временах, когда не было ни славян, ни индоевропейцев, ни письменности, ни цивилизации.

Мифы о братьях-близнецах, создавших или обустроивших мир, коренятся в самом родовом строе. Это блестяще показал советский этнограф А. М. Золотарев, трагически погибший в 1943 г. Его книга «Родовой строй и первобытная мифология» была издана, и то не полностью, лишь два десятилетия спустя. Но главные ее выводы не устарели и поныне. Что мир наш устроен диалектически, поняли, задолго до Гегеля, еще люди верхнего палеолита. В те времена люди жили родами и племенами. Каждое племя состояло минимум из двух родов, или фратрий (объединений родов). Их предки-тотемы считались близнецами — братьями или сестрами. Изначально это были даже не боги наподобие Ормазда и Ахримана, а зверобоги, животные и люди одновременно. И весь мир се-

бе люди представляли не иначе как разделенным на две фратрии во главе с такими богами. По ним и распределяли все пары противоположностей, доступных пониманию мудрейших старейшин и шаманов. К фратрии, допустим, Коня относили свет, день, солнце и т. д., к фратрии Быка — тьму, ночь, луну и т. д. О добре и зле первоначально и речи не шло. Оба близнеца были дружны и одинаково почитаемы как первопредки и культурные герои, оба совершали порою подвиги., а порою смешные и не всегда благовидные проделки. Они еще не творили мир, а только обустраивали его. С течением времени братья все меньше представлялись животными и все более — богами человекоподобными, далекими и могучими. Теперь они не только создавали мир, но и правили им, по-прежнему разделенным на две фратрии. Близнецов стали противопоставлять. Сначала как мудрого, умелого и глупого, неумелого (Прометей и Эпиметей). Потом — как доброго и злого. Первый обычно пребывал в верхнем мире, полном света, второй — в нижнем, среди тьмы. (Благой и злой боги могли считаться не только «белым» и «черным», но и, например, «черным» и «красным», как у африканских масаев.)

Среди индоевропейцев наиболее четко противопоставляли двух владык мира иранцы. Ахурамазда (Ормазд) и Анграмайнью (Ахриман), Владыка Мудрый и Злой Дух не вымышлены пророком-вольнодумцем Заратуштрой, жившим, скорее всего, в Средней Азии около VII в. до н. э. Он только довел их дуализм до логического конца: объявил достой-

ным почитания лишь Ахурамазду, а прочих богов — злыми демонами. Почитатели и служители Ахримана, однако, не переводились в Иране и много веков спустя. Даже римские митраисты поклонялись иногда «богу Ариманию». Да и сам Митра считался посредником между Ормаздом и Ахриманом. Эту триаду весьма напоминает индийская Тримурти: мудрый Брахма — создатель мира, солнечный Вишну — его хранитель, а мрачный Шива — разрушитель. (Вишнуиты и шиваиты, впрочем, старались объявить соответственно Вишну или Шиву богом величайшим и чуть ли не единственным.)

У скандинавов злой и коварный Локи — брат владыки богов Одина, нередко его спутник — то вредит богам, то выручает их своими проделками и хитростями. Греческий Аид — брат Зевса, бог смерти, но не зла. Ему, однако, не поклонялись. Балтский владыка нижнего мира и смерти Поклус, как и позднейший Пикулас-Пеколс (черт), братом Бога (Диевса), насколько известно, не считался. Словом, из всех индоевропейцев сколько-нибудь четкий дуалистический миф существовал лишь у индоиранцев, германцев и славян. Но именно арии и германцы уже в III тыс. до н. э. тесно соседствовали с уральскими (финно-угорскими) племенами. Быть может, арийские мудрецы просветили «темных» жителей тайги и тундры? Скорее наоборот: ведь до Восточной Сибири или Северной Америки никакие арийцы не добирались.

Как видим, миф о двух творцах и владыках мира, добром и злом, свойствен лишь тем индоевропейцам, которые близ-

ко контактировали с уральскими, финно-угорскими народами. Но этот миф лежит в основе мифологии урало-алтайских народов, населяющих огромные просторы Северной Евразии. Ормазду и Ахриману, Белбогу и Чернобогу, Одину и Локи соответствуют саамские Юбмел и Перкель, коми-зырянские Ен и Омоль, коми-пермяцкие Ен и Куль, мордовские Чам-Пас (Шкай) и Шайтан, марийские Кугу-Юмо и Кереметь, удмуртские Инмар и Кереметь, обско-угорские Нуми-Торум и Куль-Отыр, венгерские Иштен и Ордог, ненецкие Нум и Нга, селькупские Нум и Кызы, древнетюркские Тенгри и Эрлик, алтайские Ульгень и Эрлик, тувинские Курбусту и Эрлик, бурятские Хан-Хурмас и Ата-Улан, монгольские Хормуста и Эрлик, эвенкийские Сэвэки и Харги. Нередко (у коми, мари, обских угров, алтайцев, эвенков и др.) они считаются братьями. И каждый возглавляет целое племя богов, добрых или злых. Доброму богу обычно приносятся в жертву белые животные, злому — черные. Служащие богам шаманы делятся на белых и черных. Первые камлают в верхний мир и творят только добро, вторые камлают в нижний мир и творят как добро, так и зло. Ведь от злого бога или духа можно откупиться либо усмирить его с помощью магии. А можно использовать его злую силу во вред своему ближнему. Наподобие того, как Ксеркс (усердный почитатель Ахурамазды), узнав об изгнании Фемистокла, тут же помолился Ахриману, чтобы тот и дальше учил афинян изгонять своих лучших сограждан. (Не к Мудрому Владыке же обращаться с такими просьбами!)

Среди североамериканских индейцев дуалистический миф о добром и злом богах-близнецах сложился лишь в области Великих озер. У гуронов эти братья зовутся Иоскега и Тавискарон, у ирокезов — Энигорио («добрый ум») и Энигонхахетгеа («злой ум»), что удивительно напоминает иранских Спентамайнью («святой дух») и Анграмайнью («злой дух»), хотя прямой связи здесь, конечно, не было. Ритуальные пляски индейцы справляли в честь обоих близнецов, за что миссионеры обвиняли их почитателей в дьяволопоклонстве.

Всему этому кругу лесных и тундренных народов Евразии и Северной Америки был свойствен миф о ныряющем демиурге. Этнограф В. В. Напольских восстанавливает его историю так. В верхнем палеолите, где-то на юге или востоке Сибири, возник миф о водоплавающих птицах, по очереди нырявших на дно изначального моря, чтобы создать землю. Об этом, вероятно, свидетельствуют изображения таких птиц, найденные на стоянках Буреть и Мальта. Оставившие их охотники на мамонтов и были, видимо, предками уральцев, алтайцев, юкагиров и североамериканских индейцев. Точнее, той их части, предки которой пришли в Америку позже предков центрально- и южноамериканских индейцев, но раньше предков северо-западных индейцев и эскимосов. Произошло это в мезолите, около X тыс. до н. э.

В исходном мифе за землей ныряли разные птицы, но добыть ее удавалось лишь самой маленькой из них. О злых и добрых богах речи еще не шло. В Новом Свете, на берегах

Великих озер, героями мифа стали другие животные: бобр, выдра, ондатра, лягушка, черепаха. У племен Калифорнии и прерий он сохранился в прежнем виде. Распространился миф и на западе, среди предков уральских народов — на Урале и в Западной Сибири. От них его переняли предки юкагиров, тунгусов, северных алтайцев. С уральцами они контактировали где-то на берегах Енисея. Было это в мезолите и неолите (IX—IV тыс. до н. э.). В итоге к тому времени, когда верованиями «темных крестьян» и «дикарей» заинтересовались ученые-этнографы, миф о ныряющем демиурге знали финны (карелы, мордва, мари, коми), угры (венгры, ханты, манси), самодийцы (ненцы, энцы, нганасаны), северные тюрки (алтайцы, хакасы, шорцы, якуты, долганы), буряты, тунгусы (эвенки, нанайцы), кеты, юкагиры и североамериканские индейцы (ирокезы, сиу, арикара, пенути и др.). А вот к южным народам алтайской семьи (туркам, казахам, монголам, маньчжурам и др.) этот миф вовсе не проник. Видимо, их предки-степняки не были тесно связаны с лесовиками-уральцами. О славянах и других индоевропейцах речь впереди.

Среди уральцев и их восточных соседей миф, однако, изменился. Теперь в море ныряли две птицы: гагара и утка, а землю удавалось принести только утке. Такое развитие мифа было не случайно. В то далекое время (мезолит и охотничий неолит) таежные шаманы разработали свою картину мира. В ней светлый верхний мир располагался одновременно на небе и на юге, а темный нижний — под землей и на севе-

ре. Соединявшие их потусторонние шаманские реки текли, подобно великим рекам Сибири, с юга на север. Потому гагара, птица морская, северная, представлялась «плохой», связанной с нижним миром, а утки, лебеди и другие птицы, улетающие на юг — благими вестниками верхнего мира. Новые, человекоподобные боги постепенно оттесняли древних зверобогов, богов-птиц. Теперь уже утка и гагара либо белая и черная птицы воплощают соответственно доброго и злого богов. Птица-бог уже не ныряет сама, а лишь посылает за землей птицу-черта. Потом добрый бог и вовсе теряет птичий облик, а ныряет та же птица-черт.

Уже известные нам арийские и славянские мифы о ныряющих творцах — как раз поздние. Ныряют в них то существа, нырять вовсе не способные (голуби, вепрь), то человекоподобные боги. Лишь иногда о древнем мифе напоминают то Брахма-лебедь, то Сатанаил-гоголь. Так кто же были Учителя Человечества, принесшие миру учение о двух творцах и владыках мира? Уральские шаманы. От них переняли это учение арийские мудрецы, предшественники магов и брахманов, сами не чуждые шаманизму. В III тыс. до н. э. и уральская, и индоевропейская общности стали распадаться. Выделились общности финская, угорская, индоиранская. Где-то в Поволжье и Приуралье, на границе тайги и степи, лесовики и степняки встречались, меняли пушнину на кожу и медь. А тем временем мудрейшие шаманы обоих племен обсуждали тайны мироздания.

Много веков спустя в Средней Азии Заратуштра, белый шаман Ахурамазды, придаст северному учению завершенную, бескомпромиссную форму: только добрый бог, владыка света, достоин почитания, а за мировое зло в ответе лишь владыка тьмы. От его последователей и заимствуют это учение еврейские раввины. От них Бог и сатана придут в две мировые религии, ставя их последователей перед неразрешимыми вопросами. Благ или всемогущ Бог? Откуда взялся сатана? Кто он — враг или слуга Бога, князь мира сего или изгой? Не может или не хочет Бог покончить с дьяволом? Шаманы были, по крайней мере, гораздо логичнее многоученых раввинов, священников и мулл. И не подкрепляли свой авторитет кострами и пытками.

А черные шаманы, служители Ахримана и сатаны, никуда не исчезали. Их ведь власть имущие если и преследовали, то не столь усердно, как еретиков, тщившихся изменить несправедливый мир. Темные маги менять ничего не собирались. И всегда были за соответствующую мзду к услугам тех, кто желал навредить ближнему с помощью хозяев нижнего мира.

В некоторых мифах народов Евразии и Северной Америки прослеживается образ третьего демиурга. У эстонцев мир творят верховный бог Ванаиса («старый отец») и созданные им боги Ваннемуйне и Ильмаринен. У коми Ен и Омоль рождаются из яиц, снесенных уткой. По ее приказу они и ныряют за яйцами, из которых потом создают мир. В якутском мифе Божья Мать посылает нырять за землей гагару и утку.

У манси подобным же образом посылает гагару и еще одну птицу Корс-Торум, отец Нуми-Торума и Куль-Отыра. У алтайцев Ульгень, брат Эрлика, творит мир по указанию Ак-Эне (Белой Матери), обитающей в море. В мифе калифорнийского племени йокутов ястреб и ворон творят горы из земли, принесенной из моря уткой. У алгонкинов же ныряют бобер, выдра и водяная крыса, а посылает их Великий Заяц.

Предания, в которых мир творят вместе побратимы — Бог и Самаэл (дьявол), известны грузинам и сванам. В сирийско-арабской легенде Христос в образе водоплавающей птицы творит небо и звезды. У венгерских цыган Белый дьявол, побратим Бога, всплывает из моря и спорит с ним из-за мирового дерева. Видимо, грузины и сирийцы переняли древний северный миф от иранцев (например, от скифов, совершавших в VII—VI вв. до н. э. походы на Ближний Восток). Вездесущие же цыгане могли принести миф из Индии либо перенять его от иранцев или славян.

Как же сложился славянский миф о двух создателях и владыках мира? Пришел ли он к славянам от иранцев или урало-алтайцев? С иранцами славяне соседствовали с самого своего появления в качестве особого народа в середине II тыс. до н. э. Об иранских корнях славянского мифа говорят полуиранские имена его героев — Белбога и Чернобога. Индоевропейский корень *bhag-* («счастье, обилье») стал обозначать божество только у иранцев («baga») и славян («бог»). И только у этих двух групп народов столь же древний корень *deiwo* («боже-

ство») стал обозначать злого демона («дэв», «див»). Произошло это вследствие «религиозной революции», вызванной в иранском мире проповедью Заратуштры. Отважный реформатор провозгласил всех богов, кроме Ахурамазды, демонами, недостойными почитания. Идеи пророка, осуждавшего разбойные набеги и покровительствовавших им богов-дэвов, нашли отклик по обе стороны степи — у оседлых иранцев и славян, в равной мере страдавших от участившихся нападений степняков, только что ставших кочевниками. Приверженцы новой веры были и в кочевом мире северных иранцев-степняков: и здесь многим племенам бесконечные набеги и войны несли не богатство, а разорение и страдания.

Однако ни сам пророк, ни его последователи не могли освободиться от древней иранской, арийской мифологической традиции. Дэвами стали называть демонов, образы которых сложились задолго до Заратуштры. А вокруг Ахурамазды быстро вырос пантеон благих божеств. Их и стали называть богами («бага»). Притом в число их вскоре попали и некоторые древние боги (Митра, Веретрагна, Анахита).

С финноязычными племенами славяне впервые столкнулись в I в. н. э., когда славяно-сарматские дружины доходили в своих набегах до их земель. С тюрками (гуннами) — не ранее II в., когда те появились в Восточной Европе. Постоянными же соседями славян финны стали только в VI в., а гунны — в конце IV в. Тем не менее славянский космогонический миф содержит немало таких деталей, которые ха-

рактерны для мифов урало-алтайцев, но не иранцев. Присмотримся же внимательнее к славянским легендам о сотворении мира. Эти сказания записаны фольклористами у русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар, сербов, македонцев, боснийцев. Особенно интересны и архаичны легенды, собранные в Галиции все тем же В. Гнатюком, а среди русских Тюменского края — П. Городцовым. Все эти славянские предания обобщил и сопоставил с североевразийскими польский этнограф Р. Томицкий, чьи работы, к сожалению, не издавались по-русски и известны лишь специалистам.

Славянские предания, вопреки Библии, не говорят о создании мира из ничего предвечным Творцом. Изначально в них существует, как и в славянских апокрифах и колядках, лишь бескрайнее море. Над ним летает, или плавает по нему (в лодке или в виде утки-гоголя), или ходит по водам, или сидит на белом камне (несомненно, Алатыре) Бог. А в море, в пене или скале обитает черт (Сатанаил, дидько и т. д.); или он также плавает в облике гоголя (лебедя). Откуда он взялся? Зародился в морской пене, то ли сам по себе, то ли из плевка или тени Бога. Иногда Бог «доделывает» черта, придавая ему человекоподобный или ангельский облик. Одна галицкая легенда даже утверждает, что и Бог тоже не вечен: он возник из небесной росы, а Ирод (черт) — из морской пены.

Славянские волхвы были в своем роде материалистами не хуже самого Фалеса Милетского, считающегося первым философом-материалистом Эллады. Он тоже полагал, что из-

начально существовала лишь вода, а в ней пребывал дух, он же Бог-творец. Это уже напоминает первые строки Книги Бытия. По мнению исследователей, и на ее авторов, и на ионийского мудреца повлиял египетский миф о боге Атуме-Хепри, родившемся из первоначального водного хаоса (Нун) и сотворившем мир. В славянском же мифе материя (водная) существует прежде всех времен, а в ней зарождаются оба мировых духа.

Встреча двух богов выглядит неожиданностью, по крайней мере для Бога. Черт же сразу объявляет себя братом Бога или напрашивается в побратимы к нему. И тот сразу соглашается, и затем творит мир вместе с «распобратимом», и долго терпит его подлые выходки. (В грузинской легенде Самаэл, обитавший в скале на дне изначального моря, попросту хватает Бога за горло и навязывает ему побратимство; в сванском же предании оба они — родичи, жившие в двух таких скалах.) В очень архаичной легенде из Заонежья Бог и сатана плавают в виде белого и черного гоголей. Не хватает лишь назвать их Белбогом и Чернобогом. (Польские кашубы представляли Белбога и Чернобога в виде белого и черного коней, в духе индоевропейского мифа о двух близнецах — всадниках или конях.) Очевидно, Чернобог изначально считался не ангелом, восставшим против своего творца, а братом Белбога — вполне в духе иранских и североевразийских мифов. В них злой бог (Ахриман, Эрлик) может быть даже старшим братом доброго — как Сатанаил у богомилов.

В боснийском предании место Черта занимает «Ягудия-бог, еврейский король», брат Бога. Это явное наследие богомилов, отождествлявших ветхозаветного Яхве с Сатаной и потому отвергавших Ветхий Завет. В XII—XV вв. Босния была оплотом богомильства.

В одной украинской легенде демиургов трое: Христос, Петр и черт. В грузинском и сванском преданиях их даже четыре: Бог, Михаил, Гавриил и Самаэл (дьявол). Судя по всему, образ третьего демиурга столь же древний, как и сам миф о ныряющем творце

В любом случае в море за материалом для мироздания (землей, песком, кремнем, синим камнем) ныряет черт. Как и в апокрифе, он норовит взять землю во имя свое, а не Бога, из-за чего два раза терпит неудачу, но и в третий раз утаивает часть земли. В тюменской легенде сатана ныряет трижды — в виде гоголя, гагары и утки-соксуна (широконосой утки). По воле Бога принесенная земля разрастается. Ночью черт пытается утопить спящего Бога, таскает его во все четыре стороны света, но земля, перекрещенная таким образом, вырастает еще больше. Бог водружает ее на спины китов. Земля первоначально вся была равнинной. Но черт принялся выплевывать землю, утаенную им во рту (она также росла). Так появились горы, холмы и прочие неровности рельефа.

Затем создается небо. Черт и Бог, соперничая, творят по очереди небеса, пока тех не становится семь. Наконец, они принимаются за создание растений, животных и культурных

благ. Бог создает все хорошее и полезное для человека, а черт — бесполезное или вредное. Зачастую творения черта оказываются бездушными или негодными, и Богу приходится их оживлять либо доделывать. А они еще и обращаются против своего творца: козы разбегаются, волк вместо Бога набрасывается на самого черта. Озлобленный, снедаемый завистью черт втихомолку готовит войну против Бога. Бог создает ангелов, ударяя по камню, черт творит бесов тем же способом либо стряхивая воду с рук.

Практически все эти мотивы славянского мифа есть и у финно-угров. В хантыйском мифе злой Кынь-Лунг пытается утопить Нуми-Торума. Мордовский Нишке-Пас водружает землю на трех рыб, алтайский Ульгень — на двух. У мари, мордвы, удмуртов горы и холмы возникают из земли, утаенной во рту и выплюнутой Шайтаном (Кереметем). Добрых и злых духов оба верховных бога мари создают из искр, ударяя по камню; так же творит чертей мордовский Шайтан. Соперничая, строят семиярусное небо зырянские Ен и Омоль. А вот в иранской традиции таких мотивов нет, как нет и никакого сотрудничества двух демиургов. Ормазд и Ахриман могут договариваться лишь об условиях войны.

Но вот Бог приступает к созданию человека (Адама). Вылепил его из глины и оставил сушиться под присмотром собаки, а сам отлучился. Коварный черт тут же подкупил собаку (наделив ее, прежде голую, шерстью) и осквернил человека — истыкал его и оплевал. Богу осталось только вывер-

нуть «венец творения» наизнанку, так что вся чертова скверна оказалась у него внутри. С тех пор человек стал подвластен болезням и порокам. А черту и горя мало: так де и надо, чтобы человек почаще вспоминал Бога, а заодно и его, черта. (Не ответ ли это на христианский тезис о благотворности страданий, посылаемых свыше во испытание?) Первая женщина (Ева) была создана позже из ребра первочеловека, либо из ивы, либо из собачьего (козьего, чертова) хвоста.

Казалось бы, создание человека из глины — библейский мотив. Да и имена у перволюдей славянских легенд библейские: Адам и Ева. Но и в мифах коми, удмуртов, алтайцев, манси добрый бог лепит первых людей из глины. Глиняная скульптура же была знакома еще людям верхнего палеолита. И уж вовсе не из Библии взят мотив создания «Евы» из чьего-то хвоста. Миф об осквернении первочеловека злым богом, подкупившим собаку-сторожа — не библейский и не иранский. Зато он широко известен урало-алтайским народам (от мари до бурятов).

В некоторых галицких и сербских легендах Бог создает человека из своего пота. Подобный миф излагали, согласно летописи, волхвы, возглавившие в 1071 г. народное восстание в области Ярославля и Белоозера, населенной тогда славянами и финской весью (вепсами). Тело человека создал сатана из тряпки, которой Бог вытерся в бане, а душу вложил Бог. Известен этот миф и мордве.

В апокрифе Бог (точнее, Христос) берет душу для человека на небе у Бога Отца. У тофаларов в Туве тело человека творит бог Бай-Паян («богатый господин»), а душу дает верховный небесный бог Бай-Кудай. У ненцев тело создает «хозяин земли» (т. е. злой Нга), а душу — «хозяин неба» (добрый Нум). В мифах алтайцев, шорцев, монголов, наоборот, душу в тело, созданное добрым богом (Ульгенем, Очирвани), вдувает Эрлик, оттого души умерших и идут к нему.

Славянские легенды утверждают, что тело первых людей было покрыто шерстью, либо роговой тканью (наподобие ногтей), либо чешуей. Покрытыми шерстью представляли наших предков также народы Северной и Центральной Азии; покрытыми рогом — румыны, венгры, мордва, некоторые народы Сибири и Средней Азии, евреи и арабы. Библии и иранской мифологии эти мотивы, опять-таки, неизвестны. Очевидно, они тоже североевразийские, а на юг второй из них проник через вездесущих арабских и еврейских купцов. В славянских апокрифах первые люди не покрыты ни шерстью, ни рогом. Зато они носят некие светлые райские одежды. О светоносном теле или одеянии перволюдей говорят предания алтайцев, калмыков, сирийцев и даже эфиопов. Этот мотив, скорее, южного происхождения, на севере же он удачно наложился на местный миф. Заимствовалось то, что хотя бы напоминало что-то свое. О змеиной коже первых людей, причем связанной с бессмертием, говорит лишь болгарское предание.

Удивительными существами были славянские (и евразийские) «Адам» и «Ева». Покрытые волосами или рогом, бессмертные, не ведавшие ни любви и размножения, ни труда, какие-то «полузвери и полуангелы», обитали они в земном раю, куда был заказан вход черту. Но тот, загоревшись страстью к Еве, пробрался туда и убедил ее, а через нее и Адама совершить некий грех: то ли съесть запретный плод (как в Библии), то ли совершить половой акт. У обских угров и якутов перволюди отведывают запретных ягод. А в мордовском сказании первородный грех состоит... в питье кумышки (крепкого пива); из-за нее и пришли к людям смерть и болезни. В иранском мифе первые люди, соблазненные Ахриманом, начинают убивать скот и поклоняться дэвам.

Последствия грехопадения были для людей тяжелы, но и благодетельны. Адам и Ева утратили нечеловеческий покров (роговая ткань осталась лишь на ногтях), стали смертными, но обрели способность к половой жизни и деторождению. Райское безделье сменил нелегкий труд пахаря и домохозяйки. Словом, перволюди окончательно стали людьми, живущими человеческой жизнью со всеми ее трудностями и радостями.

Совращение людей ускорило разрыв между чертом и Богом. Злой демиург поднял мятеж, чтобы захватить небо. Войско бесов захватило нижние небеса и окружило свой стан неодолимой стеной жара (или, наоборот, холода). Тогда Бог поставил во главе своего войска архангела Михаила и вруча-

ет ему грозовое оружие (огненный меч). Удары молний Михаила (или Ильи) низвергли всю бесовскую рать с неба. Кто упал в лес — стал лешим, в воду — водяным и т. д. Сам же черт провалился в подземное пекло и отныне стал его владыкой.

В Михаиле (Илье) нетрудно узнать громовника Перуна, изображенного на Збручском идоле в виде всадника с мечом. Сам же миф о низвержении бесов с неба, как уже сказано, находит аналогии не только в Библии, но и в мифологии иранцев и греков. А также в мифах алтайцев, где Эрлика и его рать сбрасывает с неба богатырь Майдире (буддийский Майтрейя, иранский Митра); низвергнутые бесы становятся духами-хозяевами лесов, рек и т. д., а Эрлик — владыкой преисподней. Весь этот миф о небесной войне, скорее всего, принадлежит воинственным древним индоевропейцам. Уральские боги выясняют отношения через состязания в мудрости-хитрости. Индоевропейские — в грандиозных космических битвах. Алтайский миф, искони сходный с уральским, испытал здесь влияние индоевропейского (в том числе и позднее, через пришедший из Индии буддизм).

Тем временем изгнанный из рая Адам заключил, как и в апокрифе, договор с чертом о том, что души всех потомков первочеловека по смерти достанутся хозяину земли и пекла. Что же вынудило Адама согласиться на такое? Согласно одной версии, черт обманул его по сказочному принципу «дай мне то, чего в своем доме не знаешь». По другой же Ева родила от черта Каина — чудовище с двадцатью четырьмя

головами разных зверей (или с двенадцатью змеиными головами). Придать же этому воплощению хаоса человеческий облик мог только сам владыка нижнего мира. В ряде легенд, однако, договор заключает сам Бог, тем самым признавая права черта на земной мир и его обитателей. «Запись» черт прячет в Черном море под белым камнем (несомненно, Алатырем), или под камнем в Иордане, или в преисподней. И только Христу удается спуститься в нижний мир и уничтожить договор: он-то его не подписывал.

Представление о договоре Адама или Бога с чертом чуждо как Библии, так и Мани. В богомильском мифе сатана обманывает Бога, пообещав отпускать к нему души умерших, Христос же восстанавливает справедливость. В апокрифах и легендах Бог с Христом, наоборот, нарушают договор, заключенный по всей форме. Мотив *письменного* договора может показаться очень поздним. Но уже праславяне (скифы-пахари), торговавшие с Ольвией, могли узнать, что такое долговая расписка, способная обречь на рабство должника и его детей. Не скрывается ли за Христом здесь, как и в других случаях, солнечный Даждьбог?

В Сербии была записана своеобразная легенда о Дабоге — «царе на земле», равном по силе Богу — Царю Небесному. Дабог пожирает души умерших, пока Христос не освобождает их, воткнув ему в пасть копье в качестве распорки. Даждьбог-Солнце в роли черта-Чернобога? В другой сербской легенде архангел Гавриил похищает солнце у царя чер-

тей Дабо Хромого. Сербы верили, что в горе Дайбог обитает Серебряный царь — хозяин руд. Дело здесь не только в том, что церковники объявляли всех язычкских богов бесами. Очевидно, славянский Даждьбог, регулярно спускавшийся в нижний мир, имел и подземную, мрачную ипостась, подобно Моране, своей сестре и жене, богине весны и смерти. Вот почему он как бы раздваивается на доброго Христа (Гавриила) и злого Дабога (Дабо).

Что у славян мог существовать миф об освобождении душ Даждьбогом, говорит другая легенда, неизвестная апокрифам, но широко представленная в фольклоре — у украинцев, сербов, черногорцев, боснийцев, македонцев, румын, латышей. Черт, низвергнутый с неба, похитил некую ценность (или владел ею изначально). Это может быть солнце, огонь, гром, молния, огненный меч, небесная сила, волшебное одеяние, корона, наконец, знание о том, как нарушить ту самую «запись». Ценность похищает хитростью Михаил, Илья, Петр или животное — пчела, ласточка. Иногда похитителей двое (Михаил и Гавриил, Петр и Христос). Посланник Бога уговаривает черта состязаться в нырянии, а сам замораживает море над ним и улетает с ценностью. Черт гонится за похитителем и наносит ему увечье. Отсюда у людей выемка в стопе, у пчелы — раздвоенное тело, а у ласточки — раздвоенный хвост. Чаще всего ценность добывает громовник (Михаил, Илья) и почти никогда — Христос. У него в этом мифе другая роль — освободителя душ. Похититель же, оче-

видно, Перун. Иногда же, возможно, и Даждьбог. В сербской песне Йован (Иоанн Креститель) похищает корону у «мучителя Дуклияна» (Диоклетиана[42]) корону точно так же, как Михаил у черта. День Иоанна Предтечи (Ивана Купала) совпал у славян с Купалой — языческим праздником летнего солнцеворота.

Миф этот напоминает другие индоевропейские мифы — о похищении огня Прометеем или индийским Матаришваном, меда поэзии — Одином, амриты (напитка бессмертия) — Вишну или Гарудой, сомы (другого чудесного напитка) — орлом Индры. В основе их — общеиндоевропейский миф о похищении священного напитка. К народам же Северной Евразии этот миф почти не проникал. Только у монголов громовник Очирвани ныряет за молнией.

Вконец раздосадованный черт сооружает подземную темницу с оковами, чтобы заточить туда Бога или Михаила. Но Бог сам хитростью заманивает черта в эту темницу и сковывает его. Тщетно черти грызут оковы — на Великдень цепи снова укрепляются. И так будет, пока люди не перестанут соблюдать пасхальные обычаи. Тогда черт (Гаргон) вырвется на волю, и наступит конец света. Илья-громовник погибнет в битве, и от его крови вспыхнет пожар, в котором и погибнет мир.

В основе здесь — еще один общеиндоевропейский миф, трагический и величественный. Лучше всего он сохранился у иранцев и скандинавов. Злой бог (царь-дракон Ажи-Даха-

ка или коварный Локи, владыка нижнего мира) скован в подземелье. В конце времен он вырвется на волю, и настанет светопреставление. Разразится последняя битва сил света и тьмы. Падут многие боги, в том числе и громовник Тор в схватке с мировым змеем. Вспыхнет мировой пожар, и в нем погибнет мир — но не исчезнет, а возродится обновленным. А что же владыка тьмы? Иранцы полагали, что Ахриман либо обратится, наконец, к добру, либо будет выброшен за пределы мира. Скандинавы — что Локи погибнет в битве. Среди уральских народов миф о мировом пожаре известен лишь обским уграм.

Христианский Апокалипсис — во многом лишь подражание иранскому мифу. В последнем есть и Спаситель-Саошьянт (даже не один, а три), и битва сил Света и Тьмы, и победа героя Кересаспы (напоминающего громовника) над Ажи-Дахакой, вырвавшимся из оков, и воскресение мертвых, и Страшный суд, и пожар, обновляющий мир. Еврейские раввины и пророки довольно легко перенимали иранские мифы — вероятно, потому что сами евреи были такими же недавними варварами, как персы. Ученые жрецы Египта и Месопотамии угодничали перед персидскими царями, но заимствовать что-либо из мифов и религиозных идей более молодых народов не считали нужным.

Как видим, славянский миф о творении мира двумя богами-антагонистами — не просто путаный пересказ Библии или еретических писаний темными крестьянами. В мифе этом

отразились многие тысячелетия истории славян и их соседей. Образы владык верхнего и нижнего миров (Зевс и Аид, Один и Локи, Брахма и Шива и т. д.) были уже в общеиндоевропейской мифологии, но только под влиянием иранцев (в свою очередь, испытавших уральское влияние) эти боги стали у славян творцами и повелителями мира, братьями-соперниками, воплощением вечной борьбы Добра и Зла. От ариев к славянам перешел и образ ныряющего солнечного вепря. Миф о ныряющем демиурге-птице был перенят славянами позднее уже от самих урало-алтайцев (финнов и тюрок-гуннов). От них же перешли и многие детали дуалистического мифа о создании мира и человека: от встречи двух демиургов-птиц до договора о судьбе человеческих душ. Мифы же о битве богов и бесов за небо, о похищении небесным богом огненной ценности, о грядущей войне богов с демонами и космическом пожаре — индоевропейское наследие. Влияние же христианства, как православного, так и еретическо-богомильского, свелось к «перекодировке», замене языческих персонажей на библейских и усвоению отдельных деталей мифа (вроде создания Евы из ребра). Этот процесс прошел тем легче, что многие важные моменты дуалистического мифа были еще раньше переняты создателями Библии и манихеями от иранцев.

Заимствование чужих мифов и верований в древности вовсе не было «обезьянничаньем» «низшей расы» перед «культуртрегерами». Ведь осуществляли его виднейшие умы пле-

мени или народа: шаманы, жрецы. Славянские волхвы перенимали не бездумно, а творчески. Не могли они принять, например, идею тюркских шаманов о том, что все души по смерти попадают к злому Эрлику. И создали по образцу давнего мифа о похищении огненной ценности миф об освобождении душ Даждьбогом. Столь же неприемлемой для славян оказалась идея всемогущего и потому всегда правого Бога, Бога-деспота, ревнивого и мстительного. Бог народных легенд действительно всегда добр, даже к своему бессовестному брату, но он не всемогущ. Его можно обмануть, перехитрить, победы в бою даются ему нелегко. Но он не станет мучить и карать безвинного. И не мог он тысячи лет отдавать души всех потомков Адама сатане — это черт обманул Адама или Бога.

Славянский космос устроен диалектически. Белбог — полноправный владыка только в верхнем мире, а Чернобог — в нижнем. Средний же мир — область их борьбы. Бог не может спуститься в преисподнюю или хотя бы нырнуть на дно моря. А черт — утвердиться на небе. Славянский Бог (Род-Белбог) — не воин[43]. Поэтому, чтобы сразиться с чертом или добыть присвоенную им ценность, Богу нужен посредник, молодой бог-воин — Перун (Михаил, Илья) или Даждьбог (Христос). По смерти души праведных людей возносятся на небо, в рай, души же грешников и «заложных» (умерших недоброй смертью) попадают в нижний мир — мучаются в пекле либо становятся русалками.

Космогонический миф, сохраненный колядками и легендами, существовал как бы параллельно с мифом «Голубиной книги». В апокрифах же отразились оба мифа. Логические противоречия между ними мало тревожили тех, кто создавал, исполнял, читал, слушал эти талантливые произведения.

У многих народов мира известен еще один космогонический миф — о мировом яйце, зародившемся среди изначальных вод или снесенном водоплавающей птицей. Он есть у карел, эстонцев, саамов, коми, мордвы. По мнению В. В. Напольских, финны переняли этот миф от палеоевропейцев — древних охотничьих племен, населявших до их прихода леса Восточной Европы. Но мировое яйцо есть и в мифах индоевропейцев — греков и индийцев. Б.А.Рыбаков проследил удивительное сходство изображений на сосудах трипольской культуры и восточнославянских писанках — пасхальных яйцах. В основе их — миф о яйце, из которого возникли небо, земля и средний мир с его обитателями. Не случайно украинцы верили, что мир погибнет лишь тогда, когда люди перестанут разрисовывать писанки.

В письменности и фольклоре славян миф о мировом яйце не сохранился «в чистом виде». Но он отразился в ряде сказочных сюжетов. О некоторых из них речь уже шла. Зоревик (Даждьбог) добывает три яйца — медное, серебряное и золотое — заключающие в себе три царства. Иван-царевич (тот же Даждьбог) обретает яйцо, скрытое в трех животных, связанных с тремя мирами, и скрывающее в себе смерть Ко-

щея-Чернобога. Солнечный герой, таким образом, оказывается творцом мира, напоминая греческого Фанеса — солнечного змея, выходящего из мирового яйца; римские митраисты отождествляли его с иранским Митрой. С мировым яйцом связана и еще одна сказка — о войне птиц и зверей, в которой победили птицы (т. е. верхний мир восторжествовал над нижним, как в скифских сценах терзания, где крылатый грифон либо орел побеждает копытное или хищника). Израненного царя птиц — орла спасает некий человек. За это орел дарит ему волшебное яйцо, скрывающее в себе огромные стада скота или целую ярмарку. Можно вспомнить, наконец, всем известную сказку о яичке, снесенном курочкой и разбитом мышкой. Курочка следом снесла яичко золотое; а война животных в предыдущей сказке начинается со ссоры воробья с мышью... Вот какие глубины древнего мифа может скрывать простенькая сказка для самых маленьких!

Интересна и загадочна легенда, записанная в 1929 г. на Полтавщине. Некогда в воздухе колебался некий «шар-мяч». От чьего-то удара он разлетелся, и возникли солнце, месяц, звезды и земля. Она упала на хвост киту, который с тех пор ее и держит. Это напоминает не только «Голубиную книгу», но и научную теорию «большого взрыва». Последняя, однако, возникла лишь в 40—50-х гг. XX в. Не с пришельцами из космоса ли общались славянские волхвы? Или же перед нами еще один вариант мифа о мировом яйце?

Из многочисленных славянских легенд о создании мира и человека ниже приводятся полностью две, наиболее подробные: украинская из Галиции и русская из Тюменского края. Из других легенд приведены отрывки-варианты, сгруппированные по мотивам.

Украинская легенда

То еще Христа не было, только была синяя вода и белый камень, и Отец Предвечный на том камне себе отдыхал. Но раз грело солнце, и тень Божья была в воде. А Отец Предвечный говорит тени своей:

— Сатаянин (Сатанаил), выйди видным!

И он вышел и стал возле Отца Небесного, ибо он был создан ангелом от Бога. И сразу Бог шлет его в воду, в глубину, поскольку хочет мир основать, чтобы вынес земли. Говорит:

— Иди и скажи: «Беру землю во имя Господне».

Он пошел — а он уже сразу на зло решился — и говорит:

— Беру землю во имя свое.

Не вынес ничего.

— Почему так не сказал, как я велел: «Беру землю во имя Господне»?

— Я сказал.

— Неправда. А ну еще раз.

Он пошел и так же не вынес.

— Иди в третий раз и скажешь: «Беру землю во имя Господне».

Он пошел и со злости не сказал: «Беру землю во имя Господне», но сказал: «Беру землю во имя его». И вынес только под ногтями земли, и то Бог выскреб шпилькой,— может, того было с боб. И Пан Бог то благословил, и вышел кусочек земли. И сказал Бог Сатанаилу:

— Ляг немного да поспи где-нибудь.

— А как бы ты меня не провел,— он говорит Богу.

— Не бойся.

А сатана говорит:

— Ложись ты вперед.

Бог лег, да и не спит. А он только лег, да и заснул. А Бог землю благословил, и начала она расти во все стороны. А он вскочил: «Ого, уже меня провел!» Начал обваливать землю, думал, что обрушит в воду, и она снова опустится. И где упал, там теперь долинка на земле, а где поднимался так, что вверх лез, там теперь гора. Как уже появилась земля, и Пан Бог начал сажать сад. И где-то было пять зерен, и послал его Бог:

— Иди, принеси, будем сажать плоды.

Он принес четверо, а пятое спрятал под язык себе. А Бог спрашивает:

— А где еще пятое?

— Там не было.

— Как это не было, если имеешь его под языком?

А он вынул, говорит:

— Пускай это будет на распятие.

А Бог говорит:

— Пусть тебе будет на изгнание.

И сразу его заклял. И теперь, как перекрестят, он убежит за море. А до тех пор он креста не боялся.

Не хочет он Бога слушать, а Бог взял и обмакнул палец в воду, и махнул, и сделался святой Михаил. Ведь он и теперь ангел Михаил, не рожденный, только сотворенный. И спрашивает Сатанаил Бога:

— А на что Ты это сделал?

— Ну, на что, так ты Меня не хочешь слушать.

А он взял, да пригоршнями водой как набрызгал, и от этого столько сделалось нечистой силы, как травы. А Бог спрашивает:

— А ты что делаешь?

— Хе-хе! Буду с Тобой воевать.

А он, злой, себе уже сделал колесницу, ту, что гремит. Но Бог говорит:

— Кабы ты пошел еще померить глубину, глубоко ли где?

Он пошел и пробыл под водой, пробыл сорок дней. Но Бог так заморозил воду, на сто локтей лед стал. Но он догадался, что оставил на земле колесницу, и не дошел до дна воды, но начал возвращаться вверх за колесницей, ведь жаль ему, чтобы святой Михаил не отобрал. А Михаил уже ее взял. Ударил головой, как возвратился, в лед — лед больше чем на

сто саженей вверх взлетел. И он вышел на землю, говорит Богу:

— Теперь будем воевать!

А Бог говорит Михаилу:

— Подвигай оружием своим — ведь уже имеешь в руках то, что гремит.

И Михаил как загремел, как начал бить, и всех побил тех, кого он сделал из воды, только сам он прыгнул пану Богу под плечо:

— Ой, подари мне жизнь!

И Бог подарил ему, его не убил. И теперь у нас доныне так ведется, так как он из воды сделал злых, когда стряхивал, и теперь кто знает то, то есть грех, как помоет женщина остатки, чтобы так трясла, или как человек умоется и руками так машет.

Но Бог взял и сотворил Адама из глины и где-то к чему-то прислонил. Но он, чтоб ему, прибежал, увидел и потыкал пальцем. И теперь из-за того на человеке оспа бывает. И дохнул Бог духом на Адама, и оживил. Лег спать, а Бог вынул из него ребро, и сделалась женщина Ева. Он как проснулся, то аж испугался, так как один ложился. А архангел Михаил заявляет:

— Адам! То жена твоя Ева. Это вам целый мир будет.

И ничего не надо было делать там, дал Пан Бог рай Адаму и Еве, даже тело такое было, как теперь ноготь, то все такое было; не надо было ни одеваться, ничего. И теперь ни

у кого не мерзнут ногти. Но тот злой научился к Еве ходить. А Пан Бог взял и окружил огнем рай, чтобы он там не ходил. Он искал способа, как бы добраться до Евы, поскольку не мог выдержать без нее. И сделал себе трубу железную, просунул сквозь огонь, сделался как уж и через нее пробрался в рай. А Бог тогда взял его и проклял:

— Чтоб ты передвигался, пока свет стоит, на брюхе.

И они и доныне ползают, те гады, они и теперь таковы.

И он вошел в рай, и уже те плоды, что Пан Бог сажал, уродили. А на том, что он спрятал было под языком, самые прекрасные яблоки. А он спросил Адама:

— Почто не ешь те яблоки?

— Гм, пан Бог мне запретил есть с того дерева.

— Э, ему жалко. А ну, подожди, я пойду сорву.

Пошел, сорвал и дал Адаму одно и Еве одно. Ева откусила и проглотила, а Адам укусил, ангел позвал:

— Адам, уже согрешил!

А он схватился за яблоко, и тут [в шее] осталось, и доныне так у мужчины: баба проглотила, потому не имеет яблока.

Только Адам согрешил, уже нет тела, как ноготь, уже Адам стыдился тела. И дал Пан Бог Еве кудель прясть, а Адаму стульчик и лопату:

— На, ты пряди, а ты вокруг себя, сидя, копай, чтобы прожить

И Адам копал, и одно уже жито или еще что зреет, а другое всходит, а третье еще сеется. А Злой откуда-то прибежал:

— Что делаешь?

— Видишь,— говорит,— что ты мне наделал, что я должен копать.

— А почему копаешь сидя?

— Так Бог велел.

— Хе-хе! Я тебе не так посоветую. Встань, да стоя вскопай, да больше будешь иметь.

А она, женщина, отчего-то:

— Да он правду говорит. Встань.

Он встал, а ангел зовет:

— Адам! Работай, пока склонен, и все голоден будешь. А ты, женщина, детей без боли не выкормишь.

Уже проклял. И ныне так у нас, что мужчина пашет и сеет, или пан, или кто живущий, и такого нет, чтобы сказал: «Я уже сыт, не хочу». Разве все кабы больше. А баба и ныне такую муку с детьми терпит, что хуже нигде не может быть.

И так зашел тот злой около Евы провести время, и сделал ей такого ребенка, что имел двадцать четыре головы. И как закричал на восходе солнца, то слышно было аж на западе, где заходит. И Адам испугался того, не знал, что делать. А злой говорит:

— Не бойся, запиши мне, что будет по тебе. Я сделаю, что будет только один.

А Адам не знал, что по нем целый свет придет. И записал, что по нему будет, и он посчитал, что только одно осталось. И потому начал народ плодиться. И то шло долго. На-

чали люди умирать, и все идет к злому, а Богу нет ничего, ведь он [злой] закупил. Но Пан Бог дал на свете людям нивы всякие: жито, пшеницу, ячмень, но не знаю, что кому обещал. А злой говорит:

— А мне дашь что?

— Да дам тебе овес.

И злой идет себе, и говорит дорогой: «Овес, овес!». А баба подошла и спрашивает:

— Что вы, паночку, разговариваете?

Тот не хотел рассказывать ей, но сказал:

— Что-то мне пообещал Бог, и уже забыл я из-за тебя.

А Пан Бог был там, он понимал, и пожалел овса ему; ибо сказал:

— Будет тесно людям, и будут овес есть.

И ныне едят люди овес, которые беднее, только паны и евреи едят из жита паляницы; у нас то мелет на мельнице, а еще выше под горами — то в ступе толчет овес, месит паляницу и ест. Но он говорит бабе:

— А ну, не припомнишь ли, что мне Бог дал?

— Может, жито?

— Нет.

— А пшеницу?

— Нет.

— А ячмень?

— Нет.

— А боб?

— Нет.

Всякое зерно, что люди сеют, перечла и не угадала ничего.

— Может, зерно? (А зерном мы зовем овес.)

— Нет.

— То, может, осот?

— Осот, осот.

И ныне из-за этого родит в земле осот,— третья часть, а бывает и четвертая. Бог знает, от того или нет.

Но один раз уже Бог идет дорогой да и печалится. А он встретил его:

— Ты чего такой печальный? Они к себе не звали?

— А как бы,— говорит,— не было печали, люди родятся и умирают, и к тебе все, а ко мне ничего.

— Хе! Я закупил.

А Бог спрашивает:

— А где те записи?

— Ого-го! Далеко. В воде, в скале, в пещере

— А есть ли такой, чтобы те записи оттуда добыл?

— Хо-хо! Нет. Разве кто бы родился, и умер, и воскрес, тогда добыл бы.

[*Рождение и распятие Христа*] И тогда, когда Суса Христа распинали, умер на кресте и воскрес, записи те выплыли и сгорели в воде. А души в Царство [Небесное] шли из пекла трое суток.

(*Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Львів, 1902. (Етнографічний збірник. Т. 12). С. 5—8)

Русская легенда

Изначала веков ничего не было: ни неба, ни земли, ни человека, а была только вода, вода без конца и края и без дна, а поверх воды была тьма тьмущая — беспросветная тьма. И по этой воде плавал в лодочке Бог Салаоф [Саваоф]. Плыл однажды Бог Салаоф в лодочке и сплюнул на воду слюнку, и вот — в том месте, где он сплюнул слюнку, появился сам сатана Сатаниил, в человеческом образе. И как только сатана появился, так сейчас же вступил в разговоры с Богом, он сказал Богу:

Я — брат Твой. Возьми меня с Собою в лодочку.

В лодочке хватило места и для двоих, и потому Бог сказал сатане:

— Садись.

Сел сатана в лодочку вместе с Богом и поплыли дальше. Плыли-плыли, Бог и говорит сатане:

— Хочу Я сотворить землю. Нырни, сатана, в воду и достань оттуда земли

Сатана обернулся птицей гоголем и нырнул в воду. Но перед этим сатана не благословился у Бога, и потому труд его остался безуспешным.

Долго сатана гоголем погружался в воду, но все-таки не мог добраться до дна и не мог захватить земли, выбился сатана из сил, и вынырнул, и сказал Богу:

— Не мог я добраться до дна и не достал земли.

Тогда Бог опять сказал сатане:

— Ныряй второй раз и достань из воды земли.

Сатана оборотился птицей гагарой и вторично нырнул. Но и на этот раз он не благословился, и потому он опять не достал дна и не добыл земли, хотя и нырнул глубже прежнего. Вынырнул сатана из воды и сказал Богу:

— Не мог я достать земли и не мог добраться до дна, хотя нырнул куда как дальше прежнего.

Тогда Бог сказал сатане:

— Ты потому не можешь достать земли, что ныряешь не благословясь. Благословись у меня, тогда достанешь дно и принесешь земли. Ныряй в третий раз.

Сатана на этот раз благословился у Бога, а затем оборотился птицей соксуном (широконосой уткой) и нырнул в третий раз. На этот раз сатана без труда достал дна, забрал он себе в клюв земли, и принес ее Богу, и сказал:

— Вот я принес тебе земли.

— Давай сюда землю,— сказал Бог и взял землю из клюва птицы соксуна. Но сатана не всю землю передал Богу и небольшую часть ее утаил у себя в клюве. И думает сатана

— Сотворит Бог себе землю, а я увижу, как он это делает, и по его примеру сотворю свою особую землю.

Взял Бог землю и повелел из водной глубины явиться трем китам. И вот явились три кита, таких больших, что станешь на головы, так конца хвостов и не увидишь. Киты установились головами вместе, а хвостами в разные стороны. То-

гда Бог положил землю себе на ладонь, а другою ладонью стал мять землю и сдавливать ее. Мял-мял Бог землю и сделал из нее вроде небольшой круглой и совершенно ровной лепешки; эту лепешку-землю Бог положил на головы трех китов, и земля стала расти, росла-росла, и покрыла собою всех трех китов, и все продолжала расти. Трем китам стало уже не под силу держать землю, и тогда Бог повелел явиться из водной пучины еще четырем китам и держать землю. Явились четыре кита, сомкнулись они головами с первыми тремя, а хвостами раскинулись в разные стороны и стали держать землю. С того времени и до наших дней земля держится на семи китах.

В то время, как росла и ширилась земля на китах, росла и ширилась также земля, оставшаяся во рту у сатаны, так что сильно раздуло щеки у сатаны. Бог это заметил и спрашивает сатану:

— С чего это у тебя щеки-то раздуло?

И сатана должен был сознаться:

— Виноват! Прости, Господи: я утаил во рту немного земли.

— Выплевывай землю изо рта! — приказал Бог.

И сатана стал выплевывать землю. И там, где сатана плюнет, появляются всякие дикие и нечистые места — горы и овраги, лесные трущобы, кочки и болота. До этого же земля была ровна и чиста и во всех отношениях прекрасна. Так Бог сотворил землю и весь мир.

Когда творение земли завершилось, тогда Бог задумал отдохнуть. Вытащил он лодочку из воды на землю, перевернул ее вверх дном, а сам улегся около лодочки и скоро уснул крепким сном. Сатана при виде уснувшего Бога замыслил недоброе дело — он задумал погубить Бога. Сатана думал так: «Брошу я сонного Бога в воду и утоплю Его, и тогда земля будет моя и лодочка будет моя».

Взял сатана Бога и понес его к берегу. Но по мере приближения сатаны к воде, земля перед ним все росла и ширилась, а вода перед ним все убегала да убегала. Так сатана и не мог донести Бога до воды. Повернул тогда сатана в другую сторону и понес Бога к другому берегу земли, думал, не удастся ли бросить Бога с другого берега земли. Но и там повторилась та же история. Тогда сатана положил Бога на прежнее место, около лодочки, как будто бы он и не касался Бога.

Земля и поныне держится на семи китах и висит на воде. Земля продолжает расти и теперь, и когда она вырастет и увеличится настолько, что и семь китов не в состоянии будут держать ее,— тогда киты уйдут в воду; земля рассыплется и провалится в водные бездны. Тогда и наступит конец мира. Говорят, что это время уже недалеко.

(*Городцов П. А.* Западносибирские легенды о творении мира и борьбе духов // Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 51—53)

Варианты

Приводятся по изданиям: *Гнатюк В*. Указ. соч. Т. 1—2. (Етнографічний збірник. Т. 12, 13); *Городцов П*. Указ. соч.; *Эрбен К*. О славянской мифологии // Русская бесіда. 1857. Т. 4; *Драгоманов М*. Забележки върху славянските религиозно-етически легенди // Сборник за народни умотворения. 1892. Кн. 8; *Добровольский В. Н*. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии. 1891. Т. 20; *Радченко К. Ф*. Этюды по богомильству // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1910. Т. 15. № 4; *Вольтер Э. А*., *Вукичевич М. М*. Сербская легенда о двух царствах — Божьем и дьявола // Живая старина. 1915. Вып.1, 2; *Афанасьев А. Н*. Мифы, поверья и суеверия славян. М. — СПб., 2002. Т. 2; Міфи України. За книгою Г. Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». К., 2003; Легенди та перекази. Упор. та ком. А. Л. Іоаніді. К., 1985; *Jagic V*. Mytologische Skizzen. II // Archiv fur slavische Philologie. 1880. Bd. 1.

Бог и сатана

Сначала, то есть очень давно, не было ничего на свете, только одни воды. Но пока Господь Бог носился над водами, то на воде была очень большая пена, и из той пены что-то кричало:

— Кто даст мне руки и ноги, будет мне за побратима!

А Бог говорит: «Распобратима!» Тогда Бог сказал:

— Пусть будут у того, что в пене кричит, руки и ноги!

Так и стало. Тогда черт пришел к Богу, говорит: «Побратим!». А Бог говорит: «Распобратим!»

(*Гнатюк*. Т. 1. С.3, 4)

Как пан Бог сотворил мир и все сотворил, что на свете есть, и пришел к одной скале, и там в скале слышит, что кто-то царапается. И к нему обозвался:

— Кто там есть в той скале, что я обо всем знаю, а о том не знаю?

И сказал так:

— Эй, выходи! Что ты там за один?

А тот говорит так:

— Я отсюда не выйду, потому что я такой мерзкий,— говорит,— сопливый, рогатый, да я,— говорит,— не смею там показаться...

Но Бог ему сказал:

— Эй, выйди, Я тебя украшу

Ну и вышел, и Бог его украсил. Как Бог его украсил, тогда его взял на небо. И он был первым ангелом.

(*Гнатюк*. Т. 1. С. 16)

Земли не было, только море целое. На море была пена. Сверху, с воздуха падала роса. Из росы стал Дух — как Бог, от века до века. Из пены стал Ирод-черт, то его прислужник. Ирод, то первовечный, как Бог. Но Ирод не знает мыслей Божьих. Бог знает все замыслы Ирода. Ирод не знает мыслей человека, совести, пока не заговорит, а Бог знает все.

Ходили оба по морю. Но надо было говорить между собой. То Бог ему говорил: «Распобратим!». А он Богу: «Побратим!». <...>.

(*Гнатюк*. Т. 2. С. 217)

До сотворения мира ничего не было — не было ни неба с его светилами, ни земли, ни зверей, ни птиц, ни рыб, ни человека, а была только вода, пределов и глубины которой никто не знает. Воду окутывала тьма, а над этой тьмой по пространствам носились два духа: Святой, или Светлый дух,— Бог , и дух зла — сатана, только эти два духа и были извека в мире. Святой Дух и нечистый дух не вмешивались в существование друг друга и не входили ни в какое общение друг с другом, каждый существовал сам по себе.

Однажды Бог летел над тьмою и сквозь тьму увидел, что на воде плавает птица гоголь; удивился этому Святой Дух и думает: «Что это за птица и откуда она могла взяться, когда я еще не приступал к творению мира?»

Подлетел святой дух к птице и спрашивает:

— Что ты за птица и откуда ты явилась?

Гоголь на это отвечает:

— Я брат Твой.

— Какой же ты мой брат? — Вопросил опять Бог.

И гоголь ему на это ответил:

Ты от Свята Свят Дух, а я от зла зло и от злых дел Сатаниил.

(*Городцов*. С. 56—57)

Черт влез в лебедя и хотел Бога подбить под ноги (земли еще не было, а было все море, и по тому морю лебедь плавал — черт, и Бог ходил, он собирался землю творить).

Не удалось черту подбить Бога под ноги, и сам черт застрял в лебеде, не может из него выбраться.

— О Господи Боже, выпустите меня вон!— взмолился черт Богу.

— Достань песку со дна моря — тогда я тебя выпущу.

(Россия. Смоленская губ. *Добровольский*. С. 229)

Старые люди рассказывают, что когда-то в воздухе колыхалось что-то такое, вроде мяча-шара. Кто-то его толкнул, и он разорвался; полетели куски этого шара в разные стороны и образовались земля, солнце, месяц, звезды. Из одного куска образовалась земля, что мы на ней живем. Благодаря киту, который подставил свой хвост, задержалась наша земля, а то бы полетела в бездну. Этому киту долго лежать надоедает, и он начинает двигать хвостом, а земля начинает шевелиться.

(Украина. Полтавщина. *Иоаниди*. С. 39)

Как-то Иисус Христос и святой Петр, не имея работы, сидели и скучали. Вот святой Петр и говорит:

— Боже, поскольку Тебе нечего делать, то хоть сотвори теперь мир.

— Хорошо,— говорит Иисус Христос,— только нужно в таком случае позвать черта, чтобы достал из моря песку и синего камня; а то — как же Я Сам буду доставать?

(Украина. Подолия. *Булашев*. С. 64)

По досюльскому [изначальному] окиян-морю плавало два гоголя: первый бел гоголь, а второй черен гоголь. И теми двумя гоголями плавали Сам Господь Вседержитель и сатана.

(Россия. Заонежье. *Афанасьев*. С. 438)

Один раз, когда не было еще на свете ни земли, ничего, а была одна только вода, ходил Бог по той воде, и видит на ней пузырек из пены, что движется. Бог расковырял жезлом пузырек — да и вылез оттуда маленький черненький человечек с хвостом и рожками. Бог дал имя этому созданию — «Сатанаил» — и сказал ему:

— Идем за мной, будем вместе ходить.

(Украина. Подолия. *Булашев*. С. 53)

Не было ни земли, ни воды — ничего. Бог держался на крыльях ангелов, и троих посылал он в различные стороны, чтобы они исполняли то, что ему требовалось. Вот бог сказал:

— Пусть будет земля! — и стало так.

— Небо! — и стало так.

Послал Он четырех ангелов на четыре стороны света принести земли, чтобы насеять ее. Один из них возвеличился пред Господом и сказал, что для него это слишком легкая работа, он пойдет после других, а возвратится раньше их. Господь согласился. Вздумал тот пойти, а не может сдвинуться с места.

— А где сила, которую я тебе дал? — спрашивает Господь.

Разгневался Господь и сделал его «Аргосом». Стал ангел дьяволом.

(Македония. *Радченко*. С. 106)

Расширение земли

Господь сказал после Сатанаилу:

— Теперь,— сказал,— Сатанаиле, остается еще освятить землю; но пусть она растет, а мы отдохнем

— Хорошо, Боже,— сказал Сатанаил.

И легли отдыхать. Господь спит, а Сатанаил думает, как погубить Бога, чтобы захватить землю. Вот, схватил его и потащил к морю. Полдня тащил, а моря нет да нет; полночь настала — и нет моря. Тащил в четыре стороны света — нигде моря не нашел; видит, земля так выросла, что по краям достигла неба, какое уж там море! Увидел он, что не может ничего сделать, отнес Бога снова на прежнее место и сам лег возле него. Полежал немного и разбудил Бога:

— Встань,— говорит,— Боже, освятим землю!

А Бог ему сказал:

— Не твори козней, Сатанаиле! Моя земля освящена: я ее освятил в эту ночь на все четыре стороны.

(Украина. *Драгоманов*. С. 264)

— Как бы нам перекрестить мир? — говорит Иисус Христос.

— Я знаю как,— отозвался святой Петр.

— Ну, делай, как себе знаешь.

Святой Петр подозвал черта и говорит ему:

— Вези меня до той воды, которую видишь перед собою, а я тебе за это сделаю все, чего только тебе захочется.

— Хорошо,— говорит черт,— наделай мне помощников, потому что я сам не могу управиться в мире.

[*Расширение суши; создание чертей*]. А лучше всего сделал бы святой Петр, если бы обманул черта, потому что обмануть такую погань — совсем нет греха.

(Украина. Подолия. *Булашев*. С. 65)

[*Попытка Сатанаила утопить Бога*]. Положил он тогда Бога на землю и думает: «Земля эта тоненькая, как скорлупа: вот выкопаю яму, докопаюсь до самой воды, да и кину туда Бога». Копал он, копал, аж пока совсем не обессилел, вспотел весь и выкопал глубочайшую яму, но до воды так и не докопался (вот почему на свете Божьем так много земли, и вот почему она такая толстая: это ее черт набегал, желая сжить со света Бога). Тем временем Бог проснулся да и говорит:

Вот видишь теперь, какой ты бессильный сравнительно со Мной — ничего не можешь сделать со Мной, как бы не хотел того: земля и вода покоряются Мне — Тому, Кто их сотворил, а не тебе. А в том, что из-за тебя земля стала такой большой, нет еще плохого. Я населю ее разными людьми

и тварями, а яма, которую ты только что выкопал, понадобится для тебя самого под пекло.

(Украина. Подолия. *Булашев.* С. 55)

Создание неба

Земля была сотворена, и на ней обитали люди, птицы и звери, а в водах рыбы. Но неба еще не было и не было небесных светил: солнца, луны и звезд. Но вот явился сатана к Богу и сказал Ему:

— Сотворили мы землю и человека, а над головою-то ничего нет — надо сотворить небо.

Бог сотворил небо — и засияли на нем солнце, луна и звезды. И на этом небе Бог решил жить и поставить свой престол. Сатане стало завидно, что Бог устроил для себя такое красивое жилище на небесах, и задумал сатана устроить для себя такое же небесное жилище, только повыше Бога. Сотворил и сатана себе небо выше первого, и на этом втором небе сатана устроил свое жилище и поставил свой престол. Тогда Бог сотворил третье небо, выше второго, и перенес свое жилище и престол. Сатане не охота уступить Богу, и все-то ему хочется быть повыше Бога: Сатана устроил четвертое небо. Бог устроил пятое небо, а сатана — шестое небо, выше пятого. Тогда Бог запретил сатане, а сам построил седьмое, самое высокое и последнее небо. <...>. Сначала все шло хорошо

и мирно: Бог обитал на седьмом небе, а сатана на шестом, друг другу они не мешали и жили всяк сам по себе.

(Россия. Тюменский уезд. *Городцов*. С. 58, 59)

Создание животных, растений, культурных благ

<...> Тогда черт взялся мастерить: сделал черт колесо для воза, но без отверстия, а Бог сказал:

— Сделай отверстие.

Он сделал отверстие и сложил воз. Сделал топор без топорища. Бог сказал:

— Сделай топорище.

Он сделал и рубил дрова. А сделал хату без окон. Бог сказал:

— Сделай окна!

Он сделал окна, и стало в хате видно.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 1. С. 3, 4)

Когда Бог начал творить всякие народы, то налепил шляхты из теста, а русина вылепил из глины. Налепил, да и поставил на солнце, чтобы сохли. Как-то забежал туда пес, то русина не трогал, поскольку тот глиняный, а шляхту из теста всю съел. Тогда Бог приказал ангелу взять пса за уши и бить о деревья. Ударил ангел псом о вербу — из пса выскочил шляхтич Вербицкий; ударил о бук — выскочил Буковский; ударил об явор — выскочил Яворский, и т. д.

(*Гнатюк*. Т. 1. С. 24)

Сначала, когда Бог сотворил всякое дерево, то не было дерева прекраснее смереки — такая простая и гладкая. А дидько, чтоб он силы не имел, позавидовал, пришел ночью, да и позабивал гвоздей, а из них сделались у смереки сучки. То-то чертова работа. Не раз руби смереку — сверху гладкая, веток нет, а внутри сук такой твердый, как гвоздь.

А кака пан Бог творил мир, то дидько все смотрел сбоку и все похвалялся:

— О, я еще и не такое сумею сотворить!

Пан Бог слушал, слушал, да и говорит:

— А ну, сотвори хоть самого маленького зверя![1]

— Э, что там самого маленького! Я такого сотворю, что Тебя съест.

Взялся дидько лепить зверя, лепил-лепил, клепал-клепал, да и склепал волка. Склепал, да что, если волк неживой! А дидько стал да все на того волка:

— А ну, волчок, а ну, куси Бога!

А волк стоит, не двинется. Смотрел пан Бог, смотрел на ту работу, а потом говорит:

— А ну, волчок, а ну, куси дидька!

Как вскочит волк, да за дидьком! Дидько в ноги, волк за ним. Дидько видит, что беда, да и начал взбираться на ольху. Волк за ним! Уже вот-вот должен был его догнать — только одну пятку ему откусил. То с тех пор волки расплодились по свету. Дидько остался без пятки, а ольху Дидькова кровь облила, потому она такая красная.

(Украина. Галиция. *Иоаниди*. С. 77)

Говорят, аист — из человека. Бог всех гадов в мешок собрал и дает человеку:

— На этот мешок,— говорит Бог человеку,— отнесешь к морю и брось его в воду. Только как будешь нести, то не развязывай и не смотри в мешок, неси себе, чтобы и не знал ты, что там есть.

Идет тот человек с мешком к морю — хочется посмотреть: «Как это можно, буду нести на себе и чтобы я не знал, что я несу. Чего там бояться?»

Загляну.

Распустил тот мешок, гады и полезли, и полезли из него. А Бог и говорит тому человеку:

— Не хотел меня слушать, пустил ты гадов повсюду. Иди же да собирай.

Вот тогда и стал тот человек аистом.

(Украина. *Иоаниди*. С. 79)

Когда еще Пан Бог сотворял людей, то сам овчарил. Овцы слушались Пана Бога: куда Он только свистнет, туда они идут. А коз не было тогда еще на свете. Но приходит к Пану Богу черт да и говорит:

— Дай мне, Боженька, немного овец! У тебя такое стадо, а у меня и одной овечки нет!

Тогда отделил Пан Бог черту немного овец. Пришлось черту перегонять своих овец с пастбища на пастбище. Овцы пугались и разбегались перед ним во все стороны. Не мог се-

бе бедный черт справиться с ними и разозлился на них очень: начал их хватать за хвосты и стаскивать вместе; а что овцы очень вырывались, то пообрывал и позадирал им хвосты. И так из овец сделались козы, и потому у них такие куцые и задранные хвосты. Козы — это чертовы овцы. Да и все обличье у них как у черта: и рога, и борода такая, как у черта. А пуглива и упряма коза с тех пор, как черта испугалась.

(Украина. Галиция *Иоаниди*. С. 91)

Порча человека чертом

Думал Господь: «Что ж, я сотворил небо и землю — нужно сотворить людей!».

Сотворил Бог Адама и отлучился, потому что был недосток материала (для дальнейшего творения). Боясь, что агтел[44] осквернит сотворенного человека, Господь сотворил «абаку» и приставил караулить Адама:

— Не пускай никого к этому человеку, покуда Я не приду!

Является агтел:

— Пусти меня, абака, к Адаму!

Абака гремит.

— Пусти меня, а то я тебя заморожу!

Дьявол напустил холода на абаку, а абака (он был голый и очень холода боялся) согнулся и стал дрожать.

— Пусти меня: тебе шубу дам!

Абака допустил дьявола к человеку, за то его дьявол шерстью покрыл.

(От того, что абака Божьего повеления ослушался, его в церковь Божью не допускают, а кошку (она в этом не повинна) запирают частенько в церкви мышей ловить. С тех-то пор абака прозывается уж не «абака», а «собака»).

А сатана удалился, только обхаркал, оплевал, обгадил человека.

Приходит Господь.

— Что, абака, согрешил ты? Откуда на тебе такая шерсть?

— Господи, виновен я перед Тобою: смутил меня сатана.

Дьявол случился поблизости.

— Как ты смел, дьявол, человека смущать?

— Не извольте, Господи, беспокоиться: я сделал хорошо.

— Как так?

— Возьмите скверну с этого человека и выверните ее вовнутрь. Если от внутренней нечистоты сделается у него кашель, то он, кашляя, сперва на Вас подумает и Вас помянет: «Ах, Господи, какой кашель!» Ну, как плюнет, потом ногою разотрет: «Тьфу, нечистая сила ко мне привязалась!» Как черт посоветовал, так Бог и сделал. Потому черт говорил: «Если Адам будет здоров, то и о Вас, Господи, и обо мне он позабудет». С тех пор у человека бывает кашель.

(Россия. Смоленская губ. *Добровольский*. С. 230, 231)

Первородный грех

Пан Бог слепил Адама и Еву из глины и говорит:

— Ходите себе по раю, но только бы не согрешили.

А они оба были голые и все тело имели роговое, как наши ногти. А Ева подошла к Адаму да и соблазнила его, ибо женщина-то умеет не хуже мужчины соблазнять. Адам распалился и пошел с ней спать, и так согрешил. То пан Бог не яблоко запретил ему есть, то только детям так говорится. Пан Бог говорил им другого греха не творить.

Адам, как согрешил, спрятался за дерево, потому что устыдился, а пан Бог говорит:

— Иди сюда, иди, не стыдись! Видишь, сотворил грех!

И у Адама исчезла та кожа роговая, только осталась на ногтях на память. Адам сорвал лопух и прикрыл грешное тело. Говорит ему пан Бог:

— На же тебе, Адам, лопату и мотыгу, зарабатывай на хлеба кусок!

А Еву пан Бог взял да и выгнал из рая, и из нее сделалось дерево — ива. Видите, какая она крепкая! А ну, ломай ее сколько хочешь, то не сломаешь, потому что живая.

Пошел Адам, работает-работает — нет ничего ни за ним, ни перед ним. Аж где-то в полдень принес ему ангел-сторож еды. Говорит ему Адам:

— Что такое, что я работаю-работаю, а нет ничего ни за мной, ни передо мной?

Говорит ему ангел:

— Ты скажи, как начинаешь работать: «Господи, помогай мне!»

И с тех пор так ему все велось, что и сосчитать нельзя было того, что Адам вскопал.

Но Адаму было очень грустно. Пришел к нему Пан Бог да и говорит:

— Грустно тебе, Адам? Жаль тебе жены? А видишь, говорил Я тебе: «Не твори греха!»

Адам лег спать, а Пан Бог пришел, вынул одно ребро у Адама да и сделал из него ему жену. Он просыпается, а уже жену имеет. То вы, мужчины, из глины, а мы, женщины, то уже из вашего ребра.

Жили они себе, работали на хлеб и имели семь сыновей и восемь дочерей. Значит, то не грех, когда брат с сестрой живет, ибо если в начале света не был грех, то и теперь не грех. А одна дочь не имела пары, и была между братьями, и имела детей. То от нее происходят те гулящие девки, что пары не имеют.

(Украина. Галиция. *Иоаниди*. С. 46, 47)

Договор с чертом Адама (Бога)

А черт пришел к Адаму и говорит:

— Подари мне то, что всего милее, а чего не знаешь

А Адам говорит:

— Бери.

Да и подписался Адам и с мизинного пальца кровью запечатал, а черт пошел да в Черное море под белый камень спрятал. Да тогда черт сделал плуг, запряг коней. Да и дал

Адаму, чтобы Адам пахал. То правда, что Адам много пахал, когда он подписался за свои поколения, что должен их себе черт брать.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 1. С. 3, 4)

Родила Ева ребенка, что имел двенадцать голов: звери, псы, волки, кони, разные звери были, и одна голова детская. Пришел дьявол, говорит: «Запиши мне тех людей, что из потомства произойдут». И она ему записала.

(*Гнатюк*. Т. 1. С. 22)

После того Бог создал из грязи человека, от которого размножилось по земле много народа; а когда начали умирать, Господь позвал дьявола и предложил ему жить вместе. Дьавол согласился с таким уговором: живые люди будут Господа, а мертвые — его. Господь согласился с этим, а чтобы люди умирали нескоро, сделал так, что они жили по двести и по триста лет.

Много времени спустя, когда увидел Бог, что мертвых стало больше, чем живых, а Диавол имеет людей много больше него, то захотел разрушить договор, а не знал как. Ради того спрашивал некоторых из своих людей, как то Авраама, Моисея и Иосифа, спрашивал и ангелов, но никто не мог ему посоветовать, как разрушить тот договор. Стали расспрашивать о том дьявола, и один из Господнего народа его спросил:

— Некогда заключили договор с Господом, что живые люди его, а мертвые твои. Может ли Господь разрушить тот договор?

— Сам Господь не может,— ответил дьявол,— а Его Сын может, если только сделаешь, чтобы у Него родился Сын от Духа Его, а не как рождаются другие люди.

Когда рассказали то Господу, он стал думать: «Как можно, чтобы от одного Духа Моего родился Сын мне на земле перед всем светом!». Думал, думал, и не мог надумать. Из-за того сам один раз спросил дьявола:

— Как могу Я сделать, чтобы родился Мне Сын от одного Духа Моего?

— Очень легко,— ответил ему дьявол: «Возьми один цветок василька, положи его за пазуху, и проспи с ним одну ночь, когда надумаешь, что желаешь, чтобы у Тебя родился Сын от Духа Божьего. И потом, когда встанешь, передашь его благочестивой, целомудренной Марии, сестре Иордана. Пусть она его понюхает,— и станет беременной».

(Болгария. *Драгоманов*. С. 259, 260)

Нечистый дух стал просить Господа:

— Дай Ты мне людей!

Господь посоветовал сходить к Адаму.

— Адам, дайте мне людей! — говорит он [нечистый], придя к Адаму.

Адам сам себе думает: «Отдать малолетнего — он будет мне в пользу; отдать мне старого — сам стар буду; отдать мне мертвого — на что мне тот мертвый? Помер, так и помер».

Адам отдает нечистому духу мертвых. Господь является к Адаму:

— Отдал народ?

— Отдал, Господи!

— Каких же ты отдал?

— Мертвых, Господи!

— Ну, неужели сам помирать не будешь?

— Господи, согрешил я пред Тобою.

— Да, ошибся, Адаме.

(Россия. Смоленская губ. *Добровольский*. С. 240, 241)

Свержение сатаны с небес

Рассердился [черт] и сказал:

— Побратим! Теперь будем вести войну. Я имею великую силу на земле и не хочу Тебя иметь союзником. Будет война.

Вот что его утешило — как Бог размножил в своем царстве ангелов, то они согрешили, взбунтовались, а Бог приказал архистратигу Михаилу сбросить их с неба. Одни попадали на скалы, на леса, на воду, так все разбились, да и пропали, но много упало на землю мягкую, на подол, то все были его и стали чертями. Имел от них великую помощь. Он себе против Бога наделал тогда ружей, пушек, таких, что теперь есть

всякие для войны выдумки, то он уже тогда знал. Думал, Бог не знает, что он делает, Он думал, что Бог имеет царство, пусть идет себе туда, а его земля, потому что он на ней силу имеет. И сделали себе плац, как теперь цари. Он стал со своей силой, а Бог пришел с палицей, на тот плац, где они вызвались. Говорит Богу:

— Побратим! Вот теперь мы двое развяжемся.

Стало его войско наготове. А Бог сказал Илье блеснуть. Блеснуло! Так он забыл про войско, в глазах ему потемнело. По Божьему слову второй раз Илья блеснул! Страху лишь нагнал. По третьему Божьему слову Илья как блеснул, как загремело, земля задрожала. Илья пустил шар с огнем, все его войско сгорело, он вверх, аж онемел! Илья так выстрелил, что земля едва не разверзлась, потрескалась, но он и Бог, только двое, остались. Беду первовечную таки не убил. Бог упал на правое колено, припал одним коленом к земле. Тогда Бог сказал Илье:

— Одну руку и одну ногу отныне тебе для стрельбы замыкаю до конца света. Тогда будет тебе другая рука и другая нога для грома открыта, как будет конец света.

Ведь и теперь Илья бьет громами, что аж земля не раз держит. Но он не все бьет в целую силу, но с одной руки, в половину силы. А как будет конец света, то так ударит громами, что земля рассыплется и сгорит. А то, что сгорит, то чистилище земли будет из его крови.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 2. С. 219)

В начале всех веков сатана, иначе Сатаниил,— и вся его темная сила, сила дьявольская,— были светлыми духами, ангелами и служили самому Богу, причем сам Сатаниил был любимцем Бога и стоял к Богу ближе, чем остальные ангелы и архангелы: Сатаниил был верховным воеводой и архистратигом всех небесных сил. Но так продолжалось недолго. Сатана возгордился своим могуществом и блеском и не хотел более признавать над собою ничьей власти, он задумал свергнуть с неба Самого Бога и сделатьтся единственным владыкой неба и всего мира. Но не вдруг объявил себя сатана врагом неба, он долгое время таил в себе свои гордые замыслы. Сатана поднял восстание и воздвиг гонение против Бога и его небесных сил вот по какому поводу.

Однажды Бог призвал к Себе все свои небесные силы — ангелов и архангелов; явился пред лицо Бога и сатана. Бог сказал ангелам:

— Придет время, и родится истинный Христос, Он будет всем богам бог и всем царям царь, и все вы должны будете ему поклониться и покориться.

Услышал сатана эти слова, и возмутился, и сказал:

— Какой еще там Христос? И почему это мы — духи — должны кланяться рожденному? Сегодня один Христос родится, а завтра другой Христос родится,— и все будут выше нас? Не бывать этому! Не можем мы быть ниже Христа.

Так сатана отложился от Бога и увлек за собою множество ангелов.

Когда сатана увидел, что за ним последовала добрая половина ангелов и архангелов, то он задумал напасть на Бога, свергнуть Его с неба и самому сделаться богом. Собрал сатана все свои войска и повел их войной на Бога. Бог обитал тогда на первом небе,— а всех небес было сотворено богом двенадцать. Сатана со своими войсками напал на Бога и прогнал Его с первого неба,— и Бог со всеми своими силами перебрался на второе небо и туда же перенес свой престол. Но сатана напал на Бога и во втором небе и оттуда прогнал Его на третье небо.

Так сатана последовательно гнал Бога с неба на небо, все выше и выше,— и согнал Его на последнее двенадцатое небо. Утвердил Бог свой престол на двенадцатом небе и окружил себя своими небесными силами. А сатана поставил свой трон на одиннадцатом небе и окружил себя своими дьявольскими силами. Сатана окружил себя и весь свой стан чрезвычайным блеском, а свой трон он сделал из золота, серебра и каменьев самоцветных. Собрал Бог все свои небесные силы и послал их на одиннадцатое небо, чтобы прогнать оттуда сатану и его воинство. Но небесные силы ничего не могли сделать: сатана окружил себя и все свое воинство таким холодом и таким морозом, что дух захватывает, небесные силы не только не смогли вступить в бой с силами сатаны, а даже на близкое расстояние к вражеской стоянке подойти не могли. Бились-бились ангелы, да так ничего и не добились и лишь

понапрасну ознобили себе руки и ноги. Вернулись ангелы к Богу и говорят Ему:

— Мы не могли ничего поделать с дьявольскими силами: весь стан сатаны окружен таким холодом и морозом, что мы и на версту не могли подойти к нему, лишь напрасно ознобили себе руки и ноги».

На второй день Бог опять послал свои воинства против сатаны, но сатана окружил себя и свой стан еще большим холодом и морозом. Опять ангелы вернулись ни с чем и объявили Богу о своей неудаче.

На третий день Бог призвал самого сильного и самого храброго архангела Михаила и сказал ему:

— Мой верный и храбрый архангел Михаил! Отныне Я ставлю тебя верховным воеводой и архистратигом всех Моих небесных сил, облекаю тебя силою необычайною и дарую тебе власть повелевать грозными тучами, громом и молнией. Иди и порази сатану и всю его дьявольскую силу, сокруши трон и весь стан сатаны и низвергни с неба всех дьяволов.

Так архангел Михаил сделался воеводой и архистратигом всех небесных сил.

Встал архангел Михаил, затрубил в свою золотую трубу и собрал к себе все небесные силы, и повел их войной на сатану. Повел Михаил свое воинство на одиннадцатое небо, но подступить к вражескому стану не мог даже на несколько верст: сатана и вся его дьявольская сила окружили себя холодом и морозом пуще прежнего. Тогда архангел Михаил опять

затрубил в свою золотую трубу — и вот появилась на небе черная грозная туча. Навел архангел Михаил тучу прямо на вражеский стан, а затем архангел схватил молнию и бросил ее прямо в трон сатаны. Блеснула великая молния и ударила в трон сатаны с такою силою и с таким громом, что основания земли и неба поколебались: молния вдребезги разбила трон сатаны. Схватил архангел Михаил другую молнию, еще больше прежней, и направил ее против самого сатаны. Со страшным громом молния ударила сатану, и низринула его с неба, и стремглав полетел сатана вниз. Тогда архангел Михаил взял третью молнию и пустил ее на весь дьявольский стан. С ужасным громом молния грянула на стан врагов и на все сатанинское воинство и с силой поразила их. Стремглав полетели все дьяволы с неба вниз, вслед за сатаной.

Бросились небесные силы и принялись поражать бегущих врагов. Тридцать дней и тридцать ночей летел сатана и его войско с неба, и наконец все они упали на землю, где кто попал. Так бесы скрылись от ангелов. Те бесы, которые упали в воды — в моря, реки и озера,— стали водяными. Те, которые упали в леса и болота,— стали лешими; которые упали в подполье — стали домовыми и суседками, а те, которые упали в овины и бани,— стали овинниками и банниками.

До своего падения с неба и до поражения от руки архангела Михаила сатана и все его дьяволы носили еще светлый образ небесных ангелов и имели прекрасный вид. После же этого сатана и все дьяволы получили страшный и отвратительный вид: телеса их стали черны и покрылись шерстью,

на головах у них выросли рога, за спиной у них появились хвосты, а на ногах выросли копыта.

(Россия. Тюменский уезд. *Городцов*. С. 53—56)

Собрал сатана бесчисленные полчища своих черных духов-дьяволов, поставил над ними главным начальником и воеводой своего надежного и верного слугу старого черта Кривого Ерахту и повел свои войска против Бога. Бог также собрал все свои небесные воинства и поставил над ними начальником своего возлюбленного ангела Михаила. Отправляя свои воинства на брань с сатаною, Бог призвал Михаила и сказал ему: «Миша, Я ставлю тебя начальником над всеми своими воинствами, пойди и хорошенько проучи сатану и усмири его гордыню».

Михаил повел свои войска на сатану. Но сатана окружил свою стоянку огненной стеной, и не может Михаил со своими воинами подойти к сатане на близкое расстояние: всех их жжет и палит огнем и пламенем. Сколько ни старался Михаил, но так и не мог подойти к стоянке сатаны и не мог завязать с ним бой.

[*Михаил дважды безуспешно атакует стан сатаны.*]

Тогда Бог разгневался на сатану гневом великим и сказал Михаилу:

— Будь ты, Михаил,— Ил, архангел и воевода всех моих небесных сил! Иди и именем моим сокруши сатану и сверзи его со всеми дьяволами с неба.

Таким образом, Бог наложил на Михаила новое высшее звание, в роде как повысил его в чине, облек его особыми полномочиями и даровал ему великую власть и несокрушимую силу.

На третий день Михаил, уже облеченный званием архангела и снабженный особыми полномочиями, опять повел свои войска на сатану и на его лагерь. Опять сатана стал жечь ангелов огнем и пламенем, но на этот раз огонь уже не действовал и не вредил ангелам. Сошлись небесные воинства грудь с грудью с полчищами сатаны — и началась жестокая война и беспощадный бой. Ангелы и бесы поражали друг друга мечами и копьями. Долго длился бой с равным успехом. Но вот архангел Михаил наконец достиг до самого сатаны, напал на него и своим огненным мечом нанес сатане страшный удар. От удара меча архангела раздался сильный гром и посыпались искры, словно молнии. Основания земли и неба поколебались. Не выдержал сатана удара и стремглав полетел с неба вниз, а за ним посыпались и полетели все его дьяволы. Сатана и все его бесы пали на землю. В том месте на земле, где пал сатана со своими дьяволами, потекла огненная река.

Долго лежали сатана и его слуги-дьяволы в огненной реке и долго они не могли оправиться от нанесенного им поражения. Наконец, с течением времени, бесы очувствовались, отдохнули и пришли в себя. <...> Призвал сатана своего любимца, верного слугу и главного воеводу старого черта Кривого Ерахту и сказал ему:

— Ерахта, пойди вон к тому большому камню, что лежит на берегу огненной реки, бей его кулаком наотмашь и при всяком ударе приговаривай: «Аггел! Аггел! Аггел!» При каждом твоем ударе будут выходить бесы,— ты наделай таких бесов как можно больше, чтобы составить огромное войско для войны с Богом.

<...> Увидел Бог дела Ерахты Кривого и проник в злые замыслы сатаны, и запретил Бог сатане и Ерахте, и не стали из-под кулака Ерахты появляться аггелы. Так сатана и не мог увеличить своих сил, а с наличными силами он не осмелился вступить в бой с небесными воинствами. С того времени сатана уже не вел войны с Богом и не пытался устроить свое жилище на небесах, он примирился со своим положением и стал со всеми своими аггелами жить в огненной реке.

Огненная река, по Божьему велению, с поверхности земли провалилась в преисподнюю земли, и там она течет до сих пор и будет течь вечно. В ней помещается ад, в котором будут мучиться грешники после их смерти.

(Россия. Тюменский уезд. *Городцов*. С. 60—61)

После того Бог пошел на небо, обратившись к Сатанаилу:

— Иди и ты со Мной.

Но поскольку у Сатанаила не было крыльев, то он и не мог лететь за Богом на небо. Тогда Бог приладил ему шесть крыльев, и он взлетел на небо.

Долго ли, недолго ли жили они на небе, только Сатанаил так выслужился перед Богом, что Бог подарил ему золотую корону на голову. Как-то Богу нужно было куда-то пойти на какое-то время, и Он оставил на небе управлять всем Сатанаила, приказав ему, когда послать на землю дождь, когда ветер, когда град, когда тепло; а тогда добавил:

— Если тебе одному скучно будет, то вот тебе горшок с водой: обмакнешь в него палец, кропнешь — и из этой капли сделается такой же точно, как ты, и тогда уже не будешь скучать, потому что будет с кем развлечься.

[*Создание бесов*]. Тогда Сатанаил думает себе: «Вот теперь я царь так царь; есть у меня свое войско, есть у меня свои слуги, есть у меня свое царство. Теперь я уже никого не боюсь и Бога на небо не пущу, а буду править тут сам». И вот Сатанаил приказал своим слугам, чтобы они поставили ему царский престол. Через какое-то время престол был готов. Сатанаил взобрался на престол, расселся и говорит своему войску, чтобы оно внимательно следило, когда Бог будет лететь назад на небо, и не пустило бы его. А Бог тем временем побывал там, где ему надо было, и летит назад на небо. Вдруг видит: на небе тьма-тьмущая маленьких человечков и каждый в него бросает — тот камнем, тот деревяшкой, тот грязью — кто чем попало. А сатана напялил на голову подаренную ему Богом корону и управляет ними, чтобы преграждали Богу дорогу и не пускали его на небо. Однако Бог все же взлетел на небо и, очень разгневанный на Сатанаила, про-

клял его, взял жезл, толкнул им поставленный Сатанаиловыми слугами престол — и тот престол вместе с Сатанаилом и всеми его слугами свалился на землю. Бог сказал: «Аминь!» И кого этот «аминь» где застал в воздухе, когда он падал на землю и не успел еще долететь до нее, то и остался висеть там до Страшного суда. И ныне, когда кто-то из людей идет или едет и заденет головой или чем другим висящего в воздухе слугу сатаны, в ту же минуту в этого человека непременно и вцепится «блуд», и он собьется с дороги. Вот почему те, кто проходит или проезжает, сбиваются с дороги («блудят»).

(Украина. Подолия. *Булашев*. С. 55—57)

Похищение ценности у черта

Он [черт] очень рассердился, что он что ни сделает, то все плохо, и искал на Господа сети. Начал черт строить хату в двадцать метров. Стена из одного железа, да в землю очень много закопал, так сильно, что и сам бы не вылез из той хаты. А как ее доделал, то пошел с Богом и святым Михаилом по земле. А черт имел очень красивые ризы. А Бог говорит Михаилу, чтобы Михаил взял те ризы, когда будут купаться. А Михаил святой говорит черту:

— Идем купаться.

Черт говорит:

— Идем!

Черт снял ризы и говорит:

— А ну, идем!

А Михаил говорит:

— Иди вперед, ты знаешь.

А черт только прыг в воду, а Михаил ухватил те ризы и убежал. А Бог сто метров лед положил, чтобы черт не ел больше хлеба. А Михаил уже был очень далеко. А черт добрался до льда и не мог выйти. А он как пошел на тридевятую землю, а оттуда как разогнался, то еще сто метров пробил, да и говорит:

— Ты молодец, но и я молодец!

А как увидел, что риз нет, а он за Михаилом как полетел, да и хотел Михаила поймать. А Михаил крикнул:

— Боже! Уже меня черт ловит

А Бог говорит:

— Имеешь меч, защищайся!

А Михаил как махнул мечом, то от черта одни крылья отпали и к Михаилу приросли. А черт снова вовсю летит. А Михаил говорит:

— Боже! Черт ловит.

А Бог говорит:

— Имеешь меч, защищайся!

Михаил как махнул мечом, а то и другие крылья отпали, да к Михаилу приросли, да и убежал Михаил, потому что имел 6 крыльев, а черт только одни.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 1. С. 3, 4)

Черт украл с неба солнце и убежал с ним на землю; там он воткнул его на копье и носил с собою на плечах. И послал Бог ангела своего на землю отнять солнце у черта. Ангел присоединился к черту и всюду ходил с ним; наконец, они пришли к морю. Тут черт бросил копье с солнцем на берегу, и они пошли вместе купаться. Во время купанья ангел сказал:

— Станем нырять, кто глубже.

Черт сказал:

— Опустись ты.

Ангел опустился на самое дно и, в доказательство того, принес в зубах морского песку. Пришла очередь нырять черту. Но он боялся, чтобы тем временем ангел не унес у него солнца; он плюнул на землю, и из слюны его сделалась сорока, которой черт приказал стеречь солнце, пока он не вернется. Когда черт опустился в море, ангел сделал рукою над морем крестное знамение, и море замерзло толщиною в девять локтей. Потом он схватил солнце и убежал с ним на небо, и в это самое время начала кричать сорока. черт, услышав крик сороки, спешил вернуться назад, но, видя, что ему не пробраться сквозь лед, снова пошел на дно морское, достал большой камень, пробил им лед и пустился догонять ангела.

(Сербия. *Эрбен*. С. 102, 103)

Оно так было. Приходит дидько (черт) к Богу и говорит ему:

— Боже, что же дивного, что Тебя люди слушаются и Тебе молятся, когда Ты их разным добром одаряешь? Поз-

воль мне светом править хоть неделю, то увидишь, что они про Тебя и забудут!

— Хорошо,— говорит ему Бог,— правь!

Ну, начал же дидько гулять! Что может выдумать худшего, то на людей и насылает. Не помогает то ничего: люди, как назло ему, еще больше теснятся к Богу. «Подожди,— думает дидько,— заберу у вас огонь, тогда вы должны будете мне поклониться!» Собрав все в кучу, что только может гореть, поджег и ходит вокруг да сторожит, чтобы никто хоть для люльки не украл.

Бедствуют люди да и руки ломают, Богу молятся да просят, чтобы такое лихо прошло. Выслушал Бог людей, да и зовет святого Петра и говорит ему:

— Петр, голубь, как бы ты, сердце, украл огонь у дидька?!

— Что ж, Боже, украсть, то и украсть, но как?!

— Ох, Петр, голубь, на что ж Я тебя лысым сотворил, да еще святым поставил, чтобы ты не увмел дидька обмануть? Иди к кузнецу, сделай себе железную палку, да и раскали ее около дидькова огня: после, если чего коснешься той палкой, то в том огонь и останется! Иди же, голубь, и не мешкай, потому что люди плачут.

— Ну, что ж, идти, так идти,— говорит Петр.

Да и пошел. Сделав железную палку, приходит Петр к дидьку. Поздоровался, начинают себе говорить. А тем временем Петр все подгребает огонь, будто помогает дидьку. А после, заговорившись, сунул палку в огонь и, на нее опершись, сто-

ит да и ждет, чтобы она раскалилась. А потом, как увидел, что палка побелела уже:

— Ну,— говорит,— будь здоров, сват, пора мне идти!

— Иди,— говорит Дидько,— будь здоров! А чем это ты так себе палку намазал?

А Петр и не знает, что сказать: туда-сюда, да нет глупых — и в ноги... Дидько за ним — догадался... Петр не убежит, дидько не догонит... Видит Бог с неба, что уже палка остывает, да и кричит:

— Ударь, Петр, в камень!

Петр как ударит горячим железом о камень, то огонь в камне и остался. И вот теперь, видишь, как ударишь железом в кремень, то огонь и посыплется.

(Украина. Галиция. *Иоаниди*. С. 44)

Среди всех ангелов Бог особенно полюбил одного и дал ему имя Миха; этому Михе Он велел бдительно следить за Сатанаилом и всячески мешать ему творить людям зло. Вот стал Миха сладить за Сатанаилом. Следил, следил, но успеха не достиг особенного, поскольку у Сатанаила было шесть крыльев, а у Михи только два, потому сатана постоянно убегал от Михи. Тогда Миха заявил Богу, что он ничего не может сделать с Сатанаилом <...>. При этом Миха попросил Бога, чтобы Бог отобрал подаренную Сатанаилу золотую корону и отдал бы ее ему. Бог сказал на это Михе:

— В таком случае отправляйся на землю, разыщи Сатанаила, подружись с ним и пригласи его в глубокое море купаться. Перед тем, как будете купаться, побейся об заклад, кто дальше просидит под водой, и корда на третий уже раз Сатанаил нырнет, то быстрее выходи на берег, возьми Сатанаилову корону и беги на небо: а я тем временем заморожу море, так что пока Сатанаил пробьется из-под льда, ты успеешь убежать с короной.

[*Похищение Михой короны.*] Вот сатанаил уже совсем недалеко, вот-вот догонит Миху; тут как раз на небе появился Бог и бросил Михе огромный огненный меч, говоря:

— Бери, защищайся!

Миха поймал на лету меч, а Сатанаил уже возле него, хочет забрать корону. Тогда Миха взмахнул мечом и отсек у Сатанаила с одной стороны три крыла, а сам скорей дальше бежать. Сатанаил, как подстреленный, с отсеченными крыльями, так камнем и полетел вниз и ударился оземь. Тогда Бог отделил от имени Сатанаила слог «ил» и прибавил его к имени ангела своего Михи, вследствие чего Сатанаила стали звать просто сатана, а Миху — Михаил.

(Украина. Подолия. *Булашев.* С.58)

Так как Бог сам никак не мог нарушить договора с нечистым и не мог сам додуматься, каким образом отнять у него царство, то послал к дьяволу ангела, чтобы он ему служил и испытывал, как бы это можно было сделать.

[*Ангел, затем вол, овца и другие животные тщетно пытаются узнать секрет дьявола.*] В конце концов Господь Бог послал к нему пчелу. Пчела поступила к дьяволу на службу и так ему верно и преданно служила три года, что он остался ею вполне доволен и, по истечении трехгодичного срока, выразил желание, чтобы она ему служила и далее. По истечении второго трехлетия нечистый предложил ей еще остаться на три года. Пчела согласилась, но при этом заметила ему:

— Я служила тебе верно и буду служить, но боюсь, чтобы Бог не отнял у нас царства.

При этих словах дьявол насторожился, посмотрел на нее таким острым взглядом, который каждого на ее месте смутил бы, но пчелка притворилась такой тихой и такой невинной, что дьяволу показалось, что тут нечего ему бояться, но все же тоном довольно сердитым он сказал ей:

— Этого быть не может, так как Бог имеет свое царство, я же — свое; по нашему договору Он — господин своего царства, я же — своего; Ему нечего добиваться у меня, равно как я у Него ничего не добиваюсь, да и не нужно мне от Него ничего. Что же касается того, что мое царство больше Его, в этом я не виноват, ибо, когда мы творили человека, сам же Он сказал, что так будет, и это так было и будет впредь.

Пчела на это ничего не ответила, а продолжала и дальше служить нечистому как можно лучше и старалась во всем угождать ему. Дьявол был ею так доволен, что смотрел на нее, как на что-то свое родное. Когда кончилось и третье

трехлетие, пчелка опять вздумала напомнить дьяволу о своей боязни, как бы у них Господь не отнял царства, чтобы его как-нибудь испытать. Раз во время обеда, прислуживая ему как и всегда, очень преданно, сказала ему перед тем, как он, нечистый, собрался лечь отдохнуть:

— Государь, не сердись на меня, что я тебе опять напоминаю, но все же боюсь я, как бы у нас Господь Бог каким-либо образом не отнял царства.

Дьявол же, будучи уверен, что пчелка ему во всем верна, возразил ей на это:

— Сам же Господь Бог, согласно нашему договору, никогда не может отнять у меня царство, я же и в будущем буду поступать с людскими душами, как мне захочется, ибо они близки моему сердцу, хотя и не моего рода. Но если бы Господь Бог получил сына, который не был бы рожден, как другие люди, то тот мог бы у меня отнять царство, ибо мой договор, обязывающий Господа, не действителен для его сына.

Сказав это, дьявол ушел спать, пчелка же осталась работать как всегда. Когда дьявол крепко уснул, пчелка развернула свои крылья и «з-з-з»... полетела из темного вилаета [царства], вышла на белый свет и направилась к небесам. Жужжание пчелки разбудило дьявола, и когда тот посмотрел, то увидел, что пчелки нет. Он почувствовал, что тут что-то неладно, сейчас же взял крылья, надел на себя и полетел изо всех сил за пчелкой. Когда дьявол полетел из своего нечистого двора, то пчелка прошла уже через двери, которые отделяют темный

вилает от белого света. И когда дьявол достиг этих дверей, то пчелка была уже у дверей первых небес. Тогда дьявол напряг все свои нечистые силы и направился, как только мог скорее за пчелкой, чтобы ее догнать. И достиг ее у дверей седьмых небес, захватил ее своими когтями, разорвал на две части и бросил. Нижняя часть тела пчелки упала через семь небес на землю, а голова и крылья, издыхая, достигли престола Господня, и только что успев сказать: «Когда получишь сына», упали мертвыми у пьедестала престола Божьего. Тогда Господь прислал ангелов, чтобы отыскать на земле другие части тела пчелки. Когда их нашли и принесли, Господь взял обе половины, плюнул и приклеил их так, что пчелка осталась на середине тела тонкой, как нитка, а потом возвратил ей душу. Когда пчелка посмотрела на себя и увидала, как она посредине тонка, как будто перерезана, зарыдала и сказала Господу:

— Господи, Господи, куда же я такая уродливая пойду к подругам своим и с ними вместе поживу?

Господь ей на это ответил:

— Не плачь, пчелка моя, утешь себя тем, что в память твоей верной службы мне и в память твоих страданий весь твой род и все насекомые — муравьи, осы, шершни, шмели и бабочки — будут посредине такими же тонкими, как и ты теперь.

(Сербия. *Вольтер, Вукичевич*. С. 109—111)

Было два брата: Господь и Ягудия-бог, еврейский король. Ягудия отнял у Господа солнце, землю и все и еще договорился с Господом, что ему будут принадлежать мертвые, а Господу живые. Таким образом, все по смерти становились Ягудиевыми и адовыми. Увидел Господь, что так не может быть, послал архангела на землю, чтобы у Ягудии-бога выведать тайну. Пошел архангел с Ягудией гулять по земле, остановились они в одном месте, наелись, напились. Архангел и говорит Ягудии:

— Как тут всего в изобилии! Боюсь только, чтобы кто-либо не лишил нас этих благ.

Ягудия возразил на это:

— Кто лишит? Это все мое.

Долго вел архангел подобный разговор. И вот за третьим разом Ягудия открыл тайну, что отнять землю у него может только племянник. Тотчас архангел взмахнул крыльями и полетел. Ягудия погнался за ним, но не мог его догнать, только успел вырвать из ноги кусок мяса. [Рождение Христа].

(Босния. *Радченко*. С. 107, 108)

Давно, как только основалась земля, Бог дружил с чертом. Черт владел громом, а Бог небом. Черт своим громом приносил всем большой вред. Поэтому Бог задумал отнять у черта гром. С этой целью он сошел на землю и стал ходить по ней. А у черта земли не было: он плавал по воде в пене.

[Черт ныряет за землей, тем временам архангел Гавриил похищает гром.] <...>

(Украина. *Радченко.* С. 74, 75)

Был Дабог царем на земле, а Господь Бог — на небесах. Договорились они на том: грешные души людей пусть идут Дабогу, а праведные души — Господу Богу на небеса. Долго так продолжалось. Когда стало Господу Богу жаль, что много Дабог сверх меры душ пожирает, стал думать, как бы силу Дабога укротить. Убить его не мог — ведь Дабог (Господи, прости) был силен, как и Господь Бог на небесах, и не было пути договор разрушить. Наконец послал святого Фому к Дабогу, чтобы у него выведать, чем бы можно его силу уменьшить. Святой Фома сошел на землю к Дабогу и однажды его выспрашивал, пока не узнал: его силу укротить никак нельзя, ведь так цари договорились; но если бы у Господа Бога Сын родился, Он бы мог взять свое наследство. Как услышал то святой Фома, сразу поспешил к Господу Богу и сказал ему по порядку все, что услышал от Дабога. И Господь Бог зачал Сына. Когда Дабог услышал, что у Господа Бога зачат и родился Сын и уже идет за своим наследством, то от тяжкой ярости разинул пасть так, что одна челюсть скребла по земле, а другая в небо упиралась, как бы и Сына Божьего не пожрал. Но ему Сын Божий не дал даже двинуться; ударил его копьем, и направил копье, и верхнюю челюсть на копье наколол. И как тогда Сын Божий копьем че-

люсти распер, так стоит и ныне, и будет стоять вечно, аминь. А все грешные души, которые Дабог с незапамятных времен пожрал, вышли из уст его и пошли с Сыном к Господу на небеса.

(Сербия. *Jagic*. S.11, 12)

Сковывание черта

Тогда черт говорит Богу:

— Идем, побратим, в мою хату!

А Бог говорит:

— Идем, распобратим!

Пришли они к той хате, а черт:

— А ну иди, побратим, в хату

А Бог говорит:

— Иди ты, распобратим!

А черт вошел в хату, Бог благословил, и двери заперлись. Тогда черт как потряс их и заревел, то стали горы и долины. И черт говорит:

— Когда я, Господи, отсюда выйду?

А Бог говорит:

Когда дети не будут за буханками ходить и как смерека не будет зеленеть, тогда ты выйдешь отсюда

А с тех пор Бог сбросил ангелов, которые зовутся дьяволами, в пекло. <...>.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 1. С. 3, 4)

Не мог сатана прийти с Богом к ладу, к концу. Пошел к кузнецам, сказал, чтобы сделали цепи с разными зацепками, и принес к Богу, и сказал:

Надень эту цепь, будем пробовать, кто будет сильнее, тот ее порвет, я или Ты.

А как сатана надел, сказал Бог:

— Сиди, сатана, скованный, покуда свет и солнце!

А он заставил двоих своих чертяк, чтобы ту цепь перерезали пилой, чтобы его выпустили. И они стали резать. Как месяц старый, то так цепь перережут, что только едва держится. А как месяц новый, то и цепь новая, и не могут ее перерезать никогда. Режут его целый год, так его перережут за целый год, что едва держится, а как настанет новый год, то и цепь еще толще, чем была. А будет спущен при самом конце света.

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 1. С. 14).

С тех пор сатана сделался злейшим врагом Михаила и стал придумывать, как бы захватить его и что бы ему устроить, какой бы каре подвергнуть за то, что он его обездолил: отнял корону и отсек крылья. Вот сатана выкопал глубокую яму в земле и закопал в ту яму нарочно вылитый с этой целью огромный и толстый чугунный столб, приделал к столбу несколько цепей: для шеи, для рук, для ног — и так прочно все сделал, что если бы кого приковать к тому столбу теми цепями, то он бы до конца света с них не сорвался. Когда сатана

окончил все эти приготовления, то надел на себя те цепи, приковал себя ними к столбу и попробовал, крепко ли стоит столб. Как дернул сатана, то земля содрогнулась, а столб и не пошатнулся. Тогда сатана снял с себя цепи и говорит:

— Когда попадешь в мои руки теперь, ненавистный Михаил, то не вырвешься больше от меня из этой темницы! Как бы там ни было, а я все-таки тебя поймаю и засажу сюда!

Когда смотрит, проходит мимо него какой-то старенький дедок.

— Здравствуйте, паночку!

— Добрый день, дед!

— А что это вы соорудили, паночку?

— Тюрьму такую, дед.

— Какая же это тюрьма? Я что-то не могу понять.

— Какой же ты недогадливый! Иди-ка, становись сюда — я тебя закую, то и увидишь.

Дедок стал. Сатана надел на него все те цепи и запер. Но поскольку дедок был старенький и худенький, то он легко постепенно освободил из оков то руку, то ногу, так что ничего не выходило. Тогда сатана сказал:

— Вылезай-ка отсюда, дед; ты старый и очень худой для этой тюрьмы, а я ее соорудил для такого славного казака, как сам. Смотри, как я влезу в цепи, то на мне будет хорошо.

Сатана надел на себя оковы, сам их приладил, позапирал и спрашивает:

— А что, дед, хорошо? А?

— Аминь! — изрек дед.

В тот же миг все железо слилось, сковалось вместе само собою, и сатана остался в нем вековать до суда Божьего. А дедок был не кто иной, как Сам Бог.

После этого видит сатана, что он пропал — в ту беду, которую готовил для другого, попал сам, — созвал всех своих слуг и велел им грызть железо, чтобы освободить его из неволи. И грызут черти то железо целый год до Святого Великодня [Пасхи], уже остается им совсем мало грызть, чтобы освободить своего Люцифера, иногда бывают годы, когда — не больше дюйма; но как только священник возгласит в церкви на Великдень: «Христос воскрес!» — в тот же миг железо, которое они грызли, становится таким же толстым, как и было,— словно нарастает. Они снова начинают его грызть; грызут, грызут — остается только перекусить; но приходит Великдень, и оно снова вдвое нарастает.

(Украина. Подолия. *Булашев*. С. 59, 60)

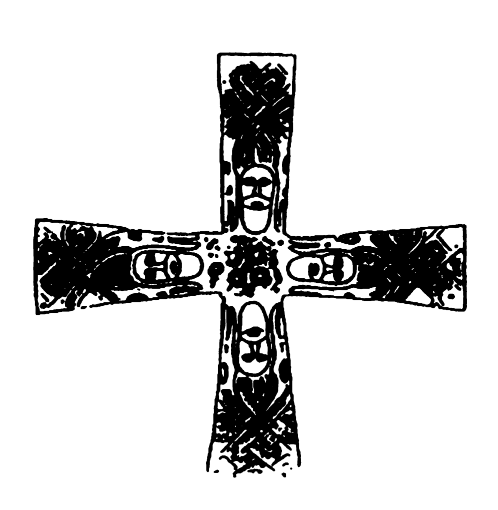
Конец света

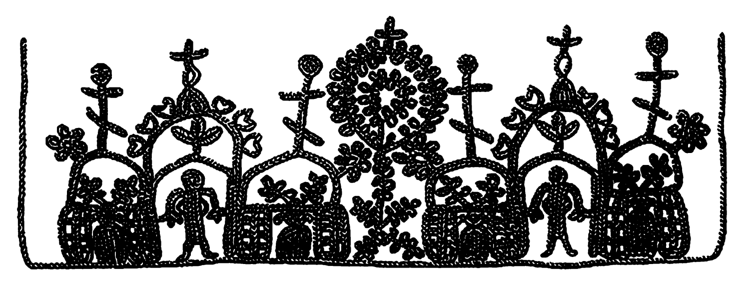
За полтрети года перед концом света сорвется тот скованный Гаргон и Илья сойдет на землю. <...>. Два года будут они оба ходить по этому свету и не встретятся раньше чем через полгода. Гаргон тогда будет уговаривать, чтобы люди не верили Илье. Тогда будет голод, люди будут падать от голода, умирать. Он будет возить питье и еду. Кто будет есть у него и пить, тот будет его. Илья будет говорить людям:

— Потерпите, будете избавлены; как умрете, будете счастливы; лишь бы отважились не есть!

В том полугодии встретятся с Ильей. Гаргон убьет Илью, зарежет на этой земле, а тогда настанет темнота с 6-го до 9-го часа <...>. От той крови свет займется и перегорит земля, гром загремит, земля затрясется, мертвые воскреснут! Тогда явятся четыре ангела, на четыре части света затрубят в трубы и на этот звук встанут мертвые. Гаргон пойдет в свой рай (где пекло; народ построил и сам его расширяет и сужает); он рыкает как лев. [*Страшный суд.*] Тогда переполох сделается, упадет солнце, месяц, заря, станет темнота, а никто не знает, что потом!

(Украина. Галиция. *Гнатюк*. Т. 2. С. 253)

Мир земной и мир иной в русских заговорах

Испокон веков русские люди прибегали к чарам и колдовским заговорам по самым различным поводам. Привлечь к себе любимого человека; «отсушить» нежеланную любовь; не дать расстроить свадьбу. Излечить болезнь (например, запой). Отыскать клад. Защитить урожай от мороза и засухи, а скотину — от зверя; обеспечить удачу в охоте, рыбной ловле, пчеловодстве и иных занятиях. Сберечь себя на войне; избежать гнева судей и других власть имущих. Сладить с лешими и домовыми; изгнать бесов и т. д. С особыми заговорами ложились спать и вставали. Был заговор просто «на добрые дела». Многие, однако, искали чар для дел злых. Навести на своего ближнего болезнь или порчу; рассорить близких людей; испортить охоту и т. д. Колдовали как профессионалы —

волхвы, ведуны, ведьмы, так и обычные люди. Всех соблазняла возможность сотворить чудо, всего лишь произнеся несколько фраз. Лишь бы только «слово знать»! Считали, что от малейшей ошибки заклятие может не подействовать. И тем не менее постоянно изменяли и дополняли старинные заговоры, сочиняли новые. Но и эти заклятия создавались по старинным схемам, сохраняли множество древних образов и верований.

С приходом христианства над всеми чародеями нависла угроза пыток и костра. Наведение порчи на царя или царскую семью считалось опаснейшим государственным преступлением. Но веры в силу чар от этого не убавилось, тем более что сами церковники признавали эту силу за своими конкурентами-волхвами. Да и какая разница между заговором на урожай и молебном о даровании плодов земных? Вопреки всем карам и увещеваниям заговоры продолжали заучивать, переписывать, сочинять. А для защиты от гонений чародеи прибегли ко все той же «перекодировке». Заменил в заговоре имена богов на имена Христа и святых — и вот уже он не заговор, а благочестивая молитва. Против заговоров Церковь оказалась бессильной, как и против духовных стихов, апокрифов, колядок, легенд.

Заклинатели ставили перед собой самые приземленные, узко практические, порой низменные цели. Казалось бы, какое отношение могут иметь заговоры к проблемам создания и устройства мира? Призови на помощь божество или духа,

либо колдуй по принципу: «Подобное рождает подобное» («У мертвеца зубы не болят, чтобы и у меня не болели») — вот и готово заклинание. Но так строятся лишь самые простые заговоры. Чародейство — занятие не простое, а сакральное, священное. Наибольшей же священной, магической силой обладает все то, что связано с космосом. То есть с созданием и устройством всего мира, с его священным центром. Вот почему в заговорах таится целый мир космологических образов, древних, как само славянское язычество.

Заговорам разных славянских народов посвящено целое море публикаций, по большей части чисто академических. Обобщать их — задача для большого научного исследования. Здесь мы ограничиваемся в основном материалом одного, зато едва ли не самого обширного и основательного сборника. Это изданные в 1869 г. в «Записках» отделения этнографии Русского географического общества «Великорусские заклинания» Л. Майкова, обобщившего множество архивных материалов и публикаций своих предшественников. Использованы также некоторые материалы из сборников, изданных в конце XIX — начале XX в. Н. Н. Виноградовым и В. Н. Добровольским.

Классический русский заговор описывает воображаемые действия заклинателя, его путешествие в некое сакральное место. Путешествие это сродни шаманскому, хотя проходит оно «в горизонтальной плоскости»: чародей идет пешком, не возносясь в верхний мир и не спускаясь в нижний. В кон-

це пути он, однако, встречается с божествами и демонами, обитающими в этих мирах. Это и значит — попасть в центр Вселенной, где соединяются все три мира.

В начале говорится, как заклинатель встает, молится, умывается, выходит через двери и ворота. Зачем описывать такие обычные действия? Именно затем, что они обычны для нормального, благочестивого человека. И идет он всегда на восток, в самую священную сторону под свет солнца, месяца и звезд. В случае же злого колдовства все обстоит наоборот: колдун не молится, не умывается, выходит не дверями, а дымовым отверстием, собачьим лазом и идет на север или запад, в проклятое место, в дьявольское болото, на ледяной остров. Тем самым доказывая нечисти, к которой взывает, что он ей сродни. По народным представлениям, ведьма или колдун, продавая душу черту, отрекались не только от Бога, но и от светил небесных и отца с матерью. Такова была инициация славянских черных шаманов. Добрые же чародеи посылали нечистую силу как раз в те места, где люди не живут — в леса, болота и т. д.

Три мира могут разворачиваться не только по вертикали, но и по горизонтали. Вспомним сибирских шаманов, для которых плыть по шаманской реке вверх, на юг означало попасть в верхний мир. А двигаясь по ней вниз, на север, шаман достигал нижнего мира, царства смерти. У славянских же волхвов путь на восток ведет на небо, к добрым богам и светилам. А противоположный путь — в преисподнюю к нечисти.

Покинув дом, заклинатель идет чистым полем. Нередко священное место в нем и лежит. Чаще же — в поморье, на берегу Океана-моря (Черного моря) или за ним — на острове Буяне (Кургане). В конце пути чародей видит разные сакральные объекты. Это может может быть белый камень Алатырь; гора (белокаменная или Сионская), дерево (дуб, береза, кипарис, «карколист»), куст (терновый или ракитовый), столб, лестница, изба, церковь (иногда — св. Климента), престол, гробница, Волотов курган... Кое-что уже знакомо нам по «Голубиной книге»: Океан, Алатырь, церковь Климента на море, кипарис, Волот. Все это — символы либо центра мира (камень, церковь, гробница), либо мировой оси (дерево, гора, столб, лестница). Не случайно, например, береза растет вверх корнями (как шаманское Мировое Дерево), а на столбе сидит божество. Объекты могут сочетаться: престол в церкви или на камне, дерево рядом с камнем и т. д. Нередко объекты оказываются металлическими, особенно из благородных металлов: железный дом с серебряными воротами, золотое море, золотой корабль и т.п. Это — знак принадлежности к иному миру, верхнему или нижнему. Там все священное, прочное, вечное.

Иногда на Алатыре сидит злое божество (сатана, Соломея). Алатырь — центр Вселенной, соединяющий три мира, так что может на него взобраться и хозяин преисподней.

В заговорах от укуса змеи описывается дерево, под которым лежит руно, а под ним — змея. Это очень напоминает

греческий миф о золотом руне, висевшем на дереве под охраной дракона. Хетты вешали на дерево шкуру жертвенного барана, осетины — козла. В основе здесь — общеиндоевропейский миф о змее, лежащем под Мировым Деревом в гнезде из овечьей шерсти.

Даже коротенькие заговоры от зубной боли носят космический характер. В них выступают представители всех трех миров (месяц, заяц или медведь, рыба), а также Алатырь и Мировое Дерево (дуб). А перед сном русский человек просил в заклинании-молитве прощения у царя водяного, земляного и небесного (космического Рода-Белбога) и у всех небесных светил.

На объекте (в нем, под ним) обитает божество. Его и просит заклинатель о помощи либо уподобляет ему то, чего хочет добиться в земном мире. Этим божеством может быть Христос, Богоматерь, святые Егорий, Козьма-Демьян, Николай, Антипа и др. Может показаться, что сочиняли заговоры благочестивейшие христиане. Но вместо Богоматери часто появляется и даже отождествляется с ней красная Заря-девица. Обитают в священном центре также вечерняя заря, мать сыра земля, царь-огонь, царь-гром с царицей-молнией, братья-ветры, а еще Стратим-птица, лев-зверь, огненный змей и другие зверобоги. Зорям и ветрам часто даются христианские имена.

Часто появляются некие безымянные персонажи: золотой муж с золотыми стрелами, златоволосый молодец с золотым

топором, старый матерый муж, рубящий топором дуб, семьдесят семь кузнецов, триста железных всадников-лучников и т. д. Нетрудно узнать в них языческих богов — Даждьбога, Перуна с его небесной дружиной, помощников Сварога. А веселый бог Ярила, белый всадник, является то святым Егорием, то белым мужем Жубрилой. Христос, Богоматерь, святые усердно стреляют из луков в болезни и прочую нечисть, зашивают раны, загоняют дичь и т.п. Четверо святых висят на Мировом Дереве, как Один на Иггдрасиле. Все это взято отнюдь не из евангелий или житий. А вот евангельский Христос-целитель в заговорах практически не появляется. Все эти христианские персонажи — явно лишь маски славянских богов.

Обильно представлены в заговорах злые божества: сатана, «толстая баба, сатанина угодница», царица Соломея с двенадцатью дочерьми-лихорадками, повелитель семьдесят семь ветров Страх-Рах. Здесь опять-таки узнаются языческие Чернобог, Яга, Стрибог. Заклиналась и нечисть рангом пониже: сестры-змеи (наделенные христианскими именами), всяческие бесы, вихри, три тоски и др. Весьма популярен был заговор, в котором Сисинний или иной святой изгоняет вышедших из моря двенадцать лихорадок-трясавиц. Заговор этот пришел из Византии, но славянам нетрудно было сблизить греческих демониц с чертовками-болотницами.

В одном заговоре «старая матерая жена» с золотой ступой, сидящая в пещере-вертепе, молится Христу и Богомате-

ри, дабы привлечь к заклинателю любимую женщину. Легко узнать в этой пещерной жительнице Бабу-Ягу. Поистине могучи были славянские волхвы, если могли заставить даже эту зловредную богиню смерти служить делу любви и светлым богам! Злые колдуны, однако, предпочитали не усмирять нечисть, а идти к ней на поклон, отрекаясь от всего светлого и доброго. Не Матерь Ладу (Богоматерь) же просить, например, рассорить влюбленных или расстроить свадьбу! Порой заговор начинается как «белый», а заканчивается как «черный»: неумелый или неразборчивый в средствах колдун идет, благословясь, на восток поклониться Соломее.

Если заклинатель хочет оградить магической защитой себя, свое стадо, свадебный поезд и т. д., он также прибегает к силам космическим, связанным со всей Вселенной. Одевает себя всеми стихиями и светилами — облаками, зарей, солнцем, звездами. Делает части своего тела металлическими (что напоминает иранский миф о происхождении металлов из тела первочеловека Гайомарда). То есть уподобляется космическому гиганту. Или сооружает железный тын, непременно от земли до неба, а сверху еще и небо булатное или медное.

Оканчивая заклятие, чародей обычно запирает его на ключ, а ключ посылает в нижний мир — к мифологической рыбе (киту, щуке) или Морскому царю.

Заговор сочиняется не для того, чтобы излагать историю создания мира. Но элементы космогонического мифа в нем порой можно проследить. Упоминается, например, время, ко-

гда небо было медное, а земля железная и бесплодная. (В греческом мифе медное небо кует Гефест.) Или описывается, как Богородица выпустила все воды мира из-под Алатыря; как Егорий рассекает Алатырь на четыре части и распускает по всему миру животных. В других заговорах фигурируют четыре священных камня в четырех морях. Егорий же в духовных стихах, как мы увидим ниже, выступает устроителем мира. Иногда Алатырь рассекают злые демоны, чтобы извлечь из него огонь.

Знать, как возник и устроен мир, и применять это знание в магических целях — это и означало у славян быть волхвом. Прочитать заговор мог всякий. Но составить его мог лишь «слово знающий».

Русские заговоры

Заговоры или отрывки из них приводятся по изданиям: *Майков Л.* Великорусские заклинания // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. 1869. Т. 2; *Виноградов Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. Вып. 1—2; 1908. Вып.1; 1909. Вып.4; *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1.(Записки Русского географического общества по отделению этнографии. 1891. Т. 20.)

При каждом заговоре (отрывке) указывается его номер в сборнике, а либо, при отсутствии номера — соответстующая страница).

Господи Боже, благослови Христос! Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверь-

ми, со двора в ворота, в чистое поле. В чистом поле, в зеленых кустах, в поморье стоит вертеп; в том вертепе сидит матерая жена на золотом стуле между троих дверей. Молюся я, раб Божий (имя рек), до ней: «Ты старая матерая жена, тебе дано от Господа и от Пресвятыя Богородицы ведати меня, раба Божия (имя рек). Адамов закон, Евину любовь вложи желанное сердце рабе Божией (имя рек) по мне, рабе Божием (имя рек). И тут старая матерая жена милостивая, милосердая, золота ступа, покидает шелковой кужелек, веретенцо серебряное, молится Христу Царю Небесному, Богородице, Матери Царице, закладывает желанное сердце рабе Божией (имя рек).

(*Майков.* № 11)

Встану я, раб Божий (имя рек), и пойду из дверей дверьми, из ворот воротами, под восток, под восточную сторону, под светлый месяц, под луну Господню, к тому синему морю, синему Окияну-морю. У того у синего моря лежит бел Алатр-камень; под тем под белым Алатром-камнем лежат три доски, а под теми досками три тоски тоскучие, три рыды рыдучие. Подойду я близехонько, поклонюся низехонько. «Вставайте вы, матушки три тоски тоскучие, три рыды рыдучие, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя рек) девицу, разжигайте ее во дни, во ночи и в полуночи, при утренней заре и при вечерней».

(*Майков.* № 14)

Не молясь ложуся спать и не перекрестившись, встану не благословясь, пойду из двери в двери в трое двери, из ворот в ворота в трое ворота, в чистые поля. На море на Окияне, на острове на Буяне стоят три кузницы. Куют кузнецы на четырех станках. Бес Салчак, не куй белого железа, а прикуй доброго молодца (или красную девицу) кожею, телом, сердцем, (такими-то глазами и кудрями). <...>. Ключ — небо, замок — земля.

(*Майков.* № 16)

Встану, раба Божия (имя рек), благословясь и пойду перехрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в востошну сторону, под утренню зорю, под красное солнце, под млад месяц, под частые ярые звезды. Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменна; из этой горы белокаменной бегут три ключа горючие и кипучие; у этих ключей горючих и кипучих стоит истинный Христос со ангилями и с архангилями, со всей силой небесною; всяк их убоится.

(*Майков.* № 17)

Стану я, раб Божий (имя рек), пойду из дверей во двери, из дверей в ворота, в востошную сторону, на Окиан-море; на том море стоит остров, на том острове стоит столб, на этом столбу сидят семьдесят семь братьев; они куют стрелы булатные день и ночь; скажу я им тихонько: «Дайте мне, семьдесят семь братьев, стрелу, которая всех пыльче и легче». Стре-

люю этою стрелою в рабу Божию, девицу (имя рек), в левую титьку, легкие и печень, чтобы она горевала и тосковала денно, ношно и полуношно, не заедала и не запивала. Заключаю замком крепким, и ключ в воду.

(*Майков*. № 21)

Встану не благословясь, пойду не перекрестясь в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени, Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе (имя рек).

(*Майков*. № 23)

Восстану я, раб (имя рек), и пойду из избы не во двери, со двора не в вороты и пойду я не в восток, не в восточную сторону. Не в востоке, не в восточной стороне есть Окиан-море, на том Окиане-море лежит колода дубовая, на той на колоде, на той на дубовой, сидит Страх-Рах. Я этому Страху-Раху поклонюсь и помолюсь: «Создай мне, Страх-Рах, семьдесят семь ветров семьдесят семь вихорев; ветер полуденный, ветер полуночный, ветер суходушный, которые леса сушили, крошили темные леса, зелены травы, быстрые реки; и так бы сушилась, крушилась обо мне, об рабе (имя рек), раба (имя рек). И пойду я не в восток, не в восточную сторону, на заднее крыльцо, в подымное окно, под гнилое бойное

дерево, пойду не дорогой, а стороной, мышьей норой, собачьей тропой; идет мне навстречу рабу раба, ударю ее по ретивому сердцу, и распорю я ее белу грудь, и напущу на нее тоску тоскущую, кручину кручинскую; <...>; запру я эту тоску тоскущую, кручину кручинскую ключами и замками; брошу я ключи и замки в Окиан-море. Есть в Окиане-море Златырь камень, под тем под Златырем-камнем стоит щука-калуга, ключи и замки подхватила; никто эту щуку-калугу не может изловить ни неводами, ни нережками, ни мелкими ловушками <...>.

(*Майков*. № 25)

Восстану я, раб (имя рек) на зоре, на утренней, на восходе солнышка, на закате месяца и на покрытие звезд, и пойду я, раб, за белой брагой, за девичьей красотой, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле, путем и дорогою, и приду я, раб, к Черному морю, и встану я, раб, на морской берег, и посмотрю я, раб, в морскую пучину, и увижу в той морской пучине лежащий белый Латырь-камень; на том белом Латыре-камне сидящую царицу, Ирода-царя, во имя Соломию. У той царицы есть тридевять слуг и тридевять прислужников и тридевять верных раб и двенадцать дочерей: Огнея, Гнетея, Злобея, Ломея, Пухлея, Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лепчея, Сухота и Невея. И поклонюся я тебе, раб: «О мати, царица Соломия, наведи своих тридевять слуг и тридевять прислужников и тридевять верных рабов

и всех своих двенадцать дочерей с пилами, с терпугами, с могучими и сильными, большими молотами, и с вострыми великими булатными мечами, и прикажи всем своим тридевять слугам и тридевять прислужникам и тридевять верным рабам и всем своим двенадцати дочерям разбить и распилить сей белый Латырь-камень и вынять из сего белого Латыря-камня палящий и гулящий огонь; и прикажи зажечь смолевые пучки, и прикажи идти со всеми огнями, со всеми пучками к рабе в ясные очи, в черные брови <...>.

(*Майков.* № 28)

На море на Окияне, на острове на Буяне стоит столб; на том столбе стоит дубовая гробница; в ней лежит красная девица, тоска-чаровница; кровь у нее не разгорается, ноженьки не подымаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Так бы и у (имя рек) сердце бы не сокрушалося, кровь бы не разгоралася, сама бы не убивалася, в тоску не вдавалася. Аминь.

(*Майков.* № 32)

Стану я, раб Божий (имя рек), не благословясь и пойду не перекрестясь из избы не дверьми, из ворот не в ворота; выйду подпольным бревном и дымным окном, в чистое поле. В чистом поле лежит река черна, по той реке черной ездит черт с чертовкой, а водяной с водяновкой, на одном челне не сидят, и в одно весло не гребут, одной думы не думают и со-

вет не советуют. Так бы раб Божий (имя рек) с рабой Божьей (имя рек) на одной бы лавке не сидели, ни в одно окно бы не глядели, одной бы думы не думали, одного бы совета не советовали. Собака бела, кошка сера — один змеиный дух. Ключ и замок моим словам.

(*Майков.* № 33)

Встану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студеной ключевой водою, утрусь тонким полотенцем; оболокусь я оболоками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и освечусь я красным солнышком. Огражду вокруг меня и дружины моей с ослятами тын железный, почву укладну, небо булатно, чтоб никто не мог прострелить его, от востока до запада, от севера на лето, ни еретик, ни еретица, ни колдун, ни колдуница, годный и негодный, кто на свете хлеб ест. Голова моя — корабея, язык мой — замок.

(*Майков.* № 42)

Стану я, раб дьявольский (имя рек), не благословясь, пойду не перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота новобрачных, и выйду я во чисто поле, во дьявольско болото. Во чистом поле стоят ельнички, а на ельннчки сидит сорок сороков — сатанинская сила. А во дьявольском болоте Латырь бел камень, а на Латыри бел камени сидит сам сатана. И пойду я, раб, к Латырь бел камню, и поклонюсь я, раб Бо-

жий (имя рек) самой сатане и попрошу его: «Ой же ты, могуч сатана, как ты сумел свести (имена мужа и жены), так сумей и развести, чтоб друг друга не любили, друг друга колотили и порой ножом порезали. Ведь я твой раб, я твой слуга, и по сей день, и по сей час, и по мой приговор — во веки веков.

(*Майков* № 48)

Стану я, раб Божий (имя рек), до схоть солнца, стану благословясь и пойду перекрестясь; выйду в чистое поле, в широко раздолье. В чистом поле, в широком раздолье лежит белой камень Латырь. Под тем белым камнем лежит убогий Лазарь. То я, раб Божий (имя рек), спрошу убогого Лазаря: «Не болят ли у тебя зубы, не щепит ли щеки, не ломят кости?».

(*Майков*. №69).

Есть море Окиян; на том море есть мост золотой, на нем человек золотой, стружит стрелы золотые и стреляет из раба Божия (имя рек) прикос, и притчу, и шепоту, и волосатик[45], прикос ночной и дневной, полуденной, и полуночной, и водяной, и древяной, с рук и с ног, и от кости, и от мозгу, и со всех уд его; дай, Бог, рабу Божию (имя рек) на здравие и на спасение.

(*Майков*. № 91)

Ложилася (имя рек) спать, помолясь и благословясь. На Кияне-море лежит камень Латырь; возле того камня Латыря

стоит престол Пресвятыя Богородицы; возле того престола стоит дерево суховерьхо; на этом дереве суховерьхе сидит птица — железны носы, булатны когти, щиплет, теребит жабу сухую и мокрую, присно, во веки веков.

(*Майков*. № 98)

На море на Океане, на острове на Буяне стоит сыр дуб; под тем сырым дубом сидит святой отец Пафнутий с тремя братиями <...> обретоша двенадцать девиц, двенадцать сестер Иродовых. Речет им святой отец: «Куда вы грядоша, простоволосые, беспоясые и безобразные?» Рекут ему двенадцать девиц, двенадцать сестер Иродовых: «Ой еси, святой отец Пафнутий! Посланы мы от царя Ирода в мир православный тела их трясти и кости их мождати».

(*Майков*. № 106)

Встану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в вороты, путем-дорогой к синему Окиану-морю. У этого Окиана-моря стоит древо карколист; на этом древе карколисте висят: Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники. Прибегаю к вам, раб Божий (имя рек), прошу, великие помощники Козьма и Демьян, Лука и Павел, сказать мне: для чего-де выходят из моря Окиана женщины простоволосые, для чего они по миру ходят, отбывают ото сна, от еды, сосут кровь. Тянут жилы, как червь, точут черную печень, пилами пилят

желтые кости и суставы? Здесь вам не житье, жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки ересные; там яства сахарные, напитки медовые; там будет вам житье, жилище, прохладище — по сей час, по сей день; слово мое, раба Божьего (имя рек), крепко, крепко, крепко.

(*Майков*. № 107)

Встану яз, раб Божий (имя рек), благословясь и пойду перекрестясь в чистое поле под красное солнце, под млад светел месяц, мимо Волотовы кости могила. Как Волотовы кости не тропнут, не гнутся, не ломятся, так бы у меня, раба Божия (имя рек), фирс не гнулся, не ломился против женския плоти и хоти и против памятныя кости.

(*Майков*. № 130)

<...> В чистом поле, в зеленом окоморьи стоит златая святая лестница, и с той возрачно по святой лестнице шел Божий ангел Михаил-архангел. [*Михаил посылает заклинателя к Богоматери, та — к Христу, тот и заговаривает его от оружия.*] На синем море, на большом камне сидит Стратим-птица, а как Стратиму-птицы покоряются, как и льву звери все покоряются, так бы и тебе все покорятся, покоряются други и недруги, покорялися, что ты говоришь, тебя бы слушали и твою волю творили.

(*Майков*. № 139)

На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел горюч камень. На сем камне стоит изба таволоженная, стоит стол престольный. На сем столе сидит красна девица. Не девица сие есть, а Мать Пресвятая Богородица. Шьет Она, вышивает золотой иглой, ниткой шелковою. Нитка, оборвись, кровь, запекись, чтоб крови не хаживати, а тебе, телу, не баливати. Сему делу аминь, аминь, аминь.

(*Майков.* № 144)

Есть море Окиян, на том море Окияне стоит остров, на том острове воздвигнута церковь папы Римского, в том храме святая девица держит у себя разные иглы и шелковую нитку, зашивает она рану кровавую и ране болеть, и крови идти заповедает, и ничем не прикасается.

(*Майков.* № 145)

Стану я, раб Божий (имя рек), поутру раненько, обуюся гладенько, умоюся беленько, Богу помолюся; пойду я, раб Божий, из избы дверьми благословясь, из двора в вороты перекрестясь, под утреннюю зарю, к Океану-морю. На Океане-море лежит Златырь-камень, на Златыре-камне стоит соборна церква, в той церкве соборней стоит престол, а за престолом стоят триста коней железных и триста мужей железных. Приду я, помолюсь, поклонюсь и покучусь: «Во еси вы, триста коней железных и триста мужей железных, берите вы по луку железному и по триста стрел железных, гоните

вы скоро наскоро и стреляйте черной коровушке матушке во вымя, во ужево жало и во змеино». Как матушка земля стоит на трех кедрах, не тряхнется и не ворохнется, так стой, ужево жало и змеино, не тряхнись и не ворохнись. Аминь.

(*Майков.* № 181)

Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротьми в чистое поле, под красное солнце, под утреннюю зорю, в восточную сторону; помолюсь и поклонюсь Пресвятой Богородице, пойду в сырые горы, ко синему морю и в ледяную лужу; из ледяныя лужи течет ледян змей и пожирает он чистое сребро и красное золото. И гой еси, змей, не пожирай чистого сребра и красного золота, и поди ты к моей милой скотине в правую ноздрю, пожрати все полтретьядцать ноктев[46] <...>, и поди ты, змей, скрозь землю со всеми ноктями и со всеми болестями; и кои я слова прошел, и говорены, и не говорены, и все будьте исполнены, и во веки веков, аминь.

(*Майков.* № 197)

Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, в восточну сторону, к Окиян-морю; и в том Окиян-море стоит столб-пристол; на том святом пристоле стоит золотое блюдечко; и на том золотом блюдечке стоит Сам Сус Христос, Сам Матер человек, тугим луком подперся, калеными стрелами

подтыкался; и яко же Тебе, Батюшко Сам Сус Христос, покорюся и помолюся об своей любимой скотине (*о кобыле или мерине по шерсти*): «И стрели, батюшко истинный Христос, в мою любимую скотинку своим тугим луком и калеными стрелами в ясные очи, в сырую кость, и угони, выганивай двенадцать ногтей, двенадцать недугов <...>. Возьму я ключи и замки, пойду сосвоими ключами и со своими замками из дверей в двери, из ворот в ворота, к Окиян-морю; и брошу я ключи и замки в Окиян святое море; поймал те ключи и замки кит-рыба. Кто сможет Окияна воду выпити, и кто сможет кит-рыбу заловити, и тот может надо мной, рабом Божием, помудрить и похимостить.

(*Майков*. № 198)

Стану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы во двери, из двора в ворота, в чистое поле, в восточную сторону, под красное солнце, под млад месяц, под частые звезды, под утреннюю зарю; взойду я на святую Сионскую гору, на святой Сионской горе Латырь-камень; на Латыре-камне стоит соборная апостольская церковь, в церкви соборной злат престол, на золоте престоле Михаил-архангел туги луки натягает, живущие стрелы направляет, вышибает, выбивает из раба Божия (имя рек) все притчища и урочища[47] <...>.

(*Майков*. № 211)

Есть святое море Акиан; на том святом море Акиане есть бел камень Латарь; на том белом камени Латаре сидит стар матер человек, волосом сед, бородою бел; стоит от того матера человека Гесимянная гора от востока и до заката, от лета и до севера. И ездит по той по Гесимянной горе святой Егорей на своем на сивом коне, со своим златым копием и встает на страже около князя молодого первобранного <...> и ставит святой Егорей железный тын от востока до заката и от лета и до севера; от каменной горы до небесной высоты, до Господня престола; от престола до каменной горы; от каменной горы до небесной подошвы, до трех китов; а толщина по три сажени печатных <...>.

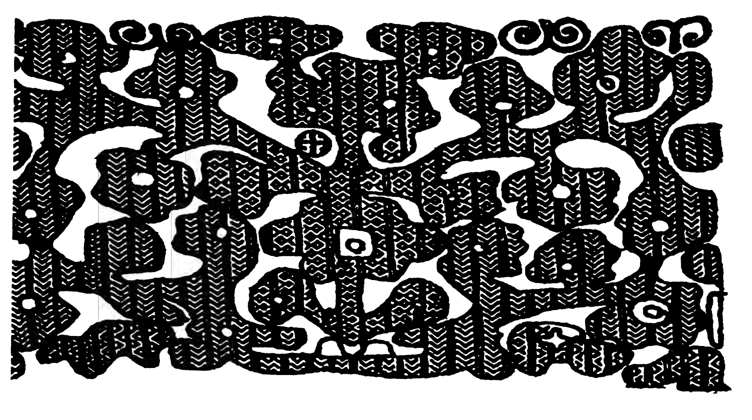
(*Виноградов*. Живая старина. 1907. № 29)

Столь крепка огорода моя <...>, аки синий камень в Синем море, аки черный камень в Черном море, аки арап камень в Арап море, аки акиян камень в Акиян море.

(*Виноградов*. № 70)

Доселева было при Агаряне царе небо медно, земля железна и не давала плоду от себя.

(*Добровольский*. С. 201)

Устроитель мира Егорий Храбрый

Нелегкой была жизнь святого мученика Георгия Каппадокийского и удивительной — его посмертная судьба. Выходец из знатной семьи, он дослужился до военного трибуна, но еще в молодости оставил службу. Во время Диоклетианова гонения в 303 г. объявил себя христианином и за это был после долгих истязаний обезглавлен. Надо полагать, меньше всего ему хотелось бы уподобиться отвергнутым им языческим богам. Но победившему христианству для успешной конкуренции с язычеством нужен был свой пантеон божеств, к которым верующие могли бы обращаться в житейских делах. В частности, мученики-воины (Феодор Стратилат, Дмитрий Солунский, Георгий) становились покровителями во-

инского сословия. (Хотя еще недавно христианство вообще отвергало насилие.)

Уже при Константине возник культ святого Георгия. Житие каппадокийского мученика быстро обрастало фантастическими подробностями. Он уже не только переносил мучения, но трижды умирал и воскресал. Победил в состязании придворного мага, оживив сухое дерево, убитого быка и умершего человека. Обратил в христианство мага и императрицу. Святой приобрел черты умирающего и воскресающего божества плодородия и стал покровителем не только воинов, но и земледельцев и скотоводов, чей праздник отмечался весной, когда всходили хлеба, а скот впервые выгоняли на пастбище.

Уже в средние века где-то на византийско-сирийском пограничье сложилась легенда, где Георгий оказался в роли Персея, спасающего Андромеду. В некоем языческом городе людей приносили в жертву дракону. Пришла очередь царевны. Но святой усмирил чудовище молитвой, и царевна привела змея в город на поводке. Потрясенные горожане крестились, а дракона Георгий убил. Сюжет Персея, как и вся змееборческая мифология индоевропейцев, сложился в энеолите, когда усилившееся воинское сословие бросило вызов жрецам и их божеству — дракону, повелителю воды и дождя. Воин-варвар врывался в святилище древнего зверобога, разбивал его статую либо убивал священное пресмыкающееся и освобождал очередную жертву. На иконах Георгий — всегда воин-всадник, поражающий дракона не смиренной молитвой, а копьем.

В эпоху крестовых походов это сказание благодаря «Золотой легенде» Якова де Ворагине (XIII в.) распространилось и на Западе. Там святой Георгий стал покровителем рыцарства и патроном Англии. Среди крестоносцев возникла легенда об участии святого всадника в белом плаще во взятии Иерусалима в 1099 г. На Руси «Чудо Георгия о змие» было известно уже в XII в. (фреска из Старой Ладоги). Святой всадник-змееборец сделался покровителем Московского княжества, а затем и всего Российского государства. Национальным святым стал Георгий и в Грузии. Даже в мусульманском мире Георгий (Джирджис) весьма популярен.

Всюду — у славян, грузин, осетин, на Западе и Ближнем Востоке — святой Георгий покровительствует земледелию, скотоводству и войне. «Зеленый Юрий», «Зеленый Георг» воплощает торжествующую силу весеннего плодородия. Славянский Егорий Храбрый (как и грузинский Гиорги) — также громовник и покровитель охоты. Волки — «псы» Егория, которые без его дозволения не съедят ни одной овцы. На русской иконе XV в. у него щит с ликом солнца. У осетин, потомков сарматов и родичей скифов, белый всадник Георгий-Уастырджи — божество мужчин-воинов. У всех этих народов каппадокийский святой явно заменил какое-то языческое божество. Славянское имя этого бога известно: Ярила-Яровит. Еще в XIX в. белорусы праздновали приход Ярилы, которого изображала девушка на коне, одетая в белое. День Ярилы (27 апреля) почти совпадал с днем св. Георгия (23 апреля).

В конце весны справлялись похороны-проводы Ярилы, причем всячески подчеркивались сексуальные достоинства бога (этим отличается, вопреки всем христианским понятиям о святости, и осетинский Уастырджи). Даже имя Георгия у славян сблизилось с именем веселого бога: Юрий, Юр, Еры, Ержи. Знал бы мученик-трибун, кем он оборотится в глазах благочестивых потомков-двоеверцев!

На Руси был очень популярен духовный стих о Егории Храбром, где святой еще более, чем в житии, напоминает языческое божество. Здесь он — царевич, сын Федора (Феодора Стратилата) и Софии Премудрой. В православной традиции София Премудрость Божия сближается с Богоматерью как своим земным воплощением. В глазах же русича-двоеверца София связывалась прежде всего с величественным образом Богоматери Оранты на мозаике Софии Киевской, где Богородица представала в древнем образе богини земли, молящейся своему небесному супругу. Сам Егорий наделен чертами бога солнца и света: руки по локоть в золоте, ноги по колена в серебре (как у фигурки солнечного бога из знаменитого Мартыновского клада), голова жемчужная, тело в звездах. Вероятно, родителями Ярилы, как и Даждьбога с Перуном, были Сварог и Матерь Лада[48].

Правят родители Егория в Иерусалиме, лежащем в... Светлорусской земле. Это уже знакомая нам перекодировка Руси в Палестину. Их царство захватывает неверный царь Демьянище (Мартемьянище, Кудреянище, бусурманище). Угро-

зами он принуждает царских детей принять свою веру. Лишь Егорий остается верен христианству, несмотря на мучения. Не берут его ни пилы, ни топоры, ни кипящая смола. Если верить стиху, то Демьянище-Диоклетиан исповедовал сразу язычество, католичество и ислам. Для русских людей все это одинаково было «бусурманством» — чужой, нечистой верой, перейти в которую означало превратиться в нечисть (что и стало с сестрами Егория).

Наконец Демьянище хоронит Егория живым — в «погребе», весьма напоминающем ямные или срубные погребения, распространенные на юге Восточной Европы с энеолита до древнерусского времени. Но через тридцать лет (ровно столько просидел сиднем Илья Муромец) по слову Богоматери Егорий встает из могилы. Добыв с помощью матери богатырского коня и оружие, он отправляется утверждать на земле Светлорусской веру христианскую.

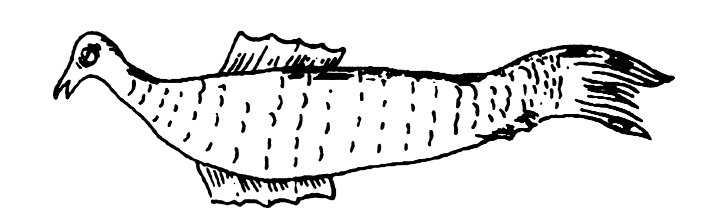
«Утверждение» это, однако, мало напоминает крестовый поход или насильственное крещение Руси. Святой всадник никого силой не крестит, не разрушает языческих святынь. Он преобразует саму природу дикого, «неверного» края. По одному его слову расступаются дремучие леса, меняют течение реки, останавливаются толкучие горы (подобные Симплегадам), стаи волков расходятся по лесам (и едят отныне лишь дозволенное Егорием), змеи скрываются в землю. Птица Черногар (Нога, Стратим) отправляется на море, а осетр, которого она держала,— в море. Стратим уже знаком нам по

«Голубиной книге», осетр же наделен чертами кита-миродержателя («Когда Севр рыба пываротится, Все синие моря всколыхнутся»). В лесах Егорий находит сестер. Чужая вера сделала их какими-то дриадами-лешихами: их тела покрыты корой и волосами, они пасут стадо зверей и змей. Только омывшись в святом Иордане, царевны возвращают себе человеческий облик. Наконец Егорий одолевает в бою Демьянище и безжалостно казнит его. (Вместо того чтобы, как пристало воину Христову, кротко молить Бога за своего мучителя.)

Эти подвиги Егория не связаны ни с какими житиями. От христианства в них — ничего, кроме разве что сооружения церквей среди лесов. В стихе отражено многовековое, с рубежа нашей эры, освоение славянами лесных просторов Восточной Европы. Небесным покровителям этого освоения и был сначала. Ярила, а затем святой Георгий-Егорий. Колонизация не всегда шла мирно, однако славяне не истребляли финских аборигенов, а передавали им свои хозяйственные навыки, язык, культуру. И в свою очередь перенимали их верования и мифы. Насильственно крестили финнов (и славян) не простые русские люди, а православные церковники. (Между прочим, последняя русская языческая община была уничтожена в селе Сарлеи, в Мордовии, в 1743 г.!)

Поход Егория напоминает описанную в «Шах-наме» поездку иранского богатыря Исфендиара (авестийский Спентодата, сын покровителя Заратуштры царя Виштаспы). Он

освобождает своих сестер из туранского Железного замка, а по дороге одолевает в горах чудовищ и природные преграды: рогатых волков, чету львов, дракона, колдунью-пери, злого Симурга, снегопад, болота, речные потоки. В основе здесь — древний арийско-уральский миф о пути к далеким северным горам (Рифеям). Но уже не мудрый шаман странствует по нему, а воин, крушащий мечом все препятствия. Святой всадник не просто одолевает препятствия, а обустраивает мир, превращает его из первобытного, дикого в нормальный, «светлорусский». В этом мире уже нет места владыке лесного хаоса Демьянищу. В словенских весенних песнях Юрий Зеленый изгоняет Ежи-бабу (Ягу) — древнейшую богиню леса и смерти. Демьянище же, очевидно,— Чернобог. Повелитель тьмы еще может властвовать в суровом зимнем лесу, но с приходом весны его царство кончается. А вера христианская, православная? Она здесь — лишь знак правильного, человеческого, светлорусского мира, противостоящему царству древней нечисти.

Стих о Егории Храбром

Во граде было в Иерусалиме,
При царе было при Федоре,
Жила царица благоверная,
Святая София Премудрая.
Породила она себе три дочери,
Три дочери да три любимые,
Четвертого сына Егория.
Егория света Храброго:
По колена ноги в чистом серебре.
По локоть руки в красном золоте.
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егорие часты звезды.

С начала было света вольного
Не бывало на Иерусалим-град
Никакой беды, ни погибели.
Наслал Господь наслание
На Иерусалим-град:
Напустил Господь царища Демьянища,
Безбожного пса бусурманища.
Победил злодей Иерусалим-город;
Сечет и рубит и огнем палит;
Царя Федора в полон берет,
В полон берет, в столб закладывает.

Полонил злодей три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертого чудного отроца
Святого Егория Храброго.
Увозил Егорья во свою землю,
Во свою землю во неверную.
Он и стал пытать, крепко спрашивать:
«А скажи, Егорий, какова роду,
Какова роду, какова чину:
Царского роду, аль боярского,
Аль того чину княжевинского?
Ты которой вере веруешь,
Ты которому Богу молишься?
Ты поверуй веру ты ко мне царю,
Ко мне царю, ко моим врагам [идолам]!»
Святой Егорий свет глаголует:
«Ты злодей, царище бусурманище!
Я не верую веры твоей неверныей,
Ни твоим богам, ко идолам,
Ни тебе, царищу бусурманищу!
Верую во веру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному,
Во мать Пресвятую Богородицу,
Еще в Троицу неразделимую!»
Вынимал злодей саблю острую,

Хотел губить их главы
По их плеча могучие:
«Ой вы гой еси, три отроцы,
Три отроцы царя Феодора!
Вы покиньте веру христианскую,
Поверуйте мою латынскую,
Латынскую, бусурманскую,
Молитесь богам моим кумирскиим,
Поклоняйтесь моим идолам!»
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Демьянищу преклонилися:
Покидали веру христианскую,
Начали веровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую.
Царище Демьянище,
Безбожный царь бусурманище,
Возговорил ко святому
Егорию Храброму:
«Ой ты гой еси, чудный отроце,
Святый Егорий Хорабрый!
Покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй веру латынскую,
Молись богам моим кумирскиим,
Поклоняйся моим идолам!»
Святый Егорий проглаголует:

«Злой царище Демьянище,
Безбожный пес бусурманище!
Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую,
Не буду веровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую,
Не буду молиться богам твоим кумирскиим,
Не поклонюсь твоим идолам!»

На то царище распаляется.
Повелел Егория света мучити
Он и муками разноличными.
Повелел Егория во пилы пилить:
По Божьему повелению,
По Егориеву молению,
Не берут пилы жидовские,
У тех пил зубья позагнулися,
Мучители все утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося;
Восстал Егорий на резвы ноги:
Поет стихи херувимские,
Превозносит гласы все архангельские.
Возговорит царище Демьянище
Ко святому Егорью Хораброму:
«Ой ты гой еси, чудный отроце,

Святый Егорий Хорабрый!
Покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй в веру латынскую!»
А святой Егорий проглаголует:
«Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую,
Не буду веровать во латынскую,
Латынскую, бусурманскую!»
На то царище опаляется,
Во своем сердце разозляется.
Повелел Егорья в топоры рубить;
Не довлеет Егорья в топоры рубить:
По Божьему повелению,
По Егориеву молению,
Не берут Егорья топоры немецкие;
По обух лезвия приломилися
А мучители все приутомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося;
Да восстает Егорий на резвы нози:
Он поет стихи херувимские,
Превозносит гласы все архангельские.
Возговорит царище Демьянище
Ко Егорию Храброму:
«Ой ты гой еси, отче Егорий Храбрый!
Поверуй веру латынскую!»

А свет Егорий проглаголует:
«Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую,
Не буду веровать латынскую!»
Царище Демьянище на него опаляется,
Повелел Егорья в сапоги ковать,
В сапоги ковать, гвозди железные;
Не добре Егорья мастера куют:
У мастеров руки опущалися,
Ясны очи помрачалися, —
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося.
А злодей царище Демьянище
Повелел Егорья в котел сажать,
Повелел Егорья во смоле варить:
Смола кипит, яко гром гремит,
А поверх смолы Егорий плавает;
Он поет стихи херувимские,
Превозносит гласы все архангельские.
Возговорит царище Демьянище:
«Покинь веру истинную, христианскую,
Поверуй мою веру латынскую
Латынскую, бусурманскую!»
Святый Егорий проглаголует:
«Я не буду веровать веру бусурманскую,
Я умру за веру христианскую».

На то царище Демьянище опаляется;
Повелел своим мучителям:
«Ой вы гой еси, слуги верные!
Вырывайте скоро глубок погреб».
Тогда же его слуги верные
Вырывали глубок погреб:
Глубины погреб сорока сажен,
Ширины погреб двадесяти сажен:
Посадил Егорья во глубок погреб,
Закрывал досками железными,
Задвигал щитами дубовыми,
Забивал гвоздями полуженными,
Засыпал песками рудожелтыми,
Засыпал он и притаптывал,
И притаптывал, и приговаривал:
«Не бывать Егорью на Святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не обозреть Егорью солнца красного,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слыхать Егорью звона колокольного.
Не слыхать Егорью пения церковного!»

И сидел Егорий тридсять лет,
А как тридсять лет исполнилось,
Святому Егорью во сне виделось:
Да явилося солнце красное,

Еще явилася Мать Пресвятая Богородица;
Святу Егорью, свет, глаголует:
«Ой ты еси, святый Егорий, свет Храбрый!
Ты за это ли претерпение
Ты наследуешь себе Царство Небесное!»
По Божьему повелению.
По Егория Храброго молению,
От свята града Ерусалима
Поднималися ветры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски железные, —
Выходил Егорий на Святую Русь:
Завидел Егорий свету белого,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное.
И пошел Егорий по Святой Руси,
По Святой Руси, по сырой земле,
Ко тому граду Ерусалиму,
Где его родима матушка
На святой молитве Богу молится.
Приходил Егорий во Ерусалим-город.
Ерусалим-город пустехонек:
Вырубили его и выжегли,
Нет ни старого, нет ни малого.

Стоит одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная:
И во церкови во соборныей,
Во соборныей, богомольныей,
Стоит его матушка родимая,
Святая София Премудрая,
На молитвах стоит на Исусовых:
Она Богу молит об своем сыну,
Об своем сыну об Егорию.
Помолимши Богу, оглянулася:
Она узрела и усмотрела
Сво́во чаду, свово милого,
Свята Егория, света Храброго;
Свету Егорию, свет, глаголует:
«Ой ты еси, мое чадо милое,
Святой Егорий, свет, Хорабрый!
Где ты был, где разгуливал?»
Святый Егорий, свет, глаголует:
«Ой сударыня моя матушка,
Святая Премудрая София!
Был я у злодея царища Демьянища,
Безбожного злодея бусурманища;
Претерпел я муки разные,
Муки разные, разноличные.
Государыня моя матушка,
Святая София Перемудрая!

Воздай мне свое благословение:
Поеду я по всей земле Светлорусской,
Утвердить веру христианскую».
Свету Егорию мать глаголует:
«Ты поди, мое чадо милое,
Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырского
Со двенадесять цепей железных,
И со збруею богатырскою,
Со вострым копьем со булатныим
И со книгою со Евангельем».

Тут же Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Наезжал на леса на дремучие:
Леса со лесами совивалися,
Ветья по земле расстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проехати.
Святой Егорий глаголует:
«Вы лесы, лесы дремучие!
Встаньте и разшатнитеся,
Разшатнитеся, разкачнитеся:
Порублю из вас церкви соборные,
Соборные да богомольные,
В вас будет служба Господняя.
Зароститеся вы, леса,

По всей земле светло-Русской,
По крутым горам по высоким».
По Божьему все повелению,
По Егориеву все молению,
Разрослись леса по всей земле,
По всей земле светло-Русской,
По крутым горам по высоким.;
Растут леса, где им Господь повелел.

Еще Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал Егорий на реки быстрые,
На быстрые на текучие:
Нельзя Егорью проехати,
Нельзя святому подумати.
«Ой вы еси реки быстрые,
Реки быстрые, текучие!
Протеките вы, реки, по всей земли,
По всей земле светло-Русской,
По крутым горам по высоким,
По темным лесам по дремучим,
Теките, вы, реки, где вам Господь повелел».
По Божьему все повелению,
По Егориеву все молению,
Протекли реки, где им Господь повелел.

Святой Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал на горы на толкучие:
Гора с горою столкнулися,
Ни пройтить Егорью, ни проехати.
Егорий святой проглаголывал:
«Вы горы, горы толкучие!
Станьте вы, горы, по старому:
Поставлю на вас церьковь соборную,
В вас будет служба Господняя».

Святой Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Наезжал Егорий на стадо звериное,
На серых волков на рыскучиих;
И пастят стадо три пастыря,
Три пастыря да три девицы,
Егорьевы родные сестрицы.
На них тела яко еловая кора,
Влас на них, как ковыль трава.
Ни пройтить Егорью, ни проехати.
Егорий святой проглаголывал:
«Вы волки, волки рыскучие!
Разойдитеся, разбредитеся,
По два, по три, по единому,

По глухим степям, по темным лесам,
А ходите вы повременно,
Пейте вы, ешьте повеленное,
От свята Егорья благословения!».
По Божьему все повелению,
По Егориеву все молению,
Разбегалися звери по всей земли,
По всей земле светло-Русскией:
Они пьют-едят повеленное,
Повеленное, благословенное
От Егория Храброго.

Еще же Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал Егорий на стадо на змеиное.
Ни пройтить Егорью, ни проехати.
Егорий святой проглаголывал:
«Ой вы гой еси, змеи огненные!
Рассыпьтесь, змеи, по сырой земле
В мелкие, дробные череньицы,
Пейте и ешьте из сырой земли».
(*Вариант*:
Посреди пути-дороженьки
Лежит тут змея Горюница,
О двенадцати змея была головах,

О двадцати четырех хоботах.
Тут Егорий Храбрый приужахнулся.
Он берет свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый меч,
Он возговорит, Егорий, змее Горюнице:
«Отойди, змея, ты с пути долой!»
Пред ним змея она попротивилась:
Он рассек змею на мелки части).

Святый Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Приезжал Егорий
К тому ко городу Киеву.
На тех вратах на Херсонских
Сидит Черногар птица,
Держит в ногтях осетра рыбу:
Святому Егорью не проехать будет.

(*Вариант*:

На вратах сидит Великан птица,
Во носе держит Севру рыбу:
Когда Севр рыба пываротится,
Все синие моря выскалыхнутси.)
Святой Егорий глаголует:
«Ох ты Черногар птица!

Возвейся под небеса,
Полети на Океан-море:
Ты и пей и ешь во Океан-море,
И детей производи на Океан-море!»
По Божьему все повелению,
По Егорьеву молению,
Подымалась Черногар птица под небеса,
Полетела она на Океан-море,
Она пьет и ест на Океан-море
И детей выводит на Океан-море.

Святый Егорий поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Наезжал палаты белы каменны,
Да где же пребывет царище Демьянище,
Безбожный пес бусурманище.
Увидел его царище Демьянище,
Безбожный пес бусурманище:
Выходил он из палаты белокаменной;
Кричит он по звериному,
Визжит он по-змеиному,
Хотел победить Егорья Храброго.
Святой Егорий не устрашился,
На добром коне приуправился:
Вынимает меч — саблю вострую,
Он ссек его злодейскую голову

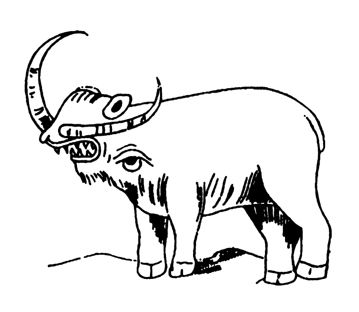
По его могучие плечи;
Подымал палицу богатырскую,
Разрушил палаты белокаменные;
Очистил землю христианскую,
Утвердил веру самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Владычице Богородице,
Святой Троице неразделимой.

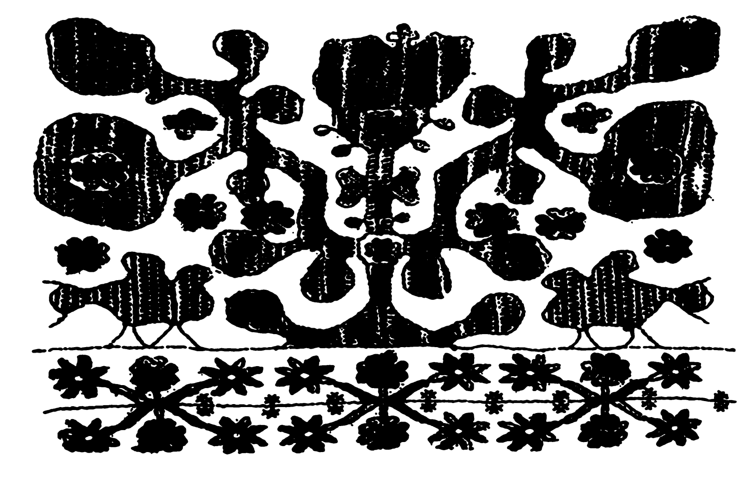
Он берет свои три родных сестры,
Приводит их к Иордань-реке:
«Ой вы мои три родных сестры!
Вы умойтеся, окреститеся,
Ко Христову гробу приложитеся:
Набрались вы духу нечистого,
Нечистого, бусурманского,
На вас кожа, как еловая кора,
На вас власы, как камыш трава.
Вы поверуйте веру самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Владычице Богородице,
Святой Троице неразделимой!»
Умывалися, окрещалися,
Камыш трава с них свалилася
И еловая кора опустилася.
Приходил Егорий

К своей матушке родимой:
«Государыня моя матушка родимая,
Премудрая Софья!
Вот тебе три дочери,
А мне три родных сестры!»

Егорьева много похождения,
Велико его претерпение:
Претерпел муки разноличные
Все за наши души многогрешные.
Поем славу свята Егория,
Свята Егория, свет, Хораброго,
Во веки его слава не минуется
И во веки веков, аминь.

(*Безсонов П.* Калеки перехожие.
М., 1861. С.440–456, 466)

Космогонические мифы индоевропейцев и других народов

Как мы уже не раз убеждались, славянские сказания о происхождении мира невозможно понять, не сравнивая их с космогоническими мифами других евразийских народов. Здесь, в конце книги, помешены тексты наиболее важных и интересных из этих мифов. Приводятся они в хронологическом порядке: от самых древних письменных источников до фольклорных записей недавнего времени. Но это, разумеется, хронология текстов, а не самих мифов. Ведь от сложения мифа до его записи древним жрецом или современным этнографом могли пройти многие тысячи лет.

Древнейшим памятником индоевропейской мифологии считается Ригведа, первая из четырех Вед — собраний индоарийских священных текстов. Ригведа, заключающая в себе гимны богам, сложилась в середине II тыс. до н. э., сразу после завоевания ариями северо-западной Индии. Нельзя отождествлять ведическую религию с общеиндоевропейской или даже с общеарийской (индоиранской), но мифология Ригведы, по крайней мере, отстоит от них обеих по времени меньше, чем любой другой индоевропейский текст.

Гимны, посвященные происхождению мира, сосредоточены в самой поздней, X-й мандале (части) Ригведы. В одних из них (X, 81, 82) мир создает бог-ремесленник Вишвакарман. В других (X, 121, 129) Вселенная возникает из мирового яйца — Хираньягарбхи (Золотого Зародыша). Это яйцо, зародившееся среди изначального хаоса, скрывало в себе творца — Праджапати (Господина Потомства), позднее отождествленного с Брахмой. Ему соответствует славянский Род. Наиболее же близок Голубиной книге гимн Пуруше (X, 90), где описывается создание мира богами из тела принесенного ими в жертву гиганта Пуруши.

Позднее, в X—VI вв. до н. э., сложились Брахманы (комментарии к Ведам), Араньяки (книги для лесных отшельников) и Упанишады, (предназначенные для странствующих брахманов-аскетов). Отождествления частей космоса с частями человеческого тела содержатся в Шатапатха-Брахмане (X, 3, 4, 8), Айтарея-Араньяке (II, 1, 7; 3, 3; 4, 2), Чхандо-

гья-Упанишаде (II, 7, 1; 17, 1), а также в III книге эпоса «Махабхарата». О происхождении четырех сословий из частей тела Брахмы говорится в Законах Ману (I, 31).

Наиболее интересна Брихадараньяка-Упанишада (I, 1—2). В ней описывается, как демиург по имени Смерть или Голод создал и принес в жертву коня, а из частей его тела сотворил мир. Творец этот отождествляется с жертвенным конем и с Праджапати. Судя же по сценам терзания коней в скифо-сибирском искусстве, демиург-терзатель первоначально представлялся в виде хищника — грифона или крылатого льва.

Священная книга иранцев — Авеста — складывалась начиная примерно с VII в. до н. э., когда где-то в Средней Азии развернул свою деятельность пророк Заратуштра. Созданию мира посвящена одна из его стихотворных проповедей-гат, составившая 44-ю главу Ясны (главной части Авесты). Пророк спрашивает Ахурамазду. Ответы бога не приводятся, но из текста ясно, что все в мире, включая свет и тьму, создал только сам Ахурамазда. Но угоден творцу свет, а не тьма и ее служители.

Преемники пророка, зороастрийские жрецы, подменили, однако, этот миф иным (более близким к народным верованиям). Он изложен (на основе несохранившейся части Авесты) в Бундахишне, а также в книгах «Затспрам» («Извлечения жреца Затспрама») и «Риваят», написанных после арабского завоевания. Как уже отмечалось, в Бундахишне много общего с Голубиной книгой (космогонический диалог, предста-

вление о «главах» животных, растений, рек и т. д., образы Мировой Горы, гигантской рыбы, мифологической птицы, Древа Жизни). Древний мотив космического гиганта представлен здесь в мифе о том, как при воскресении мертвых их тела будут заново собираться из природных стихий. Немало общего в Бундахишне и со славянскими апокрифами и космогоническими легендами, а также с родственными им евразийскими мифами. Это борьба доброго и злого демиургов, нападение злого бога на небо, низвержение его в нижний мир, грехопадение первой человеческой пары (превратившее ее, однако, в людей настоящих).

Авторы Авесты и пехлевийских книг избегают называть Ормазда и Ахримана братьями. Но об их родстве известно из других источников. А космогонический диалог происходит между Ормаздом и его пророком. Ведь древние боги-великаны (дэвы) были для Заратуштры и его последователей демонами, с которыми грешно общаться.

С мифом о создании мира неразрывно связан миф о его конце и преображении, изложенный в том же Бундахишне. Мир обновляется через космический пожар (индоевропейский мотив). Начавшаяся с возникновением мира борьба Ормазда и Ахримана завершается уничтожением или изгнанием за пределы мира всего злого, воскрешением перволюдей. Мир и человек становятся такими, какими были изначально (в замыслах Ормазда) и могли бы быть, не вмешайся злой бог в их создание. Подобный миф, видимо, был и у сла-

вян, но почти слился с родственным ему библейским. Ведь представления о борьбе доброго и злого богов, приходе Спасителя, грядущей космической битве, воскрешении мертвых, Страшном суде и т. д., чуждые первым книгам Библии, пришли к ее создателям из Ирана.

Иранскую традицию с иудео-христианской сочетал месопотамский пророк III в. Мани, основатель манихейства. Созданные им мифы о борьбе богов света и тьмы во многом напоминают зороастрийские. В книге «Кефалайя» (IV в.), излагающей беседы Мани с учениками, в частности, элементы космоса отождествляются с частями тела человека.

Современниками создателей Упанишад и ранней Авесты были Гесиод и орфики (последователи легендарного Орфея). Гесиод (VIII в. до н. э.) представил в своей «Теогонии» возникновение мира как последовательное порождение одних богов другими,первоисточником жизни выступает Хаос. Космогония, приписанная Орфею и сохранившаяся в нескольких изложениях, напоминает индийский миф о Золотом Зародыше. Из воды и земли (ила) рождается дракон Хронос. Он порождает мировое яйцо, из которого выходит солнечно-огненный змей Фанес. Последнего римские митраисты отождествляли с Митрой. В орфическом гимне Зевсу части тела верховного бога отождествляются с элементами мира.

Германские (скандинавские) мифы были записаны лишь в средние века в Исландии, в двух книгах, называемых традиционно «Эддами». «Старшая Эдда» — сборник языче-

ских песен, составленный, по преданию, ученым исландцем Сэмундом Мудрым (XI в.) и сохранившийся в единственной рукописи XIII в. Исландский же историк и поэт Снорри Стурлусон создал в XIII в. «Младшую Эдду» — учебник поэзии, содержащий, в частности, языческие мифы. История мира от его возникновения до грядущей гибели и обновления изложена в двух эддических песнях: «Прорицании вельвы» и «Речах Вафтруднира» — и во «Младшей Эдде». Во всех трех случаях миф раскрывается в диалоге. Один беседует с умершей пророчицей-вельвой или с великаном Вафтрудниром. Конунг Гюльви (Ганглери) — с тремя богами (Высокий, Равновысокий и Третий — видимо, Один, Тор и Фрейр). Этот диалог — состязание в мудрости, где ставкой служит жизнь. Такая форма мифа напоминает и Голубиную книгу, и диалог Вейнеймейнена с Виппуненом в «Калевале», и иранские космогонические диалоги.

Мир в эддическом мифе возникает из первоначальной бездны в ходе борьбы двух стихий — льда и огня. Изо льда появляется предок великанов и богов Имир. Один с братьями убивают этого гиганта и из его тела создают мир. Подробно описывается устройство мира, осью которого служит ясень Иггдрасиль. Первых людей творят из дерева, вдыхая в них душу, совместно добрые боги Один и Хенир и злой Локи (Лодур). (Это отчасти напоминает славянский миф.) Изначальный золотой век кончается порчей самих богов, соблазненных ведьмой Гулльвейг (Жаждой Золота), и войной меж-

ду племенами богов — асами и ванами. В будущем еще больший моральный упадок людей завершится великой битвой богов и чудовищ и мировым пожаром, после чего в обновленный мир вернется золотой век, свободный от войн и алчности. Миф этот — индоевропейский (отраженный, в частности, в Голубиной книге, славянских легендах и Бундахишне).

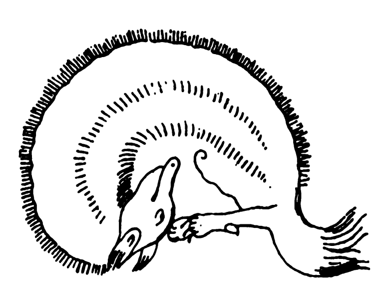
Миф о космическом великане сохранялся и в средневековой Европе в виде представления о создании человека из элементов мира. Оно отражено, помимо славянских апокрифов, в латинских, германских и французских источниках X—XV вв. («Луцидарий» и «Сакраментарий» Гонория Отенского, поэма схоласта Эззо, Эмское право и др.)

Этому же индоевропейскому мифу, видимо, родствен китайский миф о первочеловеке Пань-Гу. Он родился из космического яйца, а из его тела возникли элементы мира. Своей змеевидностью Пань-Гу напоминает Фанеса орфиков.

Евразийский миф о двух или трех творцах мира и о ныряющем демиурге был усвоен, кроме славян, также индоиранцами. Об этом свидетельствуют приводимые ниже миф курдов-езидов, индийская и цыганская легенды. Из многочисленных неиндоевропейских версий этого мифа (обобщенных в работах В. В. Напольских) приведены несколько наиболее интересных: сванетская, грузинская, карело-финская, две мордовские, ненецкая, алтайская, две бурятских и гуронская. Примечателен, в частности, мордовский миф о создании человека из Божьего пота (точнее, из банного полотенца Бога).

Миф этот засвидетельствован в «Повести временных лет» под 1071 г., где летописец изложил верования славяно-финских волхвов, возглавивших восстание в Пошехонье, от Ярославля до Белоозера. При этом он не удержался от приписывания волхвам веры в антихриста. Интересен также бурятский миф, в котором мир творят не три бога, а три богини: богиня-мать и две ее дочери, добрая и злая.

Наше путешествие по следам Голубиной книги подошло к концу. Таинственная книга не дошла до нас в письменной форме — ни в языческой, ни в христианизированной. Но она оставила в славянской культуре неизгладимый след. Потому что сама несла в себе следы тысячелетней истории славян и их индоевропейских предков, следы многовековых связей славян с народами Евразии. Потому что она сохранила плоды духовных исканий всех этих народов, задолго до возникновения науки стремившихся постичь тайны возникновения и устройства мира. И хочется верить, что когда-нибудь будет открыта рукопись самой Голубиной книги. Ведь поистине рукописи не горят, если это рукописи священных и мудрых книг!

Ригведа
Гимн Пуруше (X, 90)

Пуруша — тысячеглавый,
Тысячеглазый, тысяченогий.
Со всех сторон покрыв землю,
Он возвысился над ней еще на десять пальцев.

Ведь Пуруша — это вселенная,
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием,
Потому что благодаря пище перерастает
[свое начальное состояние].

Таково его величие,
И еще мощнее, чем оно, [сам] Пуруша.
Четверть его — все существа.
Три четверти — бессмертное на небе.

На три четверти взошел Пуруша вверх.
Четверть его возникла здесь.
Отсюда он выступил повсюду.
Он распространился над тем, что ест пищу
и что ее не ест.

От него Вирадж[49] родилась,
От Вираджи — Пуруша.
Родившись, он стал выступать
Над землей сзади и спереди.

Когда боги предприняли жертвоприношение
С Пурушей в качестве жертвы,
Весна была его жертвенным маслом,
Лето — дровами, осень — жертвой.

Его в качестве жертвы кропили на жертвенной соломе,
Пурушу, рожденного в начале.
Его принесли в жертву боги,
Садхья[50] и риши.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились;
Метры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились
И те [животные], у которых два ряда зубов;
Быки родились из нее,
Из нее родились козы и овцы.

Когда Пурушу расчленили,
На сколько частей разделили его?
Что его рот, что руки,
Что бедра, что ноги называется?

Его рот стал брахманом,
Его руки сделались раджанья[51],
Его бедра [стали] вайшья,
Из ног родился шудра.

Луна из [его] духа рождена,
Из глаза солнце родилось,
Из уст — Индра и Агни,
Из дыханья родился ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство,
Из головы развилось небо,
Из ног — земля, стороны света — из уха.
Так они устроили миры.

У него было семь поленьев ограды костра,
Трижды семь поленьев — для сожжения было сделано,
Когда боги, совершая жертвоприношение,
Привязали Пурушу как [жертвенное] животное.

Жертвою боги пожертвовали жертве.
Таковы были первые формы (жертвоприношения).
Эти же могущества последовали на небо,
Где находятся прежние боги — садхья.

Пер. *Т. Я. Елизаренковой*
(Ригведа. Избранные гимны.
М., 1972. С. 259—261)

Брихадараньяка-Упанишада (I, 1—2)

I, 1. 1. Ом! Поистине, утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара; год — это тело

жертвенного коня, небо — его спина, воздушное пространство — его брюхо, земля — его пах, страны света — его бока, промежуточные стороны — его ребра, времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо; пища в его желудке — это песок, реки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы, восходящее солнце — его передняя половина, заходящее — его задняя половина. Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льется дождь; голос — это его голос.

2. Поистине, день возник для коня подобно сосуду Махиман, что ставят перед конем. Колыбель его — в Восточном море. Ночь возникла для коня подобно сосуду Махиман, что ставят позади коня. Колыбель ее — в Западном море. Поистине, эти сосуды Махиманы возникли по обе стороны коня. Став конем, он понес на себе богов, став жеребцом — гандхарвов[52], став скакуном — асуров, став лошадью — людей. Море — его родич, море — его колыбель.

I, 2. 1. Вначале не было ничего. Все это было окутано смертью или голодом, ибо голод — это смерть. Он — зовущийся смертью — пожелал: «Пусть я стану воплощенным» - и сотворил разум. Он двинулся, славословя, и от его славословия родилась вода. «Поистине,— сказал он,— когда я славословил, появилась вода. Поэтому природа ее — *арка*[53].

Поистине, радость приходит к тому, кто знает природу воды — *арка*.

2. Поистине, вода — *арка*. То, что было пеной воды, затвердело, и это стало землей. Он изнурил себя. И от него, изнуренного и воспламененного, возник блеск, его сущность, который есть огонь.

3. Он разделился на три части: треть — солнце, треть — ветер. Он же — и дыхание, разделенное на три части. Восток — его голова, та и другая стороны — передние конечности, запад — хвост, та и другая стороны — бедра, юг и север — бока; небо — его спина, воздух — брюхо, эта земля — грудь. Так твердо стоит он в водах. Кто знает это, твердо стоит там, куда он идет.

4. Он пожелал: «Пусть второе тело родится от меня». И разумом он — голод или смерть — произвел сочетание с речью. То, что было семенем, стало годом. До этого не было года. Он растил его столько времени, сколько длится год, и затем выпустил его. Когда он раскрыл рот, чтобы съесть рожденного, тот произнес: *бхан*. И это стало речью.

5. Он подумал: «Если я его убью, у меня будет мало пищи». Тогда той речью и тем телом он сотворил все, что существует здесь: *ричи*, *яджусы*, *саманы*[54], заклинания, жертвоприношения, людей, скот. Все, что он произвел. Он решил пожрать. Поистине. Он поедает все, поэтому природа смерти — *адити*[55]. Кто знает природу смерти — *адити*, тот ста-

новится поедателем всего, что существует, и все становится его пищей.

6. Он пожелал: «Пусть я снова принесу жертву, еще большую». Он стал изнурять себя, он воспламенился подвижничеством. И от него, изнуренного и воспламененного, возникла слава и сила. Поистине, слава и сила — это жизненные дыхания. Когда возникли дыхания, тело стало возрастать. И в его теле был разум.

7. Он пожелал: «Пусть это тело будет пригодно мне для жертвы и пусть я воплощусь с его помощью». Тогда оно стало конем; возросши, оно сделалось пригодным для жертвы, поэтому жертвоприношение коня зовется *ашвамедха*. Поистине, кто знает это, тот знает *ашвамедху*. Оставив его на свободе, он стал думать о нем и по истечении года принес его в жертву самому себе, а других животных отдал богам. Поэтому и приносят в жертву Праджапати освященного коня, принадлежащего всем богам. Поистине, *ашвамедха* — это то, что излучает тепло; его тело — год. Этот огонь — *арка*; эти миры — его тела. Итак, их двое — жертвенный огонь и жертвоприношение коня. И опять же, они — одно божество: смерть. Тот, кто знает это, побеждает вторичную смерть, смерть не настигает его, смерть становится его телом, он становится единым с теми божествами.

Пер. *А. Я. Сыркина*
(Брихадараньяка-Упанишада. М., 1964. С. 67—69).

Авеста (Ясна 44)

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Может ли в благодарность за мое восхваление
Такой, как ты, открыться как друг такому, как я?..

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Как будут заложены основы наилучшей жизни?..

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто был изначальным отцом Арты [Духа Огня]
при зарождении его?
Кто проложил путь солнцу и звездам?
Кто заставляет луну прибывать и убывать?
Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать!

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто водрузил землю на место и удерживает здание облаков?
Кто впряг в одну упряжку быстрых жеребцов с ветрами
и облаками?
Кто был создателем Вохумана [Духа Скота], о Мазда?

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Какой мастер сотворил Свет и Тьму?
Какой мастер сотворил сон и бодрствование,
Дабы разумному человеку напомнить о заботах его?

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Верно ли наставляю я?
Для кого создан скот?

Кто научил сына почитать отца своего?
Как овладеть поучениями и словами правды?
Будет ли награжден приверженец правой веры?
На всех недругов буду смотреть с неизменной ненавистью.—
Как избавиться от приверженцев лжи?
Каким образом можно предать Зло в руки Арты,
Дабы оно повергнуто было ниц силою заклинания — мантра?
Кому из двух воинств — добра и зла — даруешь ты победу?

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Получу ли благодаря наилучшему Распорядку [Арте]
воздаяние свое —
Десять кобылиц и жеребца, и верблюда, которые, о Мазда,
Причитаются мне вместе со здоровьем [Хаурватат]
и жизненной силой [Амеретат], присущими тебе?

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто не отдает платы тому, кто заслужил ее,
И, сдержав слово свое, счел ее своей по праву,
Какое наказание следует ему уже сейчас?
Ибо, что уготовано ему в Конце, известно.
Видел ли кто-либо справедливое царствование дэвов?..
Но об этом спрошу я приверженцев лживых карапанов
и кавиев[56], изводящих скот.

Пер. *И. С. Брагинского*
(*Брагинский И. С.* Из истории таджикской
и персидской литератур. М., 1972. С. 123, 124)

Бундахишн

<...> Как известно из Авесты маздаяснийской, Ормазд всегда был высочайшим по всеведению, добродетели и светлости. Область света — место Ормазда, которое он называет «бесконечным светом», а всеведение и добродетель — постоянные свойства Ормазда. Как он говорит в Авесте, Авеста — это объяснение обоих: одного того, который постоянен и безграничен во времени,— ибо Ормазд, место, вера и время Ормазда были, есть и всегда будут,— и Ахримана, который во тьме, невежестве, страсти разрушения и бездне был, есть, но не будет. А место разрушения и тьмы — это то, что называют «бесконечная тьма». Между ними была пустота, то есть то, что называют «воздух», в котором теперь смешались друг с другом два духовных начала, ограниченное и безграничное, то есть верхнее, то, что называют «бесконечный свет», и бездна — «бесконечная тьма». То, что между ними — пустота, и одно не связано с другим, и затем оба духовных начала ограничены в себе. Что касается всеведения Ормазда, то он знает об обоих видах своих творений,— ограниченных и безграничных,— так, как он знает договор двух духовных начал. Далее власть творений Ормазда будет достигнута при конечном воплощении и станет безграничной навсегда и навечно. А творения Ахримана погибнут в то время, когда наступит конечное воплощение, и это тоже — безграничность.

Ормазд, благодаря всеведению, знал, что Ахриман существует и во все, что бы он ни задумал, Ахриман ревностно и страстно будет вмешиваться до конца. А так как Ормазд добивается конца противостояния многими средствами, то он сотворил духовные образы созданий, которые нужны для этих средств. Три тысячи лет они оставались духовными образами, которые были недумающими, неподвижными и с неосязаемыми телами.

Злой дух из-за невежества не знал о существовании Ормазда, а после того, как он поднялся из бездны, он вошел в свет, который увидел. Из-за своей разрушительной и ревностной природы он бросился разрушать свет Ормазда, недоступный для демонов. И он увидел, что храбрость и превосходство Ормазда больше, чем его собственные, и опять удрал во мрак и тьму. И он сотворил много дэвов и демонов, и творения разрушителя поднялись для устрашения. Ормазд, который увидел творения Злого духа, ужасные, грязные и дурные, счел их недостойными хвалы. Затем Злой дух увидел творения Ормазда, и они показались ему творениями очень одухотворенными, любознательными и достойными хвалы, и он одобрил творения и создания Ормазда.

Тогда Ормазд со знанием о том, каким будет конец вещей, пошел навстречу Злому духу и предложил ему мир, сказав: «О Злой дух! Помоги моим творениям и похвали их, чтобы в награду за это стал ты бессмертным, нестареющим, не испытывающим голода и жажды». Но Злой дух прорычал: «Я не

пойду, не помогу твоим творениям и не похвалю их, и я не соглашусь с тобою относительно добрых дел. Я уничтожу твои творения навсегда и навечно и сделаю так, что твои творения перестанут дружить с тобою и подружатся со мною». <...> И Ормазд сказал: «Ты не всезнающий и не всемогущий, о Злой дух! Поэтому ты не сможешь уничтожить меня и сделать так, чтобы мои творения не вернулись ко мне». Затем, благодаря всеведению, Ормазд узнал: «Если я не создам время соперничества, то он сможет мои творения обмануть и подчинить себе, так как и теперь, в *период смешения*, есть много людей, которые совершают больше грехов, чем праведных дел». И Ормазд сказал Злому духу: «Согласись [«прими»] со временем, чтобы наша борьба в *период смешения* продлилась девять тысяч лет». Потому что он знал, что с принятием этого периода времени Злой дух будет обессилен.

Тогда Злой дух, ненаблюдательный и неумный, одобрил такое соглашение [...]. Ормазд, благодаря всеведению, знал, что в течение этих девяти тысяч лет три тысячи лет будет все происходить по воле Ормазда, три тысячи лет — в смешении воли Ормазда и Ахримана, а в последние три тысячи лет Злой дух будет обессилен, и они прекратят противостояние из-за творений. Затем Ормазд прочитал *ахунавар*[57]. <...> И он показал Злому духу свою победу в конце, бессилие Злого духа и уничтожение дэвов, воскрешение, конечное воплощение и будущее спокойствие творений навсегда и навечно. Когда

Злой дух увидел свое бессилие и уничтожение дэвов, он оторопел и опять свалился во мрак и тьму. <...>

Ахриман пребывал в растерянности три тысячи лет, а Ормазд создал свои творения. Сначала он создал Вахмана, с помощью которого возникали творения Ормазда, а Злой дух создал сначала Ложь, а затем Акомана. Первым из материальных творений Ормазд сотворил небо, а из благого движения света — Вахмана, с которым была добрая маздаяснийская вера, и это потому, что ему было известно о том, что к творениям придет воскрешение. Затем появился Ардвахишт, затем Шахревар, затем Спандармад, затем Хордад, затем Амордад. А из темного мира были Ахриман, Акоман, Андар, Савар, затем Накаед, затем Тарев, затем Зарев[58]. Из творений Ормазда в материальном мире первое — небо, второе — вода, третье — земля, четвертое — растения, пятое — скот, шестое — человек.

<...> Между небом и землей Ормазд сотворил свет, звезды созвездий и не созвездий, затем луну, затем солнце. Как он говорит, сначала он создал небесный свод, а на нем укрепил звезды созвездий, а именно этих двенадцати [знаков Зодиака].

<...> Был первый день, когда в море Фрахвкард, в этом глубоком озере, выросло дерево, которое называют Гокирн. Оно необходимо как воскреситель, потому что из него готовят напиток бессмертия. Злой дух в той глубокой воде создал в качестве соперника дереву жабу, так что она может навре-

дить Хому. Для сдерживания этой жабы Ормазд создал там десять рыб Кара, которые постоянно кружат вокруг этого Хома, так что голова одной из тех рыб всегда обращена к жабе. Как и жаба, те рыбы питаются духовной пищей, так что им не нужна никакая еда. И они будут соперничать до воскрешения. <...>

О птице Каршипт говорят, что она может произносить слова, и она принесла веру в то убежище, которое построил Йима, распространила ее, и там произносят Авесту на языке птиц. [...].

XXIV. О главенстве среди людей, животных и всяких вещей он говорит в Авесте, что из человеческих существ первым был создан Гайомард, светлый и белый, который своими глазами увидит великого человека, который был бы здесь более всего подобен Зардушту, а главенство над всеми вещами было у него от Зардушта. Белая антилопа, что держит голову опущенной,— глава коз, она первой была создана из этих видов. Темная овца с белой челюстью — глава овец, она первой была создана из этих видов. Верблюд с белыми коленями был создан первым, он — глава верблюдов. Первым был создан черный бык с желтыми коленями, он — глава быков. Первой была сотворена белая лошадь с желтыми ушами, блестящей шерстью, белыми глазами, она — глава лошадей. Белый осел с кошачьими ногами — глава ослов. Первой из собак была сотворена светлая собака с желтой шерстью, глава собак. Был создан заяц-русак, он — глава быстробегающих.

Дикие звери не приручены, потому они злые. Первой из птиц была создана триединая птица Сен,— но не для этого мира, так как здесь глава Каршипт — та, которую называют «ястреб» и которая, как он говорит в Авесте, принесла веру в созданное Йимой убежище. Первым из пушных зверей был создан белый горностай, и он — глава пушных зверей. Как он говорит, именно белый горностай явился в собрание амахраспандов. Рыба Кара, или Арез,— глава водяных творений. Река Даити — глава текущих вод. Река Дарага[59] — глава верхних рек, потому что жилище отца Зардушта на ее берегу, и Зардушт родился там. Белый лес — глава лесов. Высокая гора Хугар, по которой текут воды Ардвисура, - глава сияющих вершин, так как она — та, над которой вращается звезда Садвес[60], глава... Выжатый хом — глава целебных растений. Пшеница — глава крупнозернистых злаков. Степная полынь — глава нелекарственных растений. Летнее просо, которое называют «гал» - глава мелкозернистых растений. Священный пояс — глава одежды. Наплечники — глава доспехов. Из двух человек, что являются вместе, - глава тот, кто мудрее и правдивее. <...>

Гл.30. О сущности воскрешения мертвых и конечном воплощении. <...> Поскольку Машйа и Машйане, которые выросли из земли, сначала питались водой, потом растениями, потом молоком. Потом мясной пищей, то и люди. Когда пришло время их смерти, сначала перестают есть мясо, потом пить молоко, потом есть хлеб, и до тех пор, пока не умрут,

они питаются водой. Таким образом, в тысячелетие Хушидармаха[61] уменьшится и сила алчности людей, так что в течение трех суток они будут пребывать в сытости только от вкушения освященной пищи. Затем они перестанут есть мясную пищу и будут есть растения и пить молоко, потом перестанут пить молоко и употреблять растительную пищу и будут питаться водой. И в течение десяти лет до прихода Сошйанса они будут оставаться без пищи и не умрут. Затем Сошйанс подготовит воскрешение [«поднятие»] мертвых.

<...> Зардушт спросил Ормазда: «Откуда опять возьмется тело, которое унес ветер и увлекла вода? Как произойдет воскрешение мертвых?» Ормазд ответил:

«Если мною было создано небо без колонн, на невидимой ["духовной"] основе далеко простирающегося света из вещества — блестящего металла;

если мною была создана земля, которая несет весь материальный мир, и ничто не держит мир, кроме нее;

если мною были направлены в воздушное пространство светил солнце, луна и звезды;

если мною было сотворено зерно, которое, когда его разбрасывают по земле, прорастает и умножается;

если мною были созданы разного рода цвета в растениях; если мною был создан огонь в растениях и других предметах без их сожжения;

если мною был сотворен и сформирован в утробе матери сын и были созданы по отдельности кожа, ногти, кровь, ноги, глаза, уши и другие части тела;

если мною были созданы ноги для воды, так что она бежит, и было создано облако, которое уносит воду с земли и проливает дождем там, где пожелает;

если мною был создан воздух, который силой ветра поднят с земли наверх и колышется согласно его желанию, и он виден глазом, а схватить его рукой невозможно;

то каждое из того, что было сотворено мною, было для меня труднее, чем осуществить воскрешение, потому что мне при воскрешении поможет то, что они уже есть. А если бы они созданы не были, это было бы сотворением из того, чего не было. Знай, что если уж я создал то, чего не было, то почему же для меня невозможно воссоздать то, что было? Поскольку в то время людям понадобится от духа земли — кость, из воды — кровь, из растений — волосы, из огня — глаза, которые они получили при сотворении основы».

Сначала поднимутся кости Гайомарда, затем — Машйа и Машйане, затем — остальных людей. За пятьдесят семь лет Сошйанс подготовит всех мертвых, и все люди восстанут: и те, кто праведен, и те, кто грешен,— каждый поднимется с того места, где уйдет его душа. Когда все материальные существа обретут свои тела и формы, тогда боги дадут им один облик. Что касается света солнца, то половину его дадут Гайомарду, а половину — другим людям. Тогда люди узнают, то есть душа и тело узнают: «Это — мой отец, это — моя мать, это мой брат, это моя жена, это — еще какой-то мой ближайший родственник». Затем будет собрание Исадвастара, и все

люди, что на этой земле, предстанут на нем. <...> Потом праведного отделят от грешного и затем праведного отправят в горний рай, а грешного — в ад. <...> Среди тех воскресителей — праведных людей, о которых написано, что они живы, - пятнадцать мужчин и пятнадцать дев, и они придут на помощь Сошйансу. Когда Гозихр, что на небе, с лунной вершины упадет на землю, земля испытает такую же боль, какую испытывает овца, на которую набрасывается волк. Затем огонь и божество Арйаман расплавят металл, что в горах и холмах, и он останется на земле, подобно реке. Затем они заставят всех людей войти в расплавленный металл и очиститься. Тому, кто праведен, тогда покажется, словно он идет в теплом молоке, а тому, кто грешен, тогда покажется так, словно он на земле идет в расплавленном металле.

Затем все люди соберутся в самой большой любви: отец и сын, брат и друг. <...> Все люди станут одним голосом и громко вознесут хвалу Ормазду и амахраспандам. <...> Сошйанс и его помощники совершат жертвоприношения ради воскрешения мертвых. Для этого жертвоприношения они убьют быка Хадйош и из жира этого быка и белого хома приготовят напиток бессмертия и дадут всем людям, и все люди станут бессмертны навсегда и навечно. <...> тот человек, кто достиг возраста зрелости, того воскресят в возрасте сорока лет, а того, кто был мал, пока не умер, воскресят в возрасте пятнадцати лет. И каждому дадут жену и ребенка, и они так

же будут сожительствовать с женами, как и теперь на земле, но у них не будут рождаться дети.

Затем по приказу творца Ормазда Сошйанс распределит всем людям возмездие и награду в соответствии с их делами. И бывают такие праведные, что он говорит, чтобы их взяли в рай и горний рай Ормазда, так как они заслужили. И их тела поднимаются, чтобы быть с ним всегда и вечно. <...>

Затем Ормазд схватит Злого духа, Вахман — Акомана, Ардвахишт — Андара, Шахривар — Савара, Спандармат — Тарумада, который Накаед, Хордад и Амордад — Тарева и Зарева, правдивая речь — лживую, Срош — Хешма[62]. Тогда останутся два демона: Ахриман и Аз. И Ормазд явится на землю и сам станет первым жрецом, а Срош — вторым жрецом. Они возьмут в руки священный пояс и сделают беспомощнейшими Злого духа и Аза, разбитых посредством гатовской молитвы, и по проходу, по которому Злой дух и Аз пробрались на небо, они опять свалятся во мрак и тьму. Змей Гозихр сгорит в этом расплавленном металле, и зловонное и грязь, что были в аду, сгорят в этом металле, и ад очистится, а Ахриман, Злой дух, свалится в этот металл. Ормазд возьмет землю ада и принесет ее для расширения мира, и в мире произойдет воскрешение, и, согласно его воле, мир станет бессмертным навсегда и навечно, И еще он так говорит, что земля станет гладкой, ровной, и на ней не будет ни холмов, ни вершин, ни гор, ни ям, ни возвышенностей, ни низин.

Пер. *О. М. Чунаковой* (Зороастрийские тексты. М.: Изд. фирма «Вост. литература» РАН, 1997. С. 265—309)

Кефалайя

<...> *38.* Тогда сказал ему Апостол: «Все заблуждение, когда враг Света устроил его, было устроено по подобию человека. Голова мира — это начало Одеяний, его шея — плечи Одеяний, его желудок — пять покровов, его бока — все тверди, его пуп — Сфера звезд и знаков зодиака; а части, идущие от его пупа, его лона — к бедрам, — то, что идет от сферы к углам четырех миров; его лядвеи — три земли нижних, стоящие на голове Омофора[63], его колени — оттуда до земли, на которой стоит Омофор; его голени и ноги — это преисподняя, лежащая под Омофором и всем Поясом, принадлежащим к этому миру.

То же внутри: его сердце — это люди, его печень — звери четвероногие, его легкие — род птиц, которые летают по воздуху, его селезенка — род рыб, плавающих по водам, его почки — мир гадов, ползающих по земле, его кожа внешняя — стена внешняя, которая окружает насаждения и великий Огонь, его кровь — образ Переправы[64] великого Огня, его волосы — это Переправа Тьмы, его желчь — Переправа Воды, его большая кишка — ширь великого Огня, который окружает мир, его жилы — все реки, озера, источники и родники, его глаза — звезды и знаки Зодиака, которые есть в Сфере, его ноги — четыре земли великих, которые внизу». <...>

Пер. *Е. Б. Смагиной* (Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. М., 1998.)

Гесиод. Теогония

Перво-наперво возник Хаос [Бездна], а затем
Широкогрудая Гея [Земля], прочное седалище навек
Всех бессмертных, живущих на вершине снежного Олимпа,
И Тартар туманный в недрах широкодорожной Земли,
И Эрос [Любовь] — прекраснейший среди бессмертных богов,
Расслабляющий члены всех богов и всех людей,
Покоряет он разум и соображение в груди.
Из Хаоса родились Эреб [Мрак] и черная Ночь,
А из Ночи произошли Эфир и Денница,
Которых она родила, зачав от Эреба в любовном совокуплении.
Земля сначала родила равное себе
Звездное Небо [Уран], чтобы оно покрыло ее повсюду,
И да будет блаженным богам прочным седалищем навек,
Родила и высокие Горы — прекрасные обиталища
Богинь-Нимф, которые живут в ущелистых горах,
Еще родила бурно волнующуюся неистощимую пучину —
Море, все это — без вожделенной любви. А потом
Разделив ложе с Небом, родила глубоководовертного Океана,
Кея с Крием и Гипериона с Яфетом,
Тейю с Реей и Фемиду с Мнемосиной,
Златовенчанную Фебу и обворожительную Тефию <...>
[*Титанов связали и низвергли.*]
Столь глубоко под землю, насколько небо отстоит от земли:
Ибо столько же и от земли до туманного Тартара.
И впрямь, падая с неба девять ночей и девять дней,

Медная наковальня на десятый день достигла бы Тартара.
Его окружает медная ограда, а вокруг нее — ночь
В три ряда разлита вокруг шеи; сверху же —
Корни земли и неистощимого моря.
Там, под туманною мглою, сокрыты боги Титаны
По решению Зевса Тучесобирателя
В месте гнилостно-затхлом, на крайних пределах чудовищной
[по размеру] Земли.
Оттуда не выйти: Посейдон закрыл выход дверьми
Медными, стена сооружена с обеих сторон.
Там обитают Гиг, Котт и отважный Обриарей,
Верные стражи Зевса Эгиоха.
Там и темной Земли, и туманного Тартара,
И неистощимого Моря, и звездного Неба —
Всех подряд находятся истоки и концы
Страшные, затхло-гнилые, они внушают жуть даже богам:
Бездна великая, даже и за целый год, падая,
Не достигает дна тот, кто вошел в ворота,
Но страшная буря за бурей будет носить его туда и сюда,
Даже бессмертным богам страшно
Это чудо. <...>
Там блестящие врата и медный порог,
Непоколебимо укрепленный длинными, непрерывными корнями,
Самородный, а спереди от них, отдельно от всех богов,
Обитают Титаны, по ту сторону темного Хаоса. <...>

Пер. под ред. *И. Д. Рожанского* (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 35, 36)

Орфическая теогония

(Дамаский. О началах. 123:) Сначала были вода и ил, который затвердел в землю. [Третье начало родилось из них и являет собой] Дракона [Змея] с приросшими головами быка и льва, а посреди них — лик бога. На плечах у него крылья, имя ему — Нестареющий Хронос [Время], он же Геракл. С ним соединена Ананкэ [Необходимость], — то же самое существо, что и Адрастея [Неизбежность] — бестелесная, распростертая по всему космосу и касающаяся его границ. [Хронос-Змей рождает тройное потомство:] влажный Эфир, безграничный Хаос, мглистый Эреб. [В них] Хронос родил яйцо. <...> Двоица заключенных в нем существ, мужского и женского <...> бестелесный бог с золотыми крыльями на плечах, у которого по бокам были проросшие головы быков, а на голове — чудовищный змей, принимающий всевозможные обличья зверей. [Эта теология также <...> воспевает Протогона (Перворожденного) и величает Зевса] распорядителем всех и всего космоса, [почему он и зовется также Паном]. <...>

(Афинагор. В защиту христиан. *18, 20:)* Ведь, по Орфею, началом всех вещей была вода, из воды возник ил, а из того и другого родилось животное Змей с приросшей головой льва [и быка], а посредине между ними — лик бога по имени Геракл или Хронос. Этот Геракл родил сверхвеликое яйцо, которое — переполняемое силой своего родителя - от трения

раскололось надвое. Верхняя его половина стала Небом, нижняя — Землей. Произошел и некий двутелый бог. <...> перворожденный бог Фанес — ведь это он первым произошел из яйца — имел тело или облик Змея и был проглочен Зевсом, чтобы Зевс стал неотделим от него. <...>

Пер. под ред. И. Д. Рожанского (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 61—65)

Старшая Эдда. Прорицание вёльвы

«Внимайте мне все
Священные роды,
Великие с малыми
Хеймдалля дети!
Один, ты хочешь,
Чтоб я рассказала
О прошлом всех сущих,
О древнем, что помню.

Великанов я помню,
Рожденных до века,
Породили меня они
В давние годы;
Помню девять миров
И девять корней
И древо предела,
Еще не проросшее.

В начале времен,
Когда жил Имир,
Не было в мире
Ни песка, ни моря,
Земли еще не было
И небосвода,
Бездна зияла,
Трава не росла.

Пока сыны Бора,—
Мидгард создавшие
Великолепный,
Земли не подняли,
Солнце с юга
На камни светило,
Росли на земле
Зеленые травы.

Солнце, друг месяца,
Правую руку
До края небес
Простирало с юга;
Солнце не ведало,
Где его дом.
Звезды не ведали,
Где им сиять,
Месяц не ведал
Мощи своей.

Тогда сели боги
На троны могущества
И совещаться
Стали священные,
Ночь назвали
 и отпрыскам ночи —
Вечеру, утру
И дня середине —
Прозвище дали,
Чтоб время исчислить.

Встретились асы
На Идавёлль-поле,
Капища стали
Высокие строить,
Сил не жалели,
Ковали сокровища,
Создали клещи,
Орудья готовили.

На лугу, веселясь,
В тавлеи играли,
Все у них было
Только из золота,—
Пока не явились
Три великанши.
Могучие девы
Из Ётунхейма.

Тогда сели боги
На троны могущества
И совещаться
Стали священные:
Кто должен племя
Карликов сделать
Из Бримира крови
И кости Блаина. <...>

И трое пришло
Из этого рода
Асов благих
И могучих к морю,
Бессильных увидели
На берегу

Аска и Эмблу,
Судьбы не имевших.

Они не дышали,
В них не было духа,
Румянца на лицах,
Тепла и голоса;
Дал Один дыханье,
А Хёнир — дух,
А Лодур — тепло
И лицам румянец[65].

Ясень я знаю
По имени Иггдрасиль,
Древо, омытое
Влагою мутной;
Росы с него
На долы нисходят;
Над источником Урд
Зеленеет он вечно.

Мудрые девы
Оттуда возникли,
Три из ключа
Под древом высоким;
Урд имя первой,
Вторая — Верданди,—
Резали руны;
Скульд имя третьей;
Судьбы судили,
Жизнь выбирали
Детям людей,
Жребий готовят.

Помнит войну она
Первую в мире:
Гулльвейг погибла,
Пронзенная копьями,
Жгло ее пламя
В чертоге Одина,
Трижды сожгли ее,
Трижды рожденную,
И все же она
Доселе живет.

Хейд ее называли,
В домах встречая,—
Вещей колдуньей,—
Творила волшбу
Жезлом колдовским;
Умы покорялись
Ее чародейству
Злым женам на радость.

Тогда сели боги
На троны могущества

И совещаться
Стали священные:
Стерпят ли асы
Обиду без выкупа
Иль боги в отмщенье
Выкуп возьмут.

В войско метнул
Один копье,
Это тоже свершилось
В дни первой войны;
Рухнули стены
Крепости асов,
Ваны в битве
Врагов побеждали.

Тогда сели боги
На троны могущества
И совещаться
Священные стали:
Кто небосвод
Сгубить покусился
И Ода жену
Отдать великанам?
Разгневанный Тор
Один начал битву —
Не усидит он,
Узнав о подобном! —
Крепкие были
Попраны клятвы,
Тот договор,
Что досель соблюдался»
<...>

Знает она,
Что Хеймдалля[66] слух
Спрятан под древом,
До неба встающим;
Видит, что мутный
Течет водопад
С залога Владыки,—
Довольно ли вам этого?

Она колдовала
Тайно однажды,
Когда князь асов
В глаза посмотрел ей:
«Что меня вопрошать?
Зачем испытывать?
Знаю я, Один,
Где глаз твой спрятан:
Скрыт он в источнике
Славном Мимира!»
Каждое утро
Мимир пьет

С залога Владыки —
Довольно ли вам этого?

Один ей дал
Ожерелья и кольца,
Взамен получил
С волшбой прорицанья,—
Сквозь все миры
Взор ее проникал.

Валькирий видала
Из дальних земель,
Готовых спешить
К племени готов; <...>
Любо скакать им
Повсюду, валькириям.
Видала, как Бальдр,
Бог окровавленный,
Одина сын,
Смерть свою принял:
Стройный над полем
Стоял, возвышаясь,
Тонкий, прекрасный
Омелы побег.

Стал тот побег,
Тонкий и стройный,
Оружьем губительным,
Хёд его бросил.
У Бальдра вскоре
Брат народился,—
Ночь проживя,
Он начал сражаться.

Ладоней не мыл он,
Волос не чесал,
Пока не убил
Бальдра убийцу;
Оплакала Фригг,
В Фенсалир сидя,
Вальгаллы скорбь —
Довольно ли вам этого?

Сплел тогда Вали
Страшные узы,
Крепкие узы
Связал из кишок.

Пленника видела
Под Хвералундом,
Обликом схожего
С Локи зловещим;
Там Сигюн сидит,
О муже своем
Горько печалясь,—
Довольно ли вам этого?

Льется с востока
Поток холодный,
Мечи он несет, -
Слид ему имя.

Стоял на севере
В Нидавеллир
Чертог золотой,—
То карликов дом;
Другой же стоял
На Окольнир дом,
Чертог великанов,
Зовется он Бримир.

Видела дом,
Далекий от солнца,
На Береге Мертвых,
Дверью на север;
Падали капли
Яда сквозь дымник,
Из змей живых
Сплетен этот дом.

Там она видела —
Шли через потоки
Поправшие клятвы,
Убийцы подлые
И те, кто жен
Чужих соблазняет;
Нидхёгг глодал там
Трупы умерших,
Терзал он мужей —
Довольно ли вам этого?

Сидела старуха
В Железном Лесу
И породила там
Фенрира род;
Из этого рода
Станет один
Мерзостный тролль
Похитителем солнца[67].
<...>

Будет он грызть
Трупы людей,
Кровью зальет
Жилище богов;
Солнце померкнет
В летнюю пору,
Бури взъярятся —
Довольно ли вам этого?

Запел над асами
Гуллинкамби,
Он будит героев

Отца Дружин[68];
Другой под землей
Первому вторит
Петух черно-красный
У Хель чертога.

Гарм[69] лает громко
У Гнипахеллира,
Привязь не выдержит —
Вырвется Жадный.

Ей многое ведомо:
«Все я провижу
Судьбы могучих
Славных богов».

Братья начнут
Биться друг с другом,
Родичи близкие
В распрях погибнут;
Тягостно в мире,
Великий блуд,
Век мечей и секир,
Треснут щиты,
Век бурь и волков
До гибели мира;
Щадить человек
Человека не станет.

Игру завели
Мимира дети,
Конец возвещен
Рогом Гьяллахорн;
Хеймдалль в рог трубит,
Поднял он рог,
С черепом Мимира
Один беседует.

Трепещет Иггдрасиль,
Ясень высокий,
Гудит древний ствол,
Турс вырывается. <...>

Хрюм едет с востока,
Щитом заслоняясь;
Ёрмунганд гневно
Поворотился;
Змей бьет о волны,
Клекочет орел,
Павших терзает;
Нагльфар плывет.
С востока в ладье
Муспелля люди
Плывут по волнам,
А Локи правит;
Едут с Волком

Сыны великанов,
В ладье с ними брат
Бюлейста едет[70].

Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
Асы на тинге;
Карлики стонут
Пред каменным входом
В скалах родных —
Довольно ли вам этого?

Сурт едет с юга
С губящим ветви,
Солнце блестит
На мечах богов;
Рушатся горы,
Мрут великанши,
В Хель идут люди,
Расколото небо.

Настало для Хлин[71]
Новое горе,
Один вступил
С Волком в сраженье,
А Бели убийца[72]
С Суртом схватился. —
Радости Фригг
Близится гибель. <...>

Сын тут приходит
Отца Побед,
Видар, для боя
Со зверем трупным;
Меч он вонзает,
Мстя за отца,—
В сердце разит он
Хведрунга сына[73].

Тут славный приходит
Хлодюн потомок,
Со змеем идет
Биться сын Одина,
В гневе разит
Мидгарда страж,
Все люди должны
С жизнью расстаться,—
На девять шагов
Отступает сын Фьёргюн,
Змеем сраженный —
Достоин он славы[74].

Солнце померкло,
Земля тонет в море,
Срываются с неба

Светлые звезды,
Пламя бушует
Питателя жизни,
Жар нестерпимый
До неба доходит.

Гарм лает громко
У Гнипахеллира,
Привязь не выдержит —
Вырвется Жадный.
Ей многое ведомо:
«Все я провижу
Судьбы могучих
Славных богов».

Видит она:
Вздымается снова
Из моря земля,
Зеленея, как прежде;
Падают воды,
Орел пролетает,
Рыбу из волн
Хочет он выловить.

Встречаются асы
На Идавёлль-поле,
О поясе мира
Могучем беседуют
И вспоминают
О славных событьях
И рунах древних
Великого бога.

Снова найтись
Должны на лугу
В высокой траве
Тавлеи золотые,
Что им для игры
Служили когда-то.

Заколосятся
Хлеба без посева,
Зло станет благом,
Бальдр вернется,
Жить будет с Хёдом
У Хрофта в чертогах[75],
В жилище богов —
Довольно ли вам этого?

Хёнир берет
Прут жеребьевый,
Братьев обоих
Живут сыновья
В доме ветров —
Довольно ли вам этого?

Чертог она видит
Солнца чудесней,
На Гимле стоит он,
Сияя золотом:
Там будут жить
Дружины верные,
Вечное счастье
Там суждено им.

Нисходит тогда
Мира владыка,
Правящий всем
Властелин могучий.

Вот прилетает
Черный дракон,
Сверкающий змей
С Темных вершин;
Нидхёгг несет,
Над полем летя,
Под крыльями трупы —
Пора ей исчезнуть.

Пер. *А. Корсуна* (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С.183—190).

Младшая Эдда. Видение Гюльви

Он [Гюльви-Ганглери] увидел три престола, один другого выше. И сидят на них три мужа. И приведший его отвечает, что на самом низком из престолов сидит конунг, а имя ему — Высокий. На среднем троне сидит Равновысокий, а на самом высоком — Третий. Тогда спрашивает Высокий, есть ли у него еще какое-то к ним дело, а еда, мол, и питье готовы для него, как и для прочих, в Палате Высокого. Ганглери сказал, что сперва он хочет спросить, не сыщется ли в доме мудрого человека. Высокий на это отвечает, что не уйти ему живым, если не окажется он мудрее.

И стой, покуда
Ты вопрошаешь.
Пусть сидит отвечающий.

И вот Ганглери начал спрашивать: «Кто самый знатный или самый старший из богов?» Высокий говорит: «Его называют Всеотец, но в древнем Асгарде у него было двенадцать имен <...>».

Тогда спрашивает Ганглери: «Где живет этот бог? И в чем его мощь? И какими деяниями он прославлен?». Высокий говорит: «Живет он от века, и правит в своих владениях, а властвует надо всем на свете, большим и малым». Тогда молвил Равновысокий: «Он создал небо, и землю, и воздух, и все, что к ним принадлежит». Тогда молвил Третий: «Всего же важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом иль пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте, что зовется Гимле ["Защита от огня"] или Вингольв ["Обитель блаженства"]. А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифльхель. Это внизу, в девятом мире». Тогда спросил Ганглери: «Что же было вначале? И откуда взялось? И что было еще раньше?». <...>

И сказал Равновысокий: «За много веков до создания земли уже был создан Нифльхейм. В средине его есть поток, что зовется Кипящий Котел, и вытекают из него реки <...>».

Тогда сказал Третий: «Всего раньше была страна на юге, имя ей Муспелль. Это светлая и жаркая страна, все в ней горит и пылает. И нет туда доступа тем, кто там не живет и не ведет оттуда свой род. Суртом [Черным] называют того, кто сидит на краю Муспелля и его защищает. В руке у него пылающий меч, и, когда настанет конец мира, он пойдет войною на богов и всех их победит и сожжет в пламени весь мир <...>».

Ганглери спросил: «Что же было в мире до того, как возникли племена и умножился род людской?» Тогда сказал Высокий: «Когда реки, что зовутся Эливагар ["Бурные волны"], настолько удалились от своего начала, что их ядовитая вода застыла подобно шлаку, бегущему из огня, и стала льдом, и когда окреп тот лед и перестал течь, яд выступил наружу росой и превратился в иней, и этот иней слой за слоем заполнил Мировую Бездну». И сказал Равновысокий: «Мировая Бездна на севере вся заполнилась тяжестью льда и инея, южнее царили дожди и ветры, самая же южная часть Мировой Бездны была свободна от них, ибо туда залетали искры из Муспелльсхейма». Тогда сказал Третий: «И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то близ Муспелльсхейма всегда царили тепло и свет. И Мировая бездна была там тиха, словно воздух в безветренный день. Когда ж повстречались иней и теплый воздух, так что тот иней стал таять и стекать вниз, капли ожили от теплотворной силы и приняли образ человека, и был тот человек Имир, а инеи-

стые великаны зовут его Аургельмиром. От него-то и пошло все племя инеистых великанов <...>».

Тогда спросил Ганглери: «Как же возникли отсюда все племена? И откуда взялись другие люди? Или веришь ты, что тот, о ком рассказываешь, был богом?» И отвечает Высокий: «Никак не признаем мы его за бога. Он был очень злой и все его родичи тоже, те, кого мы зовем инеистыми великанами. И сказывают, что, заснув, он вспотел, и под левой рукой у него выросли мужчина и женщина. А одна нога зачала с другою сына. И отсюда пошло все его потомство — инеистые великаны. А его, древнейшего великана, зовем мы Имиром».

Тогда спросил Ганглери: «Где жил Имир? И чем он питался?» Высокий отвечает: «Как растаял иней, тотчас возникла из него корова по имени Аудумла, и текли из ее вымени четыре молочные реки, и кормила она Имира». Тогда сказал Ганглери: «А чем же кормилась сама корова?». Высокий говорит: «Она лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выросли человечьи волосы, на второй день — голова, а на третий день возник весь человек. Его прозывают Бури ["Родитель"]. Он был хорош собою, высок и могуч. У него родился сын по имени Бор ["Рожденный"]. Он взял в жены Бестлу, дочь Бёльторна-великана, и она родила ему трех сыновей: одного звали Один, другого Вили, а третьего — Ве. И верю я, что Один и его братья — правители на небе и на земле. Думаем

мы, что именно так его зовут. Это имя величайшего и славнейшего из всех ведомых нам мужей, и вы можете тоже называть его так».

Тогда спросил Ганглери: «Как же поладили они меж собою? И кто из них оказался сильнее?» Так отвечает Высокий: «Сыновья Бора убили великана Имира. А когда он пал мертвым, вытекло из его ран столько крови, что в ней утонули все инеистые великаны. Лишь один укрылся со всею своей семьей. Великаны называют его Бергельмиром [“Ревущий, как медведь”]. Он сел со своими детьми и женою в ковчег и так спасся. От него-то и пошли новые племена инеистых великанов <...>».

Сказал тогда Ганглери: «За что же принялись тогда сыновья Бора, если они были, как ты думаешь, богами?» Высокий сказал: «Есть тут о чем поведать. Они взяли Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его — море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни — из передних и коренных его зубов и осколков костей». Тогда молвил Равновысокий: «Из крови, что вытекла из ран его, сделали они океан и заключили в него землю. И окружил океан всю землю кольцом, и кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть». Тогда молвил Третий: «Взяли они и череп его и сделали небосвод. И укрепили его над землей, загнув кверху ее четыре угла, а под каждый угол посадили по карлику. Их прозывают так: Восточный, Западный, Север-

ный и Южный. Потому они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма, и прикрепили их в середину неба Мировой Бездны, дабы они освещали небо и землю. Они дали место всякой искорке: одни укрепили на небе, другие же пустили летать в поднебесье, но и этим назначили свое место и уготовили путь. И говорят в старинных преданиях, что с тех пор и ведется счет дням и годам <...>».

Тогда сказал Ганглери: «Слышу я о великих деяниях. На диво огромна эта робота и выполнена искусно. Как же была устроена земля?». Тогда отвечает Высокий: «Она снаружи округлая, а кругом ее лежит глубокий океан. По берегам океана они отвели земли великанам, а весь мир в глубине суши оградили стеною для защиты от великанов. Для этой стены они взяли веки великана Имира и назвали крепость Мидгард. Они взяли и мозг его и, бросив в воздух, сделали облака. <...>»

Тогда сказал Ганглери: «<...> А откуда взялись люди, населяющие землю?» И отвечает Высокий: «Шли сыновья Бора берегом моря и увидали два дерева. Взяли они те деревья и сделали из них людей. Первый дал им жизнь и душу, второй — разум и движенье, третий — облик, речь, слух и зрение. Дали они им одежду и имена: мужчину нарекли Ясенем, а женщину — Ивою. И от них-то пошел род людской, поселенный богами в стенах Мидгарда. Вслед затем они построили себе град в середине мира и назвали его Асгард, а мы на-

зываем его Троя. Там стали жить боги со своим потомством, и там начало многих событий и многих распрь на земле и на небе».

Есть в Асгарде место Хлидскьяльв. Когда Один восседал там на престоле, видел он все миры и все дела людские, и была ему ведома суть всего видимого. Имя жены его — Фригг, дочь Фьергвина, и от них родились все те, кого мы зовем родом асов и кто населяет древний Асгард и соседние страны. Все они божественного происхождения. И должно величать Одина Всеотцом, ибо он — отец всем богам и людям, всему, что мощью его было создано. И Земля была ему дочерью и женою. От нее родился его старший сын, это Аса-Тор <...>.

Нерви или Нарви звался великан, живший в Ётунхейме. Была у него дочь, от рождения темная и сумрачная, по имени Ночь. Мужем ее был человек по имени Нагльфари, а сына их звали Ауд. Потом был ее мужем Анар, дочь их звалась Землею. А последним мужем ее был Деллинг, из рода асов. Сына их звали День. Был он в отца своего светел и прекрасен собою. Позвал Всеотец Ночь и сына ее по имени День и дал им двух коней и две колесницы и послал их в небо, дабы раз в сутки объезжали они всю землю. Впереди несется Ночь, и правит конем Инеистая Грива, и каждое утро орошает землю пена, стекающая с его удил. А конь Дня зовется Ясная Грива, и грива его озаряет землю и воздух».

Тогда спросил Ганглери: «А как правит он ходом солнца и звезд?» Высокий говорит: «Одного человека звали Мундильфари [“Движущийся в определенные сроки”]. У него было двое детей. Они были так светлы и прекрасны, что он назвал Месяцем сына своего, а дочь — Солнцем. И отдал он дочь в жены человеку по имени Глен. Но богов прогневала их гордыня, и они водворили брата с сестрою на небо, повелев Солнцу править конями, впряженными в колесницу солнца: а солнце боги сделали, чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из Муспелльсхейма. Эти кони зовутся Ранний и Проворный. Под дугами же у коней повесили боги по кузнечному меху, дабы была им прохлада. В некоторых преданиях это называют кузнечным горном.

Месяц управляет ходом звезд, и ему подчиняются новолуние и полнолуние. Он взял с земли двух детей, Биля и Хьюки, в то время как они шли от источника Бюргир и несли на плечах коромысло Симуль с ведром Сэг. Имя их отца — Видфинн. Дети всегда следуют за месяцем, это видно с земли».

Тогда молвил Ганглери: «Быстро мчится дева Солнце, словно чего-то страшится; спасайся она от самой смерти, и тогда не удалось бы ей бежать быстрее». Тогда отвечает Высокий: «Нечему тут дивиться, что она так бежит. Нагоняет ее преследователь, и ей ничего не остается, кроме как убегать». Тогда спросил Ганглери: «Кто же желает ее погибели?» Высокий говорит: «Есть два волка, и того, что бежит за нею,

зовут Обман. Его-то она и страшится, и он настигнет ее. Имя другого волка — Ненавистник, он сын Хродвитнира. Он бежит впереди нее и хочет схватить месяц. Так оно и будет». Тогда сказал Ганглери: «Кто породил тех волков?» Высокий говорит: «Есть великанша, что живет к востоку от Мидгарда в лесу, прозванном Железный Лес. Старая великанша породила многих сыновей-великанов, все они видом волки. Говорят, что того же племени будет и сильнейший из волков, по имени Лунный Пес. Он пожрет трупы всех умерших и проглотит месяц и обрызжет кровью все небо и воздух. Тогда солнце погасит свой свет, обезумеют ветры, и далеко разнесется их завыванье <...>»

Тогда спросил Ганглери: «Какой путь ведет с земли на небо?» Отвечал со смехом Высокий: «Неразумен твой вопрос! Разве тебе неизвестно, что боги построили мост от земли до неба, и зовется мост Биврёст. Ты его, верно, видел. Может статься, что ты зовешь его радугой. Он трех цветов и очень прочен и сделан — нельзя искуснее и хитрее. Но как ни прочен этот мост, и он подломится, когда поедут по нему на своих конях сыны Муспелля <...>».

Тогда спросил Ганглери: «Что предпринял Всеотец, когда строился Асгард?» Высокий отвечает: «Сначала он собрал правителей мира, чтобы решить с ними судьбу людей и рассудить, как построить город. Было это в поле, что зовется Идавёлль, в середине города. Первым их делом было воздвигнуть святилище с двенадцатью тронами и престолом для

Всеотца. Нет на земле дома больше и лучше построенного. Все там внутри и снаружи как из чистого золота. Люди называют тот дом Чертогом Радости. Сделали они и другой чертог. Это святилище богинь, столь же прекрасное, люди называют его Вингольв. Следом построили они дом, в котором поставили кузнечный горн, а в придачу сделали молот, щипцы, наковальню и остальные орудия. Тогда они начали делать вещи из руды, из камня и из дерева. И так много ковали они той руды, что зовется золотом, что вся утварь и все убранство были у них золотые, и назывался тот век золотым, пока он не был испорчен женами, явившимися из Ётунхейма.

Затем сели боги на своих престолах и держали совет и вспомнили о карликах, что завелись в почве и глубоко в земле, подобно червям в мертвом теле. Карлики зародились сначала в теле Имира, были они и вправду червями. Но по воле богов они обрели человеческий разум и приняли облик людей. <...>

Тогда спросил Ганглери: «Где собираются боги или где главное их святилище?». Высокий ответил: «Оно у ясеня Иггдрасиль, там всякий день вершат боги свой суд». Тогда сказал Ганглери: «Что можно сказать о том месте?» Равновысокий отвечает: «Тот ясень больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, второй — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тя-

нется у Нифльхейму, и под этим корнем — поток Кипящий Котел, и снизу подгрызает этот корень дракон Нидхёгг. А под тем корнем, что протянулся к инеистым великанам — источник Мимира, в котором сокрыты знание и мудрость. Мимиром зовут владетеля этого источника. Он исполнен мудрости, оттого что пьет воду этого источника из рога Гьяллахорн. Пришел туда раз Всеотец и попросил дать ему напиться из источника, но не получил он ни капли, пока не отдал в залог свой глаз. <...>

Под тем корнем ясеня, что на небе, течет источник, почитаемый за самый священный, имя ему Урд. Там место судбища богов. Каждый день съезжаются туда асы по мосту Биврёст <...>»

Тогда сказал Ганглери: «Разве Биврёст охвачен пламенем?» Высокий говорит: «Тот красный цвет, что ты видишь в радуге,— это жаркое пламя. Инеистые великаны и великаны гор захватили бы небо, если бы путь по Биврёсту был открыт для всякого. Много прекрасных мест на небе, и все они под защитой богов. Под тем ясенем у источника стоит прекрасный чертог, и из него выходят три девы. Зовут их Урд, Верданди и Скульд. Эти девы судят людям судьбы, мы зовем их норнами. Есть еще и другие норны, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою. <...>

Тогда спросил Ганглери: «Что еще можно поведать о том ясене?» Высокий говорит: «Многое можно о нем сказать.

В ветвях ясеня живет орел, обладающий великой мудростью. А меж глаз у него сидит ястреб Ведрфёльнир [“Полинявший от непогоды”]. Белка по имени Грызозуб снует вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг. Четыре оленя бегают среди ветвей ясеня и объедают его листву. Их зовут Даин, Двалин, Дунейр, Дуратрор. И нет числа змеям, что живут в потоке Кипящий Котел вместе с Нидхёггом. <...>

И рассказывают, что норны, живущие у источника Урд, каждый день черпают из него воду вместе с той грязью, что покрывает его берега, и поливают ясень, чтоб не засохли и не зачахли его ветви. И так священна эта вода, что все, что ни попадает в источник, становится белым, словно пленка, лежащая под скорлупой яйца. <...>

Росу, выпадающую при этом на землю, люди называют медвяной, и ею кормятся пчелы. Две птицы живут в источнике Урд, их называют лебедями, и отсюда пошла вся порода птиц, что так называется».

Тогда спросил Ганглери: «Много чудесного можешь ты поведать о небе. Что там еще есть замечательного, кроме источника?» Высокий отвечает: «Немало там великолепных обиталищ. Есть среди них одно — Альвхейм. Там обитают существа, называемый светлыми альвами. А темные альвы живут в земле, у них иной облик и совсем иная природа. Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а темные — чернее смолы. Есть там еще жилище, называемое Брейдаб-

лик ["Широкий Блеск"], и нет его прекраснее. Есть и другое, что зовется Глитнир ["Блестящий"]. Стены его и столбы и колонны — все из красного золота, а крыша — серебряная. И есть еще жилище Химинбьёрг ["Небесные горы"]. Оно стоит на краю неба, в том месте, где Биврёст дугою своею упирается в небо. Есть еще большое жилище Валаскьяльв, им владеет Один. Его построили боги, и оно крыто чистым серебром. И есть в том чертоге Хлидскьяльв, так зовется престол. Когда восседает на нем Всеотец, виден ему отсюда весь мир. На южном краю неба есть чертог, что прекраснее всех и светлее самого солнца, зовется он Гимле. Он устоит и тогда, когда обрушится небо и погибнет земля, и во все времена будут жить в том чертоге хорошие и праведные люди.<...>

Тогда спросил Ганглери: «Что же будет защитой этому чертогу, когда пламя Сурта сожжет небеса и землю?». Высокий отвечает: «Говорят, будто к югу над нашим небом есть еще другое небо, и зовется то небо Андланг ["Беспредельное"], и есть над ним и третье небо — Видблаин ["Широкосинее"], и, верно, на том небе и стоит этот чертог. Но ныне обитают в нем, как мы думаем, одни лишь светлые альвы».

Тогда сказал Ганглери: «Откуда берется ветер? <...>». Тогда отвечает Высокий: «Об этом я легко могу тебе поведать. На северном краю неба сидит великан по имени Пожиратель Трупов. У него облик орла. И когда он раскрывает

крылья для полета, из-под крыльев его поднимается ветер. <...>».

Тогда спросил Ганглери: «Почему так несхожи меж собой зима и лето: лето жаркое, а зима холодная?». Высокий отвечает: «<...> Отец лета зовется Свасуд [“Приятный”], он ведет безмятежную жизнь, и потому его именем называется также все приятное. Отца хе зимы называют когда Виндлони, а когда Виндсваль [“Холодный, как ветер”]. Он сын Васада [“Неприятный”], и все в их роду жестокосерды и злобны. Вот почему у Зимы такой нрав».

Пер. *О. А. Смирницкой* под ред. *М. И. Стеблин-Каменского.*
(Младшая Эдда. Л., 1970. С. 14—26)

Китайские сказания о Пань-Гу

[*Сюй Чэн. Тай-пин ю-лан (983 г.):*] Небо и земля были в состоянии хаоса, подобно куриному яйцу, внутри которого родился Пань-Гу. Через 18 000 лет небо и земля разделились. Ясное и чистое стало небом, а темное и мутное стало землей. Посредине был Пань-Гу, который каждый день девять раз изменялся. Стал он духом в небе, а святым мудрецом на земле. Каждый день небо становилось выше на одну стопу. Каждый день земля становилась толще на одну стопу. Пань-Гу каждый день становился на одну стопу выше. И было так в течение 18 000 лет. Небо стало очень высоким, а земля

очень толстой, Пань-Гу же вырос колоссально. Поэтому небо отстоит от земли на 19 000 стоянок.

Родившись внутри великого яйца, содержавшего природный хаос, Пань-Гу рос и рос, пока наконец ему не стало тяжело дышать. Тогда он заснул, чтобы внезапно пробудиться через 18 000 лет. Протер глаза, но ничего не увидел. Вокруг был только непроницаемый мрак. Тогда сердце его наполнилось печалью. Желая выбраться из того огромного яйца, схватил топор и ударил им в темноту. Раздался оглушающий треск, и яйцо лопнуло. Небо начало отделяться от земли. <...>

[*Чжоу Ю. (Начало XVII в.):*] Пань-Гу отталкивал небо дальше вверх и толкал землю вниз. Но все еще земля и небо были между собой связаны. Тогда Пань-Гу взял в левую руку долото, а в правую топор, и начал ними ударять. А поскольку силу имел огромную, удалось ему отделить наконец небо от земли.

[*Сюй Чэн. У-юнь ли-нян-цы:*] Его [Пань-Гу] дыхание стало ветром и тучами, его голос превратился в гром и молнию. Его левый глаз стал солнцем, правый же превратился в луну. Четыре его конечности стали четырьмя сторонами света, а его пять членов стали пятью великими горами. Кровь его дала начало рекам. Его жилы стали дорогами на земле. Волосы превратились в звезды и планеты. Его волосы на теле стали травами и деревьями. Его зубы и кости превратились в золото и нефрит. Его семя и его мозг стали жемчугом

иясписом, а пот его стал дождем и росой. <...> Что касается Пань-Гу, то голова его была подобна голове дракона, тело же напоминало змею. Когда вдыхает он, возникают ветры и дожди, когда выдыхает, возникают гром и молния. Когда открывает глаза, наступает день, когда закрывает, наступает ночь.

[*Жень Фан. Шу-и-цзи (Объяснение удивительных вещей). (V в.):*] Древние мудрецы говорили, что из слез Пань-Гу возникли реки и ручьи, из его дыхания возник ветер, из голоса — гром, а из зрачков — молнии. Говорят также древние, что из радости Пань-Гу происходит погода, а из его злости — непогода.

(*Künstler M. J.* Mitologia chinska.
Warszawa, 1981. S. 35—37)

Курдско-езидский миф

Вначале существовал океан. Посреди его росло дерево, и на нем жил Бог в образе птицы. Сколько веков оставался он на дереве, неизвестно. В одной стране, отдаленной от того места, где росло дерево, был розовый куст, отягощенный цветами; в одной из этих роз приютился Шейх-Синн [или Гасан-эль-Басри]. Бог создал его от самого себя, путем эманации.

Затем Бог создал от собственного своего света архангела Гавриила, также в образе птицы. Поместив его рядом с собою

на дереве, Бог обратился к нему с вопросом: «Кто ты и кто я?». На это архангел ответил: «Ты еси ты, а я есмь я!» Таким гордым ответом он хотел показать, что он в могуществе и величии равен Богу и что каждый из них имеет свое особое назначение. Бог прогневался на архангела за такой дерзкий ответ и ударом клюва своего согнал его с дерева.

Архангел улетел и несколько веков блуждал в пустом пространстве; наконец, он устал и вернулся назад, чтобы приютиться на дереве. Но Бог опять обратился к нему с тем же вопросом: «Кто ты и кто я?» Искавший убежища дух дал такой же ответ, как и прежде; Бог опять клюнул его и прогнал с дерева. Изгнанник снова пустился в путь и опять несколько веков парил в пространстве, не находя нигде пристанища, чтобы дать отдохнуть своим изнемогающим от усталости крыльям.

Однажды он пролетал мимо розового куста, но не знал, что в розе обитает Шейх-Синн. Последний, заметив изгнанника, подозвал его к себе и спросил: «Куда ты летишь? Отчего так кружишься?» — «Посреди океана, очень далеко отсюда,— сказал он,— есть дерево, а на дереве том сидит птица; каждый раз, как я хочу сесть на дерево, чтобы отдохнуть, она отгоняет меня». — «О чем она спрашивает и что ты отвечаешь ей?» — спросил Шейх. Гавриил сообщил ему суть разговора, который он имел с Богом. Тогда Шейх научил его, как поступить, чтобы заслужить расположение Бога. «Вернись к нему,— сказал Шейх-Синн Гавриилу,— если он предло-

жит тебе тот же вопрос, то отвечай: "Ты Создатель, а я не более, как творение твое; ты кормилец мой, а я только благодетельствуемый тобою питомец!".

Архангел прилетел к Богу, и он предложил тот же вопрос: «Кто ты и кто я?» На этот раз Гавриил поступил согласно данному Шейхом наставлению. Тогда Бог спросил его: «Кто вложил в уста твои эти слова?» — «Такое наставление дало мне одно существо,— отвечал архангел,— я встретил его на розовом кусте, растущем посреди океана». — «А! Это наш Господь Аль-Уаркани ["обитатель розы"]»,— воскликнул Бог. С тех пор Гавриил остался с ним.

Затем, несколько позже, Бог создал от собственного света еще трех богов и многое множество ангелов. Призвав к себе Шейх-Синна, он построил корабль. Одновременно с этим созданы были еще три других божества: одно из них держало на голове корабль, другое правило носом корабля, а третье толкало его вперед со стороны кормы. Все шестеро, Бог, Шейх-Синн, Гавриил и три других бога, сели на корабль и предприняли путешествие, продолжавшееся несколько веков. Во время плавания между богами возник спор, и каждый из них утверждал, что только он один всемогущий Бог. Они наконец пришли к тому заключению, что все они не могут быть равны между собою в величии и могуществе и что один из них должен быть могущественнее остальных. Они единогласно решили признать единым, всемогущим Богом того, кто сгустит воду и создаст из нее твердь и небесный свод. После та-

кого решения, все попытались обратить в твердое вещество жидкую стихию — воду. С этой целью они начали по очереди плевать в океан. Все усилия пятерых богов были безуспешны. Наступила наконец очередь Бога; как только он плюнул в океан, так сейчас же вода обратилась в твердую массу, и образовалась суша.

В тот момент, когда совершился этот переворот, в океане произошло сильное сотрясение. Последний изверг из глубины своей неизмеримое количество густого дыма, который покрыл все пространство, вследствие чего и воцарился мрак. Тогда Бог сотворил два больших светила и звезды, которые стали освещать Вселенную. Наконец, после всего этого, Бог сотворил небо, рай и ад.

(Извлечение из заметок г-на Сиуффи об езидах // Записки Кавказского отдела имп. Русского географического Общества. 1891. Кн. 13. Вып. 2. С. 267—269)

Индийская легенда

Брахма, который находился на лотосе посреди океана и не видел ничего другого во Вселенной, подумал, что он самый первый из всех созданий. Он спустился по стеблю лотоса и встретил Нараяну [Вишну], который спал. Брахма его спросил: «Кто ты?» — «Я — перворoдный»,— ответил Вишну. Брахма начал спорить и даже напал на Вишну. Но во время их борьбы Махадева [Шива] спустился, чтобы их раз-

мирить, и сказал: «Я — перворoдный, но я признаю старшим того, кто будет в состоянии увидеть макушку моей головы и стопы моих ног!»

Вишну превратился в кабана, прорыл землю и проник в преисподние места, где увидел ноги Махадевы, который признал Вишну, после его возвращения, старейшим среди богов.

(*Драгоманов М.* Забележки върху славянските религиозно-етически легенди // Сборник за народни умотворения. 1892. Кн. 8. С. 283)

Легенда венгерских цыган

Когда не было ничего на земле, кроме огромного количества воды, Бог задумал создать мир, но не знал, сколько будет работы. Когда его брала досада, что не может начать и не имеет брата, чтобы с ним посоветоваться, то бросил он в воду палку, на которую опирался, когда ходил по облакам. Как упала палка в воду, тотчас же выросло в том месте исполинское дерево, корни которого спускались в морские глубины. На одной из ветвей того дерева сидел дьявол, который тогда был белый, как созданный позже Богом человек.

— Милый Боженька, милый братик,— закричал дьявол и усмехнулся,— мне поистине тебя жаль! Ты не имеешь ни брата, ни друга. Хорошо, я тебе стану братом и другом.

— О, нельзя! — ответил Бог. — Ты не можешь быть мне братом, никто не может быть мне братом. Будь мне другом.

Через девять дней после того разговора, когда Господь не создал еще мира, поскольку не знал, как начать работу, он заметил, когда ходил с дьяволом, что тот не слишком приятельски настроен к нему. Дьявол, который не был глуп, заметил, что Господь ему не верит, и сказал ему:

— Милый братец, не думаешь ли, что нас только двое? Вели, создай еще одного, чтобы нас было трое.

— Легко сказать: создай другого,— ответил Бог с большим сожалением,— создай его ты, если такой умный.

— Да, но я не способен на такую работу,— сказал дьявол,— а то я бы давно уже создал прекрасный и широкий мир; что пользы от моего желания, если не знаю, милый братец, как начать работу.

— Хорошо,— сказал Бог, когда задумался, и почесался, и вспомнил нечто,— я создам мир, но нужно, чтобы ты помог. Иди скорее, не трать времени, опустись в воду и принеси мне со дна горсть песка, чтобы создать из него землю.

— Ой ли,— сказал дьявол, прикидываясь дураком,— как же ее создашь? Я не понимаю.

— Я произнесу свое имя, и песок сам образует шар,— ответил Бог,— но скорее принеси песка.

Дьявол нырнул в воду и сказал себе: «О, я не так глуп, чтобы оставить другому создать мир. Я сам его создам, когда произнесу свое имя».

Когда дьявол достиг дна вод, загреб песка двумя руками, но, когда произнес свое имя, то оказался вынужден бросить

песок, поскольку тот обжег ему руки. Когда вернулся дьявол, сказал Богу, что не может найти песка.

— Иди, возьми, но донеси, как я тебе велел.

В течение девяти дней он говорил, что не может найти песка; лгал, поскольку постоянно пытался создать мир из песка и воды, произнося свое имя — но всякий раз обжигался; песок становился все горячее и горячее грозил сжечь его, так что тот вернулся черный, словно обугленный.

Когда увидел Господь дьявола, сказал ему:

— Ты стал черен, как вижу, ты был мне плохим другом; поспеши теперь и принеси мне песка из воды, но не произноси снова своего имени, иначе песок тебя сожжет совсем.

Дьявол нырнул в воду и сделал, как ему было сказано. Бог взял песок, произнес свое имя, мир был создан и дьявол очень обрадовался.

— Тут,— сказал он, когда сел под раскидистым деревом,— под этим деревом я останусь жить, а ты, милый братик, поищи себе другое жилище.

Это безобразие так разгневало Бога, что он сказал:

— Ах ты бродяга, погоди, я тебя научу ума: вон отсюда!

В тот же миг огромный бык выскочил из кустов, поднял дьявола на рога и побежал с ним по широкому свету. От страха и боли дьявол стал так громко кричать, что от дерева откололись щепки и превратились в людей.

Так Господь создал мир и людей в нем с помощью дьявола.

(*Драгоманов М.* С. 312—314)

Сванская легенда

Было время, когда ни неба не было, ни земли и не того, что теперь на них есть. Все было покрыто водою, морем. Посредине этого моря поднималась высокая скала и в средине скалы был Бог. Богу наскучило быть в скале одному только, и он раскрыл ее на протяжении двенадцати верст и вышел из нее. Тогда он осушил воду, и смесь воды и земли, что была вокруг скалы, Бог разделил надвое: из одной части сделал Бог небо, из другой землю для людей и живых существ. Но живых существ еще не было; тогда от скуки у Бога из правого глаза упала слеза, и она стала Михаилом-архангелом, потом из левого глаза упала слеза, и стал Гавриил-архангел. Много прошло времени. По повелению Бога на земле создалось много живых существ и люди. Бог и его ангелы ходили вместе по Вселенной.

<...> Много ездили Бог и его ангелы по миру на своих раши (чудо-конях); везде осушали для людей воду и, наконец, увидели они огромный камень, белый как снег <...>. Подошли к камню. Бог ударил кнутом камень, камень разбился, и из него вышел Сатана и сразу схватил коня Бога. Бог просил о помощи,— тогда ангелы окружили Сатану и начали его спрашивать: «Кто он или чей он властелин?» Сатана сказал Богу: «Я и ты, оба мы были в середине камня; я и ты — оба одного рода; я есмь сердце камня, как и ты, потому и удели мне что-либо из Вселенной». Бог предложил своим ангелам обсудить просьбу Сатаны. Они разделили все

на три части: в одну часть выделили всех живых людей, в другую — души умерших людей, в третью всех животных и птиц. Бог выбрал себе людей и животных, Сатана — душу человека; но при этом ангелы прибавили одно условие,— они сказали Сатане: «Сатана, ты очень не радуйся! Знай, что душа человека будет в твоих руках дотоле только, пока у Бога не родится Сын, который и избавит от твоего господства души умерших людей». [Рождение Христа и разрушение им ада].

(Сборник материалов для описания местностей
и племен Кавказа. 1890. Вып. 10. С. 245—249)

Грузинская легенда

Вначале Вселенная была покрыта водою. Бог, создатель мира, в то время находился в Самкарской скале. Однажды он выскочил из нее и бросился в воду.; в воде ему стало холодно; он вздохнул и проронил две слезинки из глаз. Слезинки эти превратились в архангелов Михаила и Гавриила, из которых первый постоянно стоит по правую сторону Бога, а второй — по левую. Бог все ниже и ниже опускался в воду и тонул. В это время архангелы Михаил и Гавриил взяли его под руки и подняли вверх. Они втроем должны были как-нибудь уничтожить воду и открыть сушу. С этой целью они прибегли к такому способу: начали дуть на воду и кое-как достигли бездны морской и стали на песке. Здесь они заметили чьи-то следы. Бог сказал: «Пойдем по этим следам! Посмотрим,

чьи они и куда нас поведут». Архангелы согласились, пошли по замеченным следам и пришли к синему камню. Когда был поднят камень, оттуда выскочил Самоэль, который схватил Бога за горло и хотел его задушить. Бог опечалился и стал просить помощи у ангелов; но и те не могли освободить Бога. Исхода не было и Бог начал упрашивать Самоэля так: «Отпусти только — и проси, что хочешь». Самоэль ответил: «Больше ничего не хочу, только побратаемся».

Бог согласился; Самоэль освободил его и пошел своею дорогою. Бог с двумя ангелами остался на месте. Приступили они к отделению воды от земли; но ничего сделать не могли. Строили они стену между водою и сушею, но от напора воды стена разрушалась и вода вновь соединялась с сушею. Опечалились все трое; видели они, что труд их даром пропадал; не знали, что сделать. Архангел Михаил сказал: «Пойду к твоему брату, Самоэлю, — может быть, он научит, что делать». Бог согласился. Ангел пошел к Самоэлю и рассказал ему о цели своего прихода. Самоэль, действительно, научил.

— Передай брату моему, Богу,— сказал Самоэль архангелу,— что, сколько сможете, вы обтесывайте камень втроем, стройте стены и потом разрушайте их опять. Это воздвижение и разрушение стен повторите много раз и, когда оно вам надоест, приготовьте две трубы, приложите одну к другой и вы, оба ангела, трубите в них, сколько будет силы. Когда вы устанете, тогда сам Бог, насколько позволят ему силы, пусть закричит громко, и суша освободится от воды: первая останется на месте, а вторая отойдет в другую сторону».

Архангел Михаил поблагодарил Самоэля за совет и возвратился к Богу, которому рассказал все. Бог и архангелы исполнили предложение Самоэля, то есть начали они тесать камни, строить стены и уничтожать их; выковали две трубы, трубили в них, как могли; наконец, Бог громко закричал, и после этого вода пошла особо и суша показалась. По отделении воды от земли, Бог в течение семи дней сотворил всех животных и человека. Первые люди были Адам и Ева. Бог взял землю; вдунул в нее душу, и явились Адам и Ева, оба слепые. Архангел Михаил, назначив им местопребывание, сказал им, чтобы они до его прихода никого не слушались, и ушел. [*Самоэль в образе козла соблазняет Адама и Еву съесть яблоко, чтобы прозреть.*] После всего случившегося Самоэль пошел опять к Богу и в качестве брата просил отмежевать ему его долю. Бог отказал.

— Так зачем же ты признал меня братом? — исказал Самоэль Богу. — Если ничего другого не дашь, по крайней мере, дай мне *сапицари*[76]. Бог дал сапицари Самоэлю; последний проглотил его и пошел к себе в ад. Прошло много времени и родился Христос. Последний, взяв с собою, что было на свете живого, начиная с человека и кончая пресмыкающимися, пошел в ад. Там его встретил Самоэль. Христос, как только увидел Самоэля, схватил его за горло, стиснул рукой и заставил его выбросить изо рта сапицари.

(Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1890. Вып. 10. С. LXXV—LXXVII)

Карело-финская легенда

Прежде чем появилась земля, стоял Бог на золотом столбе посреди моря. Когда Он увидел в воде Свое отражение, сказал Он: «Вставай». Это был Черт. Бог спросил у Черта: «Как бы быть земле?» Тот ответил: «Надо погружаться три раза на дно моря». Бог так и велел ему сделать. Черт погружался в воду, но утаил земли во рту на третий раз. Из земли Бог сделал землю, мявши ее на ладони. А земля во рту у Черта увеличилась, и у него заболели углы рта. Он пожаловался и признался Богу, в чем дело. Но Бог вынул землю изо рта Черта и бросил ее на север, где из нее образовались камни и скалы.

(*Мансикка В*. Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира // Этнографическое обозрение. 1909. № 2, 3. С. 171)

Мордовский миф

Верховный бог сотворил все видимое и невидимое. Когда он творил, шайтан, по злобе своей, всячески старался испортить каждое творение, но премудрость Чама-Паза [Шкая] каждую порчу шайтана обращала на добро. Так, когда создано было небо, оно было чистое, голубое; шайтан набросал на него черных туч. Чама-Паз не очистил небо от туч, но вложил в них дождь и велел им орошать землю, отчего она сде-

лалась плодородною. Чама-Паз создал реки с гладкою, светлою поверхностью; шайтан напустил на них ветры и произвел волнение, но Чама-Паз построил барку, сделал руль и весла, сшил парус и научил людей судоходству. Когда Чама-Паз захотел сотворить сушу, а воды в это время были уже созданы, то увидал, что шайтан в виде утки плавает по морю. Чама-Паз велел ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. шайтан нырнул, достал земли, но Чама-Пазу отдал не всю, немного удержав у себя во рту. Чама-Паз из принесенной со дна моря земли сотворил сушу. Земля из рук его вышла гладкая, ровная. Но шайтан набросал на нее оставшейся у него во рту земли, отчего образовались горы, камни, овраги. Но Чама-Паз поправил порчу, сделанную шайтаном: он положил в горы золота, серебра, железа и драгоценных камней. Из накиданных шайтаном каменьев научил людей делать мельничные жернова, а овраги наполнил водою, отчего произошло множество речек. Чама-Паз создал землю, покрытую прекрасными деревьями, как сад какой, но шайтан поднял бурю и повалил множество деревьев; Чама-Паз оставшиеся оттого пустые места обратил в пашни и луга и научил людей землепашеству и сенокошению.

Стараясь испортить каждое творение Чама-Паза, шайтан хотел то же сделать и человеком. Чама-Паз слепил человека из глины и еще не вложил в него души, ушел на некоторое время в другое место для сотворения души, а чтобы шайтан не испортил сотворенного тела, приставил собаку караулить

его. А собака была прежде животное чистое, и на ней шерсти не было. шайтан напустил страшный мороз, так что собака едва не замерзла; он предложил ей одеть ее шерстью, чтобы не было холодно, и за то допустить его ненадолго к созданному Чама-Пазом, бездушному еще человеку. Собака согласилась. шайтан оплевал всего человека, от чего произошли болезни, потом стал вдыхать в него злое свое дыхание. Чама-Паз пришел и прогнал шайтана, собаке велел навсегда носить нечистую шерсть, а чтобы поправить испорченное тело человека, выворотил его наизнанку, но болезни, происшедшие от шайтановой слюны, все-таки остались в нем. Потом, вдунув в человека доброе свое дыхание, оставил его. Оттого в человеке и остались наклонности к добру и к злу: добрые наклонности от дуновения Чама-Паза, а злые от дуновения шайтана.

Когда человек был таким образом создан, шайтан сказал Чама-Пазу, показывая на человека: «В нем половина души моей и половина твоей, разделим же всех людей пополам, пусть одна половина будет твои люди, а другая — мои». Чама-Паз прогнал шайтана, и чтобы люди, по при чине присутствия в них зла, все не сделались добычей шайтана, вложил в человека разум и научил его отличать хорошее от дурного. шайтан от досады стал творить свои создания; сначала сотворил множество злых духов, подобных себе, но менее могущественных, потом сотворил разные болезни и напустил их на людей; болезни эти — тоже злые духи.

(*Мельников П. И.* Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 52—54)

Мордовский (эрзянский) миф

Человека вздумал сотворить не Чама-Паз, а шайтан. Для того он собрал глины, песку и земли от семидесяти семи стран света и слепил из них тело человека. Но, сделав тела, никак не мог его привести в благообразный вид: то слепит свиньей, то слепит собакой, то гадом каким-нибудь, а шайтану хотелось сотворить его по образу и по подобию Божью. И позвал шайтан птичку-мышь и сказал ей: «Лети ты на небо, там у Чама-Паза полотенце висит; когда он в баню ходит, тем полотенцем обтирается; висит оно у него на гвоздике; заберись ты в один конец полотенца, свей гнездо, разведи детей, чтобы один конец того полотенца стал тяжелей и упал бы ко мне на землю». Птичка-мышь послушалась шайтана, свила гнездо в конце Чама-Пазова полотенца, развела мышат, от тяжести их полотенце и упало на землю. шайтан тотчас подхватил его, обтер им слепленного человека, и он получил образ и подобие Божье.

После того шайтан стал оживлять человека, но никак не мог вложить в него живую душу. Бился-бился и уже хотел было разрушить свое создание, но Чама-Паз сказал: «Убирайся ты, проклятый шайтан, в пропасть огненную, я и без тебя сотворю человека». А шайтан отвечал: «Я хоть подле постою, когда ты будешь класть в него живую душу; ведь я его работал, и на мою долю из человека что-нибудь надобно дать, а то, кака хочешь, братец Чама-Паз, будет мне обидно, а тебе нечестно». Спорили Чама-Паз с шайтаном, спорили,

наконец Чама-Пазу надоело. «Слушай, шайтан, - сказал он, - давай делить человека: образ и подобие от моего полотенца, и душа моя, потому что я ее вдунул, а тело будет твое». шайтан поспорил-поспорил, но должен был согласиться, потому что Чама-Паз не в пример сильнее его. Оттого, когда человек умирает, душа с образом и подобием Божьим идет в небеса к Чама-Пазу, а тело, лишаясь души, теряет и подобие Божье, гниет, разваливается и идет в землю на добычу шайтану.

(*Мельников П. И.* С. 54—55)

Повесть временных лет

<...> *6579 (1071) г.* <...> Они же [волхвы] сказали: «Мы ведаем, как человек сотворен». Он же [воевода Ян Вышатич] сказал: «Как?» Они же сказали: «Бог мылся в бане, распотелся, отерся ветошкой, и бросил ее с неба на землю. И заспорил Сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил». Сказал им Ян: «Воистину прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же сказали: «Антихристу!» Он же сказал им: «А где он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Ян: «Какой это Бог? Это бес, а Бог пребывает на небе, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом, не смея на него взглянуть. Один из этих ангелов и был свергнут, тот, которого вы называете Антихристом <...>».

Пер. *Б. А. Романова* (Повесть временных лет.
Т. 1. М.—Л., 1950. С. 318—319)

Ненецкий миф

Ни неба, ни земли не было, была только одна вода. Жили на воде только один горностай и одна гагара. Горностай сказал: «Что будем делать? Если так все время будет вода, ничего же не будет. Надо подумать». На это гагара ответила: «Я нырну вниз и через семь недель вернусь обратно». Нырнула и через семь недель вынесла во рту один камешек и одну крупицу земли. [*Иногда гагару за землей посылает Нум.*] Горностай сказал гагаре: «Спи, не смотри сюда». Гагара заснула и затем, когда через некоторое время проснулась, увидела, что воды нет, появилась земля, не ней выросли горы и появились духи — хозяева неба и земли [Нум и Нга]. Хозяин неба думает: «Вот земля-то есть, а людей нет, что мы будем делать?» На это хозяин земли говорит: «Я сотворю человека»,— и вылепил из глины изображения мужчины и женщины. Подумал: «Как я стану делать душу?» Хозяин неба на это сказал: «Я сделаю»,— и вдул в глиняные изображения душу, и они ожили. Так появились люди.

(*Хомич Л. В.* Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 17—18)

Алтайский миф

До того как была создана земля, всюду была вода; земли совсем не было, неба не было, солнце и месяц не существова-

ли. Бог летел [над водой] с еще одним человеком в виде двух черных гусей. Бог ни о чем не думал; тот человек поднял вихрь, взволновал воду и и забрызгал Божье лицо. Тот человек хотел подняться выше Бога, но упал вниз и свалился в воду. Корда опомнился, то закричал: «Ах Боже мой, спаси меня!» Когда он выплыл из воды, Бог сказал: «Пусть выйдет твердый камень»,— и из морской глубины вышел твердый камень. На него сверху сел человек и жил там вместе с Богом. Бог сказал: «Опустись на морское дно и принеси земли». Человек спустился на дно, набрал рукой горсть земли и дал ее Богу. Бог разбросал эту землю по глади моря и сказал: «Спустись снова и принеси еще земли». Человек подумал: «Если спущусь, принесу на этот раз и для себя земли». Спустился на дно воды и набрал двумя руками земли — как задумал. Одну горсть земли принес Богу, а другую скрыл в своем рту и выплюнул с намерением создать землю тайком от Бога. Одну горсть дал Богу; Бог ее взял, разбросал, и земля стала толстой. А тот человек скрыл другую горсть в своем рту, но земля стала расти, и человек едва не задохнулся.

Он начал убегать от Бога и подумал уже, что далеко от того, но когда оглянулся — Бог снова рядом. Человек совсем задыхался, не знал, что делать, и крикнул: «Ах Боже, истинный Боже, спаси меня!» Бог сказал: «Как ты думаешь? Ты думаешь, что можешь взять землю в рот и скрыть ее. Зачем ты скрыл эту горсть?» Человек сказал: «Я утаил землю во рту, чтобы создать для себя сушу». Бог сказал: «Выплюнь

ее!» Когда человек ее выплюнул — образовались болотные кочки. Тогда Бог сказал: «Ты согрешил. Ты хотел мне сделать зло,— потому и мысли народа, который ты создашь, будут злы, а мысли подчиненного мне народа будут святы. Они увидят сонце, увидят свет, и я буду назван истинно Курбусту. Твое имя будет Эрлик. Всякий человек, который скроет грехи от меня, будет твой, Эрликов, человек, а всякий, кто бережется от твоих грехов, будет мой».

Выросло дерево без ветвей. Бог его увидел. «Один стебель без ветвей страшен на вид,— сказал Бог. — Пусть вырастут из него девять ветвей!» И действительно девять вервей выросло. «Из девяти ветвей пусть вырастут девять человек и пусть произойдут от них девять народов»,— сказал Господь.

Когда Эрлик пришел и услышал шум многочисленных существ, то спросил Бога: «Откуда этот шум?». Бог сказал: «Ты князь, и я князь. Это мой народ».

Эрлик ответил: «Ах, дай его мне». Бог сказал: «Нет, не тебе его дам, ты подожди». Тогда Эрлик подумал: «Погоди, дай я отойду и увижу этот Божий народ». Эрлик отошел и, когда приблизился к дереву, увидел все: людей, зверей, птиц и всякую живность. Эрлик сказал: «Как Господь создал все это? Я его еще украду. Но как направлю? И как питается этот народ?»

Когда увидел Эрлик, что народ питается только с одной стороны одного дерева, а другой не трогает, он спросил: «Зачем вы едите только отсюда?»

Один человек ему сказал: «Это еда, которую Бог нам определил».

Бог сказал людям: «Не ешьте с тех четырех веток, а видите, там, на восточной стороне, есть пять веток — от их плодов ешьте». Сказав это, Господь вознесся на небеса, а при дереве оставил собаку и ей сказал: «Когда придет дьявол, схвати его!» И затем Бог сказал собаке и змее: «Если придет какой человек, чтобы есть с этих веток, дайте ему есть, а если захочет есть с тех четырех, не пускайте его».

[Эрлик вошел в уснувшую змею, влез на дерево, ел запрещенные плоды и дал их женщине Еджи, которая жила с мужчиной Тёрёнгёем. Женщина уговорила мужа попробовать, отчего волосы спали с тел грешников; от стыда они укрылись на дереве. Явился Бог и наказал змею, которую отождествил с дьяволом; укорял людей и сказал им, что они стали бы подобны ему, если бы его слушали. При этом заявил, что впредь не будет сам создавать людей, а нужно будет им самим рождаться].

Наконец Бог обратился к дьяволу и спросил его: «Зачем ты совратил моих людей?» Эрлик сказал: «Когда я тебя просил, чтобы ты дал их мне, ты мне их не дал — потому я их у тебя украл; когда поедут на коне, я их сброшу с коня; когда будут пить араку, стравлю их друг с другом, заставлю драться, научу биться палками; когда войдут в воду, утоплю их; когда влезут на дерево, сделаю, чтобы они упали наземь».

Тогда Бог сказал: «Под тремя зелеными пластами лежит область мрака, где нет ни солнца, ни месяца; туда тебя брошу». А людям сказал: «Отныне никогда не буду давать вам еды, кормитесь, как можете; и больше не буду приходить и говорить с вами, а пошлю к вам Май-Тере[77], он вас научит всему».

Но дьявол склонил Май-Тере ходатайствовать перед Богом, чтобы тот ему позволил подняться в небеса. дьявол принялся молить Бога: «Дай мне благословение завершить небо». Бог его благословил, и Эрлик сотворил небо, где его дьяволы развелись в огромном количестве.

Тогда жил Божий человек Манди-Шире[78], который подумал: «Наши люди живут на земле, а Эрликовы на небе; это очень плохо». Манди-Шире начал из-за этого войну с Эрликом, но Эрлик его победил. Манди-Шире пришел пожаловаться Богу, но Бог ему ответил: «Нет сильнее меня, но Эрлик сильнее тебя; его время еще не пришло; когда время ему придет, я тебе скажу. Теперь иди, и если в тот самый день выступишь, то будешь сильнее».

Когда пришло время, Бог дал Манди-Шире копье, которым тот разбил небо Эрлика, и из развалин того неба возникли скалы, камни, горы. Эрлик тогда пошел молить Бога, чтобы тот дал ему взамен разрушенного неба известное пространство на земле.

Бог позволил ему взять столько места, сколько охватит его палка. Но эту ширину Эрлик попытался отгородить себе

неба, но Бог сбросил его в мрачную преисподнюю и сказал, что будет его судить, когда дойдет до края света: «Если будешь вести себя хорошо, я снова введу тебя в мою светлую область, если будешь зол, снова тебя отлучу». Эрлик ответил: «Я сказал, что буду забирать всех умерших людей. Бог на то не согласился, но позволили Эрлику самому создавать людей. Эрлик сделал кузню с мехами, взял железный прут и начал его ковать молотом. С каждого удара выскакивали один за другим: жаба, змея, медведь, кабан, два демона и верблюд. Бог бросил инструменты Эрлика в огонь — из меха возникла женщина, а из железного прута и молота — мужчина. Бог плюнул на них, и они превратились в журавля и крысу.

После этого Бог ушел на небо и оставил нескольких святых [Манди-Шире, Шал-Джиме[79] и др.] заботиться о людях.

(*Драгоманов М. С.* 290—293)

Бурятский миф

В начале веков был хаос, в котором во мраке бродила Эхэ-Бурхан [Мать-богиня]. Решила она разъединить небо и землю, сделала дикую утку, та нырнула в воду и принесла на клюве грязь. Из этой грязи Эхэ-Бурхан слепила Землю-Матушку. Затем сотворила на ней растения и животных. От Солнца Эхэ-Бурхан произвела на свет дочь — добрую

Манзан Гурмэ, от которой позднее родились все западные божества. От Месяца Эхэ-Бурхан родила вторую дочь — злую Маяс-Хара [или Хара-Манзан], от которой пошли все восточные небожители. Первые люди появились на земле также благодаря Эхэ-Бурхан. На стороне заката солнца она создала женское начало, на стороне восхода — мужское. Они соединились, и родились первый мужчина Паханг и первая женщина Туя.

(Жуковская Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 95, 96)

Бурятский миф

Царь Неба плавал по поверхности океана, не находя на ней твердого участка земли для отдыха; чтобы создать твердую землю на поверхности океана, нужно было достать земли с его дна, для этого нужно было нырнуть в воду, обернувшись водяной птицей. Но творец не обладал нужным для этого искусством превращений. На помощь ему пришел Эрлик-хан, обладающий вещим знанием; он обратился в гагару, нырнул и вынес со дна моря горсть земли. Творец превратил ее в материк, который потом покрылся растительностью и был населен животными.

Когда земля была создана, Эрлик-хан потребовал себе право участвовать в управлении ею. Но Царь Неба отказал

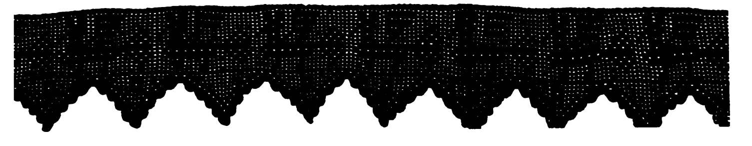
ему. Между двумя творцами возникла ссора, кончившаяся, по некоторым вариантам, поединком или дракой. Тогда оба творца заключили условие, по которому все живые твари должны принадлежать Царю Неба, а мертвые — Эрлику. [*По другому варианту, борьба между Царем Неба и Эрликом продолжается до сих пор. Эрлик обладает могуществом, равным могуществу Царя Неба, и стоит во главе царства мертвых, он царь ада.*]

(*Шаракшинова Н. О.* Мифы бурят. Иркутск, 1980. С. 27)

Гуронский миф

С неба сошла божественная женщина, и две птицы ее держали над водой. Эти две птицы после звали на помощь разных других животных, из которых черепаха согласилась взять богиню себе на спину и потом посылала разных животных на дно воды, чтобы принесли оттуда земли. Из той земли, которую богиня разложила вокруг черепахи, образовалась суша. Вслед за тем женщина родила двух близнецов — одного доброго, другого злого, из которых последний пробил чрево своей матери и стал причиной ее смерти. Из тела женщины выросли полезные для человека растения, а затем один из близнецов создал полезные для человека предметы, а другой — вредные.

(*Драгоманов М.* С. 275)

Примечания

[1] Мой перевод «Велесовой книги» опубликован в данной же серии «Антология мудрости»: Велесова книга. Славянские Веды. М.: Эксмо, 2002.

[2] Вследствие гонений со стороны мусульманских завоевателей Ирана многие зороастрийские священные книги лучше всего сохранились среди индийских зороастрийцев-парсов.

[3] Подробнее см. послесловие автора к книге: Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

[4] Сон этот есть не во всех записях стиха, но присутствует в его письменном пересказе — «Беседе Иерусалимской».

[5] Указываются основные ответы, а в скобках — менее распространенные варианты.

[6] *Упанишады* — священные книги, предназначенные для странствующих аскетов-брахманов. Сложены в VIII—VI вв. до н.э. и позже, вплоть до начала новой эры.

[7] Сочинение Затспрама, зороастрийского богослова IX в.

[8] Орфические гимны, созданные в Греции в VI—V вв. до н. э., приписывались мифическому Орфею — фракийскому певцу-шаману.

[9] Подробнее о значении сцен борьбы животных см.: *Дудко Д. М.* Свет из иранского мира // Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2002. С.440—454.

[10] Подробнее см. книгу М. Л. Серякова «Вселенский закон. Незримая ось мироздания» (М.: Яуза — Эксмо, 2005).

[11] Геродот называет Араксом, кроме Волги (IV, 11), Амударью (I, 201—211) и закавказский Аракс (IV, 40).

[12] Под именем *Каллисфена*, ученика Аристотеля и спутника Александра Македонского, александрийские книжники сочинили «Александрию» — весьма. популярный в древности и средневековье роман о приключениях великого завоевателя. В той же среде возник «*Физиолог*» — не менее популярная зоологическая энциклопедия. *Талмуд* — многотомный комментарий к Библии, созданный еврейскими раввинами.

[13] Мф. 21: 42—44; Деян. 4:, 11; 1 Пет. 2: 3—8; Еф. 2: 19—21. Образ взят из Псалтири (117: 22).

[14] Модная ныне теория полярной прародины ариев совершенно не согласуется с данными археологии. Север Восточной Европы населяли в эпоху индоиранского единства (III—II тыс. до н.э.) не скотоводы и земледельцы бронзового века, какими были арии, а примитивные охотники и рыболовы. Знания же о полярных странах индоиранцы черпали у своих северных соседей — финно-угров. Это убедительно показали индолог Г. М. Бонгард-Левин и иранист Э. А. Грантовский в своей увлекательной книге «От Скифии до Индии».

[15] Приверженцев этой ереси обзывали «жидовствующими» церковники за особое внимание к Ветхому Завету. В действительности это был не иудаизм, а типичная предпротестантская ересь, осуждавшая неправедную Церковь и отвергавшая многие обряды. Советские исследователи деликатно называли ее «новгородско-московской ересью».

[16] «Лютым зверем» в Древней Руси чаще всего называли льва (водившегося на юге Восточной Европы еще в XII в.), реже волка, медведя, рысь или змею.

[17] Текст стиха дан по изданию: *Безсонов П.* Калики перехожие. Вып. 2. М., 1861. С. 285—292.

[18] Св. Петр Александрийский празднуется в один день со св. Климентом Папой Римским (25. XI).

[19] Мф 10: 38.

[20] *Антоний* (251—356) — египетский аскет, основатель христианского монашества. *Иларион* (288—372) — палестинский аскет, ученик Антония. *Евфимий Великий* (376—477) — аскет, основатель Евфимиевой лавры под Иерусалимом. *Савва Освященный* (ум.532) — палестинский аскет, основатель лавры, названной его именем. *Феодосий Великий* (474—529) — палестинский аскет, основатель монастыря. *Ефрем Сирин* (IV в.) — отец церкви, богослов и поэт. *Иоанн Златоуст* (347—407) — епископ Константинопольский, отец Церкви, богослов и оратор. *Феодосий Печерский* (XI в.) — основатель Киево-Печерской лавры.

[21] *Мстислав Романович Добрый* (Старый) — князь Смоленский (1197—1223), великий князь Киевский. Погиб в битве на Калке.

[22] В ираноязычных манихейских текстах манихейские божества нередко называются именами близких им зороастрийских божеств.

[23] *Денница* — утренняя звезда, планета Венера. Новый Завет отождествляет с ней не сатану, а Христа (Откр 22: 16).

[24] По древнегреческим представлениям, Тартар — подземелье (ниже Аида), где заточены титаны; ниже его — «бездна вихрей».

[25] Перевод дан по Каркасонской рукописи (*К*). Варианты приведены по Венской рукописи (*ВР*).

[26] В классическом манихействе Адам, Сиф, Ной — наоборот, пророки Отца Величия.

[27] Лк 16: 6.

[28] Быт 1: 1.

[29] I Ин 3: 12 («от лукавого»).

[30] Ин 1: 4.

[31] Быт 1: 26.

[32] Мф 1: 2.

[33] *Родство* — подземный огонь Рода.

[34] Т. е. существует по 70 островов, языков, частей тела, видов растений, зверей и т. д.

[35] Средневековый латинский текст, приписываемый Эпиктету (50—138) — римскому философу-стоику, беседы которого записал историк Арриан.

[36] *Две денницы* — планета Венера утром и вечером.

[37] Пс 76: 19. Животные с четырьмя лицами — человека, быка, орла и льва, движущиеся с быстротой молнии, описаны в видении Иезекииля (Иез 1: 10—14). Отсюда четыре животных Апокалипсиса (4, 5—8), в церковной традиции (но не в Библии) считающиеся символами четырех евангелистов.

[38] *Гермоген* (II в.) — римский ритор, автор учебника риторики.

[39] Двенадцать вершин неба соответствуют месяцам года и знакам Зодиака, семь ярусов — семи астрологическим светилам.

[40] *Грипсосы* — грифон; *халендрии* — вероятно, драконы.

[41] Точнее, по-гречески.

[42] *Диоклетиан* — римский император (284—305), жестокий гонитель христианства.

[43] У северо-западных славян Святовит стал всадником-воином, сражающимся по ночам, скорее всего, под влиянием германского Одина-Водана.

[44] В греческих текстах духи-служители Бога и сатаны нередко одинаково именуются «ангелами». Славянские книжники, дабы не называть одинаково светлых духов и бесов, последних стали именовать, вопреки нормам греческого произношения, «аггелами».

[45] *Прикос, притча* (притка), *волосатик* — виды болезней или магической порчи.

[46] Ноготь (нокоть) — конская болезнь (затвердение века).

[47] *Притчи, уроки* — порча, сглаз.

[48] См.: Матерь Лада. С.147, 195.

[49] *Вирадж* — воплощение женского творческого начала.

[50] *Садхья* — один из родов богов.

[51] *Раджанья* — сословие царей и воинов (кшатрии).

[52] *Гандхарвы* — полубоги, небесные певцы и музыканты.

[53] *Арка* — многозначный термин: «луч», «огонь», «восхваление», «обряд»; здесь — «вода».

[54] *Ричи* — гимны, яджусы — жертвенные формулы, *саманы* — напевы.

[55] *Адити* — бесконечность, имя верховной богини-матери.

[56] *Карапаны, кавии* — жрецы, враждебные Заратуштре.

[57] *Ахунавар* — главная зороастрийская молитва.

[58] *Вахман, Ардвахишт, Шахревар, Спандармад, Хордад, Амордад* — «бессмертные святые» (*амеша спента, амахраспанды*), главные зороастрийские божества. *Акоман, Андар, Савар, Накаед, Тарев, Зарев* — главные дэвы.

[59] *Дарага* (Даити) — Амударья.

[60] *Садвес* (Сатавеса) — звезда Антарес.

[61] *Хушидар* — первый из грядущих спасителей, сыновей Заратуштры; второй — Хушидармах, третий — *Сошйанс (Саошьянт)*, или *Исадвастар*.

[62] *Срош* (Сраоша) — бог послушания и порядка, вестник Ормазда, борец с чудовищами. *Хешм* (Аешма, библейский Асмодей) — дэв злобы, самый могущественный из дэвов.

[63] *Омофор* — божество-атлант. .

[64] *Переправы* — устройства, через которые происходит освобождение частиц света из материального мира и вознесение их в мир света.

[65] *Хенир* — бог, спутник Одина. *Лодур* — Локи, бог зла.

[66] *Хеймдалль* — бог света.

[67] *Фенрир* — чудовищный волк, сын Локи и великанши. При конце света сорвется с цепи и проглотит солнце и убьет Одина.

[68] *Гуллинкамби* (Золотой Гребешок) — петух, который возвестит конец света. *Отец Дружин* — Один.

[69] *Гарм* — чудовищный пес, который, подобно Фенриру, сорвется с цепи при конце света (или сам Фенрир).

[70] *Хрюм* — великан. *Нагльфар* — корабль из ногтей мертвецов. *Брат Бюлейста* — Локи.

[71] *Хлин* — Фригг, жена Одина.

[72] *Убийца Бели* — Фрейр, бог плодородия, убивший великана Бели.

[73] *Отец Побед* — Один. *Сын Хведрунга* (Локи) — Фенрир.

[74] *Потомок Хлодюн* (Фьергюн), *сын Фьергюн* — Тор.

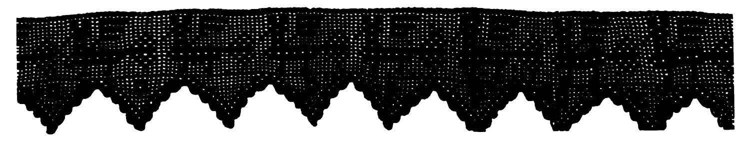
[75] *Бальдр* — светлый солнечный бог, погубленный Локи. *Хёд* — слепой бог, невольный убийца Бальдра. *Хрофт* — Один.

[76] *Сапицари* — магический предмет, обладателю которого доставались все жертвы, приносимые Богу или предкам.

[77] *Май-Тере* — Майтрейя, грядущий будда (индоиранский Митра).

[78] *Манди-Шире* — Манджушри, бодхисаттва (божество) мудрости.

[79] *Шал-Джиме* — иранский Йима, солнечный первочеловек.

Содержание

УДК 82-343
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6
Г 62

Г 62 **Голубиная** книга. Славянская космогония. — М.: Эксмо, 2008. — 432 с. — (Антология мудрости).

ISBN 978-5-699-30006-8

«Упала с небес книга. Звалась она «голубиной» — от своей чистоты и небесной святости. Или «глубинной» — от глубины заключенной в ней премудрости. Говорилось же в книге о том, как начался наш мир: откуда пошли белый свет, солнце, месяц, звезды, заря, гром, ветер, откуда взялись сословия — цари, князья-бояре, крестьяне. И о том, что есть в этом мире самого святого и главного: какой царь — над царями царь, какая земля — всем землям мать, какое самое главное море, озеро, река, церковь, гора, камень, дерево, трава, зверь, птица. А еще о том, как боролись Правда с Кривдою и куда она, Правда, подевалась в этом грешном мире». — Так издревле пели на Руси «калики перехожие», странники-слепцы, декламирующие духовные стихи.

О существовании этой загадочной книги мы узнаем из жития ученого-священника XIII века Авраамия Смоленского. В 1760-х годах «Стих о Голубиной книге» записал один из первых собирателей русского фольклора, легендарный Кирша Данилов. Но лишь современные ученые догадались, что «Голубиная книга» — это космогонический миф древних славян, созвучный индийской «Ригведе», скандинавской «Старшей Эдде», персидской «Авесте» и «Пополь-вух» американских индейцев.

УДК 82-343
ББК 82.3(2Рос-Рус)-6

ISBN 978-5-699-30006-8

Литературно-художественное издание

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

СЛАВЯНСКАЯ КОСМОГОНИЯ

Редактор *Ю. Кулишенко*
Подбор иллюстраций *А. Терехова*
Художественные редакторы *М. Панова, А. Сауков*
Оформление переплета *Е. Шамрай*
Компьютерная верстка *Ю. Кулишенко*
Корректоры *С. Никулин, И. Коновалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями** обращаться в ООО «Дип покет»* ***E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt Ltd for their orders* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел 411-68-59 доб 2115, 2117, 2118*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный) e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46 **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А Тел (863) 220-19-34. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул Бузкова, д. 2 Тел./факс: (032) 245-00-19 **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д 153 Тел /факс (0652) 22-90-03, 54-32-99 **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2 Тел.. (495) 780-58-34.

Подписано в печать 07.07.2008. Формат 70×100 $^1/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л 17,55.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4633

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«Упала с небес книга.
Звалась она “Голубиной” —
от своей чистоты и небесной
святости. Или “Глубинной” —
от глубины заключенной
в ней премудрости.
Говорилось же в книге о том,
как начался наш мир,
и о том, что есть в этом мире
самого святого и главного...»
О существовании этого текста
мы узнаем из жития ученого-
священника XIII века
Авраамия Смоленского.
В 1760-х годах «Стих
о Голубиной книге» записал
один из первых собирателей
русского фольклора,
легендарный Кирша Данилов.
Но лишь современные ученые
догадались, что «Голубиная книга» —
космогонический миф древних славян,
созвучный индийской «Ригведе»,
скандинавской «Старшей Эдде»
и персидской «Авесте».